947.07
Б-748

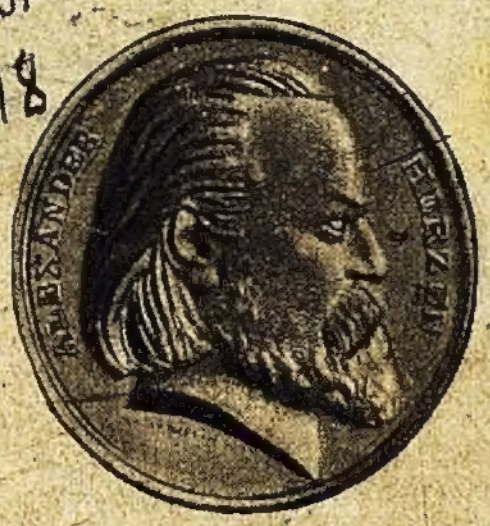
В. Я. Богучарскій

25/о
1402

Александръ Ивановичъ

ГЕРЦЕНЪ

947.07
Б748



947.07
Б 748

ИЗДАНІЕ КРУЖКА
ИМЕНИ
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА
ГЕРЦІЕНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 1912

K10

921
Б 748 Т 41

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

2-31-29/IX 40

Колич. предыд. выдач _____
зак. 1000

УЕЗДНАЯ КАСИМОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА
920
Г41Л
4745

4745

А. И. Герценъ.

(25 марта 1812—9 января 1870).

ПРОВЕРКА 34

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ

ГЕРЦЕНЪ

98403
49
9(47).07
Б748

ИЗДАНІЕ КРУЖКА
ИМЕНИ
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА
ГЕРЦЕНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ — 1912

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Московск. Обл. Библиотеки

„Русская Скоропечатня", Спб., Екатерин кан., 94

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежномъ,—
Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! Свобода!

I.

Дѣтство и юность

(1812—1834 гг.).

Сто лѣтъ тому назадъ произошло событіе, имѣвшее міровыя послѣдствія: въ „сердце Россіи“ — Москву — вступилъ со своими „двунадесятью языками“ Наполеонъ. Вступивши въ русскую столицу, войска „непобѣдимаго корсиканца“ занялись, разумѣется, тѣмъ же, чѣмъ занимаются въ подобныхъ случаяхъ всѣ войска „отъ Ромула до нашихъ дней“: грабежомъ. Въ отвѣтъ на вторженіе чужеземцевъ надъ Москвою занялось зарево громадныхъ пожаровъ: то „побѣжденные“ старались нѣсколько попалить лавры „побѣдителей“, дабы потомъ тѣмъ легче эти лавры и поприморозить. Дѣло принимало для наполеоновской арміи оборотъ нѣсколько непріятный, а передъ взорами самого императора французовъ среди дыма и огня пылающей Москвы уже носились и видѣнія, говорившія ему о возможности ро-

кового исхода для его похода въ эту „страну скиѳовъ“...

Вѣдь былъ уже въ ней съ своей великолѣпною арміею и другой великій полководецъ... тамъ, подъ Полтавою...

„Разстрѣливать поджигателей... десятками, сотнями разстрѣливать... конфирмирую впередъ...“, ронялъ, по обыкновенію, отрывистыя, но имѣвшія фатальное значеніе для множества человѣческихъ жизней слова, глядя изъ оконъ Кремля на подымавшіеся со всѣхъ сторонъ столбы пламени, Наполеонъ... Слова „властелина полуміра“ подхватывались на-лету и съ молніеносною быстротою претворялись въ кровавыя трагедіи... Но казни не помогали. Страшная стихія разливалась все съ большею и большею яростью, превращая въ груды пепла и дворцы, и хижины.

Толпы лишенныхъ крова людей безъ различія „званія и состоянія“ искали себѣ пріюта, гдѣ только могли. Многіе располагались прямо подъ открытымъ небомъ на тѣхъ улицахъ, которыя были еще пощажены пламенемъ. Немногимъ лучше было и положеніе „побѣдителей“. Они боролись съ огнемъ, пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы его остановить, но все было тщетно. Видя недостаточность для тушенія пожаровъ своихъ собственныхъ силъ, они хватали самихъ погорѣльцевъ и заставляли ихъ подъ угрозою смерти исполнять всякаго рода работы, необходимыя при борьбѣ съ пламенемъ.

Среди такихъ погорѣльцевъ находилась группа людей—мужчинъ и женщинъ—въ самомъ отчаянномъ положеніи. Одна изъ женщинъ держала на рукахъ грудного ребенка. Къ группѣ подбѣгаетъ французскій солдатъ и начинаетъ отнимать у одного

изъ мужчинъ его мѣховое пальто. Тотъ сопротивляется, но, получивши за это ударъ тесакомъ по лицу, падаетъ, обливаясь кровью, наземь. Всю группу затѣмъ обыскиваютъ самымъ тщательнымъ образомъ до пеленокъ ребенка включительно, который, разумѣется, кричитъ при этой операціи благимъ матомъ. Потомъ всѣхъ мужчинъ, за исключеніемъ раненаго, отдѣляютъ отъ женщинъ и ведутъ тушить пожары. Къ тушильщикамъ подъѣзжаетъ наполеоновскій офицеръ, родомъ итальянецъ, и съ недоумѣніемъ слышитъ обращенную къ нему, изъ ихъ толпы, на чистомъ итальянскомъ языкѣ, просьбу принять какія-либо мѣры для оказанія помощи семьѣ говорившаго, находящейся въ самомъ бѣдственномъ положеніи, безъ крова, безъ куска хлѣба и въ постоянной опасности подвергнуться всякимъ видамъ насилія со стороны французскихъ солдатъ. Офицеръ обѣщалъ доложить просьбу „главнокомандующему Москвы“ Мортье, герцогу Тревизскому, и быстро исполнилъ свое обѣщаніе. Узнавши имя просителя, герцогъ Тревизскій вспомнилъ, что съ этимъ ситемъ — знатнымъ русскимъ бариномъ Яковлевымъ — онъ былъ знакомъ въ Парижѣ лично, вслѣдствіе чего и оказалъ ему „свое содѣйствіе“; когда же Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ,—это былъ отецъ Александра Ивановича Герцена, того самаго малютки, котораго обшарили въ тотъ день французскіе солдаты, — попросилъ Мортье дать ему съ семьею пропускъ на выѣздъ изъ Москвы, то герцогъ отвѣтилъ, что это выходитъ изъ предѣловъ его полномочій, ибо выдача пропусковъ зависитъ исключительно отъ одного Наполеона. Но онъ обѣщалъ доложить просьбу Яковлева французскому императору. Мечась въ Кремлѣ изъ угла въ уголъ,

не видя предъ собою непріятеля, но зная, что онъ находится поблизости, глубоко уязвленный „дерзостью“ Кутузова, осмѣлившагося отклонить,—отклонить самовольно, даже не доведя о томъ до свѣдѣнія русскаго царя,—мирныя предложенія, сдѣланныя ему... самимъ императоромъ французовъ, Наполеонъ искалъ въ гнѣвѣ своемъ человѣка, который взялся бы доставить его собственноручное письмо Александру Первому. Узнавши отъ герцога Тревизскаго о просьбѣ его парижскаго знакомаго, Наполеонъ отвѣтилъ, что дастъ пропускъ, но подъ условіемъ, чтобы Яковлевъ принялъ на себя порученіе доставить въ Петербургъ письмо русскому царю. Для этого онъ пожелалъ переговорить съ Яковлевымъ лично. Свиданіе состоялось въ Кремлѣ; Яковлевъ принялъ на себя исполненіе порученія Наполеона, получилъ на этомъ условіи пропускъ и выѣхалъ со всей семьей изъ Москвы. Послѣ этого самъ Яковлевъ поскакалъ въ Петербургъ, гдѣ письмо Наполеона и было передано черезъ Аракчеева Александру; семья же его, а въ томъ числѣ и малютка Герценъ, были отвезены въ одну изъ принадлежавшихъ Яковлеву деревень въ Ярославской губерніи [1]).

Вотъ тѣ первые разсказы изъ „семейной хроники“, которые услышалъ черезъ нѣсколько лѣтъ маленькій Герценъ отъ своей нянюшки, Вѣры Артамоновны, и которые наполнили его сердце „гордостью“.

Слушая разсказъ о томъ, какъ потрепали фран-

---

[1]) На основаніи фамильныхъ документовъ, Герценъ удостовѣряетъ, что извѣстный разсказъ Михайловскаго-Данилевскаго объ этомъ эпизодѣ съ посылкой И. А. Яковлева Наполеономъ къ Александру съ письмомъ вполнѣ отвѣчаетъ исторической истинѣ.

цузскіе солдаты въ Москвѣ его самого,—вспоминаетъ онъ со своимъ обычнымъ юморомъ,—„я съ гордостью улыбался, довольный, что принималъ участіе въ войнѣ“.

Но, чтобы оцѣнить первоначальныя „впечатлѣнія бытія“ мальчика, надо сказать два слова объ его отцѣ и матери.

Родъ Яковлевыхъ былъ очень древній, находившійся въ близкомъ родствѣ съ Шереметевыми, Колычевыми и другими извѣстнѣйшими русскими фамиліями. Отецъ Герцена, воспитанный такъ, какъ воспитывались въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка всѣ представители знатныхъ родовъ, т. е. такимъ образомъ, что всю жизнь онъ правильнѣе писалъ по-французски, чѣмъ по-русски, поступилъ 16 лѣтъ въ гвардію, но, дослужившись только до чина капитана, бросилъ службу и уѣхалъ надолго „въ чужіе края“. Исколесивши Европу,—тутъ онъ и познакомился, между прочимъ, въ Парижѣ съ Мортье,—Яковлевъ пріѣхалъ въ Штутгартъ, гдѣ русскимъ посланникомъ былъ его родной братъ. Тамъ у него произошелъ даже не романъ, а такъ,—обычная въ то время барская прихоть,—и въ результатѣ вмѣстѣ съ нимъ въ Россію уѣхала молодая нѣмка Луиза Гаагъ, ставшая 25 марта 1812 года матерью ребенка „Шушки“. Аристократическіе предразсудки Ивана Алексѣевича не позволили ему рѣшиться на „mésalliance“, и Луиза Гаагъ осталась внѣшнимъ образомъ, „состоящею при баринѣ“, подъ именемъ Луизы Ивановны, а болѣе интимно въ качествѣ подруги его „сердца“ (по-нѣмецки „Herz“), откуда и фамилія ея сына.

Такимъ образомъ, мать Герцена была „незаконною“ женою его отца и самъ онъ ихъ „незаконноро-

жденнымъ“ сыномъ. Яковлевъ не захотѣлъ исправить шероховатость положенія, и эта „фальшь“, о которой мальчикъ узналъ очень рано, также рано поставила его „на дыбки“ по отношенію къ тому міру, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію.

Герценъ былъ необыкновенно богато одаренъ самою природою, его психическій аппаратъ, можно сказать, былъ насыщенъ ея дарами, и этотъ человѣкъ навѣрно не затерялся бы ни при какихъ условіяхъ въ толпѣ; но все же можно поставить вопросъ: получился ли бы изъ Герцена тотъ „Герценъ“, тотъ великій русскій гражданинъ, котораго всѣ мы знаемъ, если бы старикъ Яковлевъ „узаконилъ“ своего сына тотчасъ же послѣ его рожденія?.. Кто скажетъ? Кто можетъ отвѣтить на такой вопросъ?... Никто, конечно; но все же позволительно думать, что безъ остраго ощущенія сдѣланной его матери и ему лично „несправедливости“ глаза мальчика открылись бы, вѣроятно, гораздо позже на многое,—и многое поэтому ускользнуло бы тогда отъ его дѣтскаго вниманія или направилось по какому-либо другому пути. Разъ же глаза его раскрылись, то очень рано, такъ сказать, расширилась и душа мальчика для симпатіи ко всѣмъ, испытывающимъ на себѣ тяготу разныхъ видовъ человѣческой несправедливости. Тогда и заработалъ съ особою интенсивностью психическій міръ мальчика, т. е. началась въ немъ та внутренняя дѣятельность, которая заложила первыя основы для развитія въ будущемъ могучей индивидуальности борца за справедливость, человѣческія права и человѣческую свободу. Герценъ пережилъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ не одну горькую минуту, вслѣдствіе „фаль-

ши“ своего положенія, но для насъ, его соотечественниковъ, теперь, когда Герцена уже нѣтъ на землѣ, а есть лишь его кости подъ землею, для насъ, говоримъ мы,—быть можетъ, будучи, разумѣется, безконечно далекъ отъ сознанія того, что онъ дѣлаетъ,—Иванъ Алексѣевичъ, тѣмъ не менѣе, бросивъ въ водоворотъ міра не Александра Ивановича Яковлева, а Александра Ивановича Герцена, этимъ поступкомъ совершилъ въ концѣ-концовъ не плохое дѣло...

Чтобы яснѣе была наша мысль, забѣжимъ далеко-далеко впередъ, въ ту эпоху, когда тридцатипятилѣтній Герценъ въ расцвѣтѣ мощи душевной попалъ за границу, а тамъ обстоятельства вскорѣ сложились такъ, что онъ долженъ былъ сдѣлаться эмигрантомъ,—оторваться навсегда отъ той русской земли, которую онъ такъ пламенно любилъ. Эмиграція—вещь настолько ужасная, что тотъ же Герценъ, на склонѣ дней своихъ, говорилъ извѣстному доктору Бѣлоголовому, что, если бы онъ могъ пережить второй разъ свою жизнь и ему было бы предложено на выборъ—эмиграція или каторга въ Сибири,—онъ безъ колебанія выбралъ бы послѣднее... Мы понимаемъ Герцена и, понимая, возмущаемся, одновременно съ тѣмъ, до глубины души условіями русской жизни, способными ставить подобные вопросы даже передъ такими великими сынами Россіи, какъ онъ, но теперь, опять-таки теперь, когда давно уже нѣтъ Герцена во плоти, но когда зато все несмѣтное богатство духа его растворилось среди многихъ и многихъ его соотечественниковъ, имъ—эмигрантомъ Герценомъ — просвѣтленныхъ и святымъ огнемъ алканія истины зажженныхъ,—возможно ли согласиться съ самимъ Герценомъ, что

было бы лучше провести ему вѣкъ свой въ сибирской каторгѣ, чѣмъ въ эмиграціи, полагая даже, что лично онъ былъ бы въ каторгѣ счастливѣе?.. Нѣтъ, не говоря уже о такой альтернативѣ, но даже и безъ того,—если взять Герцена въ положеніи, скажемъ, Бѣлинскаго, и Герцена въ качествѣ свободнаго европейца,—при какой изъ этихъ двухъ формъ существованія Герценъ сталъ бы для насъ „Герценомъ“?.. Мы признаемъ полную правоту Герцена, отвѣтившаго эмигранту Сазонову, что каждая подцензурная статья Бѣлинскаго неизмѣримо полезнѣе для Россіи, чѣмъ многое изъ произведеній „свободной“ печати эмигрантовъ,—но развѣ самъ Герценъ только эмигрантъ и только внѣшне свободный отъ цензурныхъ колодокъ писатель? Развѣ ему, какъ ему, нечего было повѣдать міру, кромѣ того, о чемъ можетъ говорить на свободѣ и всякая посредственность? Развѣ для проявленія его несравненнаго и непревзойденнаго публицистическаго таланта ему не недоставало именно полной свободы рѣчи? И развѣ для окончательнаго развитія его изъ ряда вонъ выходящихъ духовныхъ силъ ему не нужны были именно непосредственныя наблюденія надъ историческими событіями, совершавшимися среди наиболѣе передовыхъ народовъ Европы, и непосредственное общеніе съ вершинами европейской интеллектуальной аристократіи? Лишь въ этихъ условіяхъ онъ сталъ для насъ вполнѣ Герценомъ, а условія эти истекли въ свою очередь лишь изъ его положенія эмигранта. Нѣтъ, быть можетъ, судьба, сдѣлавшая изъ сына Яковлева эмигранта и тѣмъ давшая намъ окончательнаго Герцена, совершила въ концѣ-концовъ не плохое дѣло...

Но возвратимся къ Герцену-мальчику.

По окончаніи войны съ Наполеономъ Иванъ Алексѣевичъ и его братъ Левъ Алексѣевичъ — упоминаемый въ запискахъ Герцена подъ именемъ „Сенатора“—поселились снова въ Москвѣ. „Прозѣвавъ нѣсколько лѣтъ за границей,—разсказываетъ въ „Былomъ и Думахъ“ Герценъ, — Иванъ Алексѣевичъ и сенаторъ хотѣли устроить жизнь на иностранный манеръ безъ большихъ тратъ и съ сохраненіемъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь на иностранный манеръ не устраивалась,—оттого ли, что не умѣли сладить, оттого ли, что помѣщичья натура брала верхъ надъ иностранными привычками. Хозяйство было общее, имѣніе нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ дома,—всѣ условія безпорядка были налицо. Пока сенаторъ жилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, общей прислуги было человѣкъ до шестидесяти, кромѣ ребятишекъ, которыхъ пріучали къ праздности, лѣни, лганью“.

„Сенаторъ“ былъ человѣкъ свѣтскій, проведшій всю жизнь въ „аристократическихъ и дипломатическихъ кругахъ“, крайне подвижный и безконечно-безалаберный. „Онъ ѣздилъ въ Сенатъ, не имѣя понятія о русскихъ законахъ, такъ же, какъ являлся на всѣ балы, обѣды, торжественныя собранія обществъ,—все равно какихъ,—агрономическихъ, медицинскихъ, страховыхъ, естествоиспытателей, археологовъ... Такъ шла жизнь этого молодого старца до семидесяти пяти лѣтъ, когда онъ скончался такъ же легко, какъ и жилъ“...

Такой человѣкъ никакого вліянія на мальчика, разумѣется, не имѣлъ. Жизнь съ нимъ не была тягостна, но и оставить какіе-либо слѣды на жизни окружающихъ его она тоже, конечно, не могла.

Другое дѣло Иванъ Алексѣевичъ.

„Отецъ мой, — разсказываетъ Герценъ,—рѣдко бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа; онъ постоянно былъ всѣмъ недоволенъ. Человѣкъ большого ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣлъ, слышалъ, помнилъ; свѣтскій человѣкъ accompli, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе отъ всѣхъ... Людей онъ презиралъ откровенно, открыто. Въ сношеніяхъ съ посторонними онъ требовалъ одного—сохраненія приличій: les apparences, les convenances составляли его нравственную религію. Онъ много прощалъ, или, лучше, пропускалъ сквозь пальцы, но нарушеніе формъ и приличій выводили его изъ себя, и тутъ онъ становился безъ всякой терпимости, безъ малѣйшаго снисхожденія и сострадания. Я такъ долго возмущался противъ этой несправедливости, что, наконецъ, понялъ ее:, онъ впередъ былъ увѣренъ, что всякій человѣкъ способенъ на все дурное и, если не дѣлаетъ, то или не имѣетъ нужды, или случай не подходитъ; въ нарушеніи же формъ онъ видѣлъ личную обиду, неуваженіе къ нему или „мѣщанское воспитаніе“, которое, по его мнѣнію, отлучало человѣка отъ всякаго людского общества... Разумѣется, онъ не былъ счастливъ; всегда насторожѣ, всѣмъ недовольный, онъ видѣлъ съ стѣсненнымъ сердцемъ непріязненныя чувства, вызванныя имъ у всѣхъ домашнихъ, онъ видѣлъ, какъ улыбка пропадала съ лица, какъ останавливалась рѣчь, когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой, съ досадой, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшей настойчивостью своей дорогой. На-

смѣшка, иронія холодная, язвительная и полная презрѣнія—было орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически; онъ его равно употреблялъ противъ насъ и противъ слугъ... Страшная скука царила въ домѣ, особенно въ безконечно-длинные зимніе вечера—двѣ лампы освѣщали цѣлую анфиладу комнатъ; сгорбившись и заложивъ руки за спину, въ суконныхъ или поярковыхъ сапогахъ, въ бархатной шапочкѣ и въ тулупѣ изъ бѣлыхъ мерлушекъ ходилъ старикъ взадъ и впередъ, не говоря ни слова, въ сопровожденіи двухъ-трехъ коричневыхъ собакъ“...

Все это было невыносимо, и,—разсказываетъ Герценъ,—„я велъ противъ него маленькую войну, соединяясь съ слугами и служанками“. Небольшая черточка, но она имѣетъ большое значеніе...

Въ первые годы послѣ отечественной войны, когда, совершивши исполинское дѣло, вся Россія чувствовала себя бодро и радостно, оживился не надолго даже и Иванъ Алексѣевичъ: въ домѣ его стали появляться старые сослуживцы, и нерѣдко маленькій „Шушка“ заслушивался разсказами о событіяхъ 1812 и послѣдующихъ лѣтъ, между прочими—графа Милорадовича, того самаго, что палъ затѣмъ 14-го декабря на Сенатской площади въ Петербургѣ отъ пули одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей происшедшихъ тогда событій. Герценъ видѣлъ въ Милорадовичѣ героя войны, но скоро еще большими героями стали въ его глазахъ тѣ, что встрѣтились съ Милорадовичемъ 14 декабря во враждебныхъ станахъ. Новое противорѣчіе жизни, сильно возбудившее критическую работу мысли мальчика...

Слушая разсказы Милорадовича и другихъ ге-

роевъ отечественной войны, душа Герцена наполнилась, разумѣется, самыми патріотическими чувствами. Но что же такое патріотизмъ? Отвѣтъ ясенъ: любовь къ отечеству, жизнь для него и смерть за него. Но „отечество“,—что такое отечество?

„Между прочими,—разсказываетъ Герценъ,—бывалъ у насъ графъ Кенсона, французскій эмигрантъ и генералъ-лейтенантъ русской службы. Отчаянный роялистъ, онъ участвовалъ въ знаменитомъ праздникѣ, на которомъ королевскіе опричники топтали народную кокарду и гдѣ Марія Антуанетта пила за погибель революціи. Графъ Кенсона, худой, стройный, высокій и сѣдой старикъ, былъ тишъ учтивости и изящныхъ манеръ. Въ Парижѣ его ждало перство, онъ уже ѣздилъ поздравлять Людовика XVIII съ мѣстомъ и возвратился въ Россію для продажи имѣнія. Надобно было на мою бѣду, чтобы вѣжливѣйшій изъ генераловъ всѣхъ русскихъ армій сталъ при мнѣ говорить о войнѣ. „Да, вѣдь, вы, стало-быть, сражались противъ насъ?“—спросилъ я его пренаивно. „Non, mon petit, j'était dans l'armée russe“. — „Какъ, — сказалъ я, — вы французъ и были въ нашей арміи, это не можетъ быть“. Отецъ мой строго взглянулъ на меня и замялъ разговоръ. Графъ геройски поправилъ дѣло: онъ сказалъ, обращаясь къ моему отцу, что „ему нравятся такія патріотическія чувства“. Отцу моему они не понравились, и онъ мнѣ задалъ послѣ его отъѣзда страшную гонку: „вотъ что значитъ говорить очертя голову обо всемъ, чего ты не понимаешь и не можешь понять: графъ изъ вѣрности своему королю служилъ нашему императору“. Дѣйствительно, я этого не понималъ“... Инцидентъ давалъ совершенно ясные отвѣты на вопросы объ

„отечествѣ“ и „патріотизмѣ“: отечество — это та группа моихъ согражданъ, гдѣ находится король. Дѣйствовать „патріотически“—это значитъ дѣйствовать всегда въ интересахъ короля. Отсюда слѣдуетъ, что король и отечество синонимы.

Отвѣты, не оставляющіе желать ничего лучшаго по своей опредѣленности, но только... пріемлемы ли они?

Матеріаловъ для размышленій въ томъ одиночествѣ, въ которомъ протекали дѣтскіе годы Герцена, жизнь давала, такимъ образомъ, очень достаточно.

А мать? Какое имѣла она вліяніе на своего сына?..

Отчужденная отъ мужа, вѣчно преслѣдуемая его язвительными насмѣшками, Луиза Ивановна сосредоточила всѣ свои чувства на сынѣ. Кромѣ вліянія непосредственнаго своей любящей души, она старалась дѣйствовать и на его умъ. Мало образованная, она, тѣмъ не менѣе, была горячей поклонницей Шиллера, съ которымъ познакомила и своего сына, читая съ нимъ въ подлинникѣ творенія знаменитаго нѣмецкаго писателя. Чтеніе Шиллера произвело на мальчика огромное впечатлѣніе. Благодарное воспоминаніе и признаніе заслугъ нѣмецкаго идеалиста Герценъ сохранилъ на всю жизнь. „Поэзія Шиллера,—писалъ онъ уже въ совершенно зрѣлыхъ лѣтахъ,—не потеряла для меня своей прелести. Еще недавно перечитывалъ я моему сыну „Валленштейна“. Кто не цѣнитъ болѣе Шиллера, тотъ или слишкомъ старъ, или педантъ, или человѣкъ окаменѣлый, у котораго убитъ духъ“. Еще въ болѣе теплыхъ выраженіяхъ говоритъ онъ о Шиллерѣ въ статьѣ „Записки одного молодого че-

ловѣка“, помѣченной Владиміромъ на Клязьмѣ и 1838 годомъ. „Шиллеръ! Благословляю тебя: тебѣ обязанъ я святыми минутами печальной юности! Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей! Ты по превосходству поэтъ юношества. Тотъ же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее: „туда! туда!“; тѣ же чувства, благородныя, энергическія, увлекательныя; та же любовь къ людямъ и та же симпатія къ современности... Однажды взявъ Шиллера въ руки, я не покидаю его, и теперь въ грустныя минуты его чистая пѣснь врачуетъ меня“. Въ библіотечкѣ матери Герценъ нашелъ, въ числѣ другихъ книгъ, Гете, знакомство съ которымъ также очень благотворно подѣйствовало на развитіе мальчика. Французскій языкъ Герценъ изучилъ въ разговорахъ съ отцомъ, учителями и гувернерами. У Яковлева была богатая библіотека, состоявшая почти исключительно изъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Въ библіотекѣ мальчикъ рылся вполнѣ свободно. Противъ этого Иванъ Алексѣевичъ ничего не имѣлъ или ничего не хотѣлъ замѣчать.

Въ числѣ учителей Герцена былъ французъ старикъ Бюшо. „Слышалъ я мелькомъ отъ Бюшо, что онъ во время революціи былъ въ Парижѣ, и мнѣ очень хотѣлось разспросить его. Но Бюшо былъ человѣкъ суровый и угрюмый, съ огромнымъ носомъ и очками; онъ никогда не пускался въ излишніе разговоры со мной, диктовалъ примѣры, бранилъ меня и уходилъ, опираясь на толстую сучковатую палку.

— Зачѣмъ, спросилъ я его середь урока, казнили Людовика XVI?

233200

Старикъ посмотрѣлъ на меня, опуская одну сѣдую бровь и поднимая другую, поднялъ очки на лобъ, какъ забрало, вынулъ огромный синій носовой платокъ и, утирая имъ носъ, съ важностью сказалъ:

— Parce qu'il a été traître à la patrie.

— Если бы вы были между судьями, вы подписали бы приговоръ?

— Обѣими руками.

Этотъ урокъ стоилъ всякихъ сюбжонктивовъ; для меня было довольно: ясное дѣло, что по-дѣломъ казнили короля.

„Старикъ Бюшо не любилъ меня и считалъ пустымъ шалуномъ за то, что я дурно приготовлялъ уроки; онъ часто говаривалъ: „изъ васъ ничего не выйдетъ"; но когда онъ замѣтилъ мою симпатію къ его идеямъ, онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость, прощалъ ошибки и разсказывалъ эпизоды 93 года и какъ онъ уѣхалъ изъ Франціи, когда „развратные и плуты" взяли верхъ. Онъ съ такою же важностью, не улыбаясь, оканчивалъ урокъ, но уже снисходительно говорилъ: „я, право, думалъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, но ваши благородныя чувства спасутъ васъ".

9843

Кромѣ иностранцевъ, были у Герцена и учителя русскіе. Въ качествѣ преподавателя словесности ходилъ къ нему Иванъ Евдокимовичъ Протопоповъ, который и познакомилъ своего ученика съ новой русской литературой: „прежде я читалъ съ одинаковымъ удовольствіемъ все, что попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы 80-хъ годовъ разныхъ комедій и романовъ; теперь я сталъ выбирать, цѣнить. Протопоповъ былъ въ восторгѣ отъ новой литературы, и я, бравши книгу, справлялся

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Москов. Сбл. Библиотеки

тотчасъ, въ которомъ году она была напечатана, и бросалъ ее, ежели она была напечатана болѣе пяти лѣтъ тому назадъ, хотя бы имя Державина и Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости. Зато поклоненіе юной литературѣ сдѣлалось безусловно, и немудрено: великій Пушкинъ являлся властителемъ литературнаго движенія".

Потомъ этотъ же Протопоповъ „сталъ носить мнѣ мелкопереписанныя и очень затертыя тетрадки стиховъ Пушкина „Ода на свободу", „Кинжалъ",— „Думы" Рылѣева. Я ихъ переписывалъ тайкомъ"...

Иванъ Евдокимовичъ былъ студентъ медицины изъ семинаристовъ. И сколько такихъ „Ивановъ Евдокимовичей" служили безвѣстными посредниками между самой высшей интеллигенціей типа Пушкина и Рылѣева и темнымъ океаномъ массы народной... А тотъ Тургеневскій семинаристъ Басистовъ, что превратился весь въ сосредоточенное вниманіе во время рѣчей Рудина и затѣмъ писалъ всю ночь своему пріятелю письмо о томъ, какіе бываютъ на свѣтѣ удивительные люди,—развѣ это не такой же „Иванъ Евдокимовичъ" поколѣнія слѣдующаго или послѣслѣдующаго? Изъ нихъ-то и слагалась будущая толща русской демократической интеллигенціи, они же дали ей изъ своей среды Чернышевскихъ, Добролюбовыхъ, которыхъ уже и Герценъ находилъ слишкомъ прямолинейными. А Чернышевскіе и Добролюбовы вели, вѣдь, свой родъ отъ того же „Ивана Евдокимовича", который первый познакомилъ и Герцена съ „запретной" русской литературой. Изъ сліянія такихъ-то подпочвенныхъ ручейковъ образовывалась постепенно рѣка освободительнаго движенія въ Россіи.

Герценъ росъ почти въ полномъ одиночествѣ

въ угрюмомъ отцовскомъ домѣ. Сверстниковъ у него не было,—чтобы дать ихъ сыну, старикъ Яковлевъ и не подумалъ,—какъ неожиданно произошло событіе, не имѣвшее, казалось бы, абсолютно никакого отношенія къ жизни мальчика и, тѣмъ не менѣе, имѣвшее для него большія послѣдствія: на глазахъ у гулявшаго съ отцомъ на берегу Москвы-рѣки Герцена кто-то упалъ въ воду и сталъ тонуть. Поднялась суматоха. Находившійся тутъ же уральскій казакъ бросился въ воду и спасъ утопавшаго. Отецъ Герцена спросилъ имя казака и на другой день написалъ объ его поступкѣ генералу Эссену, который произвелъ за это казака въ урядники. Черезъ нѣсколько времени послѣ того казакъ пришелъ поблагодарить Яковлева. Съ нимъ же явился и „утопленникъ“, оказавшійся нѣмцемъ Зонненбергомъ, которому ввѣрена была „нѣмецкая часть воспитанія“ сына дальняго родственника Яковлева—Огарева. Скоро состоялось знакомство и съ самимъ питомцемъ Зонненберга съ которымъ,—то былъ „Никъ“ Огаревъ—у Герцена завязалась самая тѣсная дружба, продолжавшаяся всю ихъ жизнь. У обоихъ друзей обнаружились одинаковыя симпатіи, вкусы, стремленія. Жизнь Герцена сдѣлалась гораздо полнѣе.

Между тѣмъ произошли тѣ событія 14 декабря, о вліяніи которыхъ на Герцена мы уже упоминали вскользь выше, а за ними осужденія декабристовъ и коронація Николая.

Герцену было въ то время 14 лѣтъ, но событія эти произвели на его душу впечатлѣніе неизгладимое.

„Разсказы о возмущеніи, о судѣ, ужасъ въ Москвѣ,—пишетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — сильно поразили меня; мнѣ открывался

новый міръ, который становился больше и больше средоточіемъ всего нравственнаго существованія моего; не знаю, какъ это сдѣлалось, но мало понимая, или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческій сонъ души моей“...

Но было бы большою ошибкою думать, что Герценъ въ это время уже имѣлъ какое-нибудь представленіе о дѣйствительныхъ стремленіяхъ декабристовъ: напротивъ, и онъ, и Огаревъ думали, что 14-го декабря дѣло шло, дѣйствительно, о „Константинѣ“, проникались, поэтому, къ нему сочувствіемъ и мечтами о новыхъ въ пользу его замыслахъ... Тѣмъ не менѣе, симпатіи ихъ были уже направлены въ опредѣленную сторону, и онѣ росли рука объ руку съ антипатіей къ побѣдителю декабристовъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ становилась все тѣснѣе и тѣснѣе дружба обоихъ мальчиковъ. Добрый, мягкій, мечтательный, готовый отдать всего себя на служеніе другимъ, Огаревъ превосходно дополнялъ живого, энергичнаго Герцена. „Рано виднѣлось въ Огаревѣ,—вспоминаетъ Герценъ,—то помазаніе, которое достается немногимъ,—на бѣду ли, на счастье ли, не знаю,—но навѣрно на то, чтобы не быть въ толпѣ“. Друзья видѣлись очень часто, вмѣстѣ читали, дѣлали совмѣстно длинныя прогулки, во время которыхъ мечтали бороться за освобожденіе всего міра отъ всякихъ оковъ и установленіе справедливыхъ между людьми отношеній. Въ одну изъ такихъ прогулокъ въ 1828 году на Воробьевыхъ горахъ, около Москвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ дол-

женъ былъ быть воздвигнутъ храмъ въ память отечественной войны, Герценъ и Огаревъ поклялись въ вѣчной дружбѣ и неизмѣнномъ рѣшеніи отдать всю жизнь на служеніе свободѣ. Что подъ этою „свободою“ понималось, для друзей, разумѣется, было совершенно неясно, но воображеніе рисовало при этомъ словѣ и героевъ французской революціи, и декабристовъ, и Карла Мора, и Фіеско, и маркиза Позу... Русло, по которому должна была потечь жизнь и дѣятельность обоихъ друзей съ этого момента,—момента клятвы ихъ на Воробьевыхъ горахъ, — опредѣлилась вполнѣ, и этого было пока вполнѣ достаточно...

„Улыбнитесь, пожалуй,—говоритъ своимъ читателямъ, описывая эту сцену, Герценъ,—да только кротко, добродушно, такъ, какъ улыбаются, думая о своемъ пятнадцатомъ годѣ“.

Нѣтъ, не надо улыбаться. Тутъ должно быть что-то другое...

Герценъ подумывалъ уже объ университетѣ. Но какой факультетъ выбрать? Случай помогъ и здѣсь. У старшаго брата Ивана Алексѣевича былъ сынъ,—стало быть, двоюродный братъ Герцена,—Федоръ. Это былъ странный, особенно для того времени, человѣкъ. По смерти своего отличавшагося страшнымъ деспотизмомъ и самымъ грубымъ развратомъ отца, Федоръ распустилъ всѣхъ затворницъ отцовскаго гарема и поселился въ доставшемся ему въ наслѣдство на Тверской улицѣ въ Москвѣ большомъ домѣ, въ которомъ занялъ всего двѣ комнаты: одну для себя, другую—подъ химическую лабораторію. Всѣ другія комнаты были заколочены или находились въ полномъ запустѣніи. „Почернѣвшіе канделябры, необыкновенная мебель, всякія рѣдко-

сти, рамы безъ картинъ и картины безъ рамъ,— все это наполняло три огромныя старинныя залы, нетопленныя и неосвѣщенныя. При появленіи гостя, человѣкъ провожалъ его съ зажженной свѣчкой въ рукахъ, предупредивъ сначала, что платье снимать не надобно, такъ какъ въ залахъ очень холодно. Рядомъ этихъ комнатъ достигалась наконецъ дверь, завѣшенная ковромъ, которая вела въ страшно натопленный кабинетъ. Здѣсь „Химикъ“ (подъ этимъ именемъ и значится Федоръ въ воспоминаніяхъ Герцена) въ грязномъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху сидѣлъ безвыходно, обложенный книгами, обставленный стклянками, ретортами, тигелями, снарядами“.

Именно про этого человѣка говоритъ въ грибоѣдовскомъ „Горѣ отъ ума“ съ такимъ ужасомъ княгиня Тугоуховская:

Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Федоръ, мой племянникъ.

По страсти, съ которой „Химикъ“ предавался изученію естественныхъ наукъ, и по презрѣнію къ „метафизикѣ“, онъ годился бы въ яркіе представители шестидесятыхъ годовъ. Внѣ опыта онъ не вѣрилъ рѣшительно ни во что. Этотъ-то „химикъ“ и заинтересовалъ Герцена естествознаніемъ: онъ далъ ему сначала рѣчь Кювье о геологическихъ переворотахъ и растительную органографію Декандоля, и, увидѣвши, что сѣмя падаетъ на добрую почву, сталъ его первымъ руководителемъ въ области естественныхъ наукъ. Вліяніе „химика“ и физико-математическаго факультета, который избралъ себѣ подъ вліяніемъ того же „химика“ Герценъ, сыграли большую роль въ дальнѣйшей судьбѣ Але-

ксандра Ивановича, пріучивши его мозгъ къ точному мышленію.

Намъ нужно отмѣтить въ духовномъ обликѣ молодого Герцена еще одну черту, о которой разсказываетъ онъ самъ. Черта эта—отношеніе Герцена къ религіи. Каково же было это отношеніе?

„Мой отецъ,—пишетъ Герценъ,—считалъ религію въ числѣ необходимыхъ вещей благовоспитаннаго человѣка; онъ говорилъ, что надобно вѣрить въ священное писаніе безъ разсужденій, потому что умомъ тутъ ничего не возьмешь и всѣ мудрствованія только затемняютъ предметъ; что надобно исполнять обряды той религіи, въ которой родился, не вдаваясь, впрочемъ, въ излишнюю набожность, которая идетъ старымъ женщинамъ, а мужчинамъ неприлична". Но самъ онъ „не исполнялъ никакихъ церковныхъ постановленій—защищаясь разстроеннымъ здоровьемъ. Онъ почти никогда не принималъ священника, или просилъ его пѣть въ пустой залѣ, куда высылалъ ему синенькую бумажку. Зимою онъ извинялся тѣмъ, что священникъ и дьяконъ вносятъ такое количество стужи съ собой, что онъ всякій разъ простужается. Въ деревнѣ онъ ходилъ въ церковь и принималъ священника, но это больше изъ свѣтско-правительственныхъ цѣлей, нежели изъ богобоязненныхъ".

Мать Герцена, будучи лютеранкой, каждый мѣсяцъ разъ или два ѣздила въ нѣмецкую церковь, и мальчикъ „отъ нечего дѣлать ѣздилъ съ ней".—„Тамъ,—разсказываетъ онъ,—я выучился до артистической степени передразнивать нѣмецкихъ пасторовъ, ихъ декламацію и пустословіе, талантъ, который я сохранилъ до совершеннолѣтія".

При такихъ обстоятельствахъ и въ связи съ

чтеніемъ французскихъ писателей XVIII вѣка у Герцена, конечно, развилось по отношенію къ обрядовой сторонѣ религіи вольномысліе.

„Но,—разсказываетъ онъ,—Евангеліе я читалъ много и съ любовью по-славянски и въ лютеровомъ переводѣ. Я читалъ безъ всякаго руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искреннее и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости моей я часто увлекался вольтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку, но не помню, чтобы когда-нибудь я взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ,—это меня проводило черезъ всю жизнь; во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ я возвращался къ чтенію Евангелія, и всякій разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на душу“.

Таковъ былъ Герценъ на той границѣ, гдѣ кончается мальчикъ и начинается юноша. Иванъ Алексѣевичъ думалъ пристроить своего сына такъ, чтобы предъ нимъ открылась блестящая военная или дипломатическая карьера, но ни о томъ, ни о другомъ и слышать не хотѣлъ молодой Герценъ. Какая тамъ „блестящая карьера“, когда душа полна Шиллеромъ и французской революціей, декабристами и Пушкинымъ, мечтами о наукѣ, литературѣ и общественной дѣятельности... Вѣдь уже въ 1829 г., т. е. семнадцати лѣтъ отъ роду, онъ писалъ „философскую“ статью о шиллеровскомъ Валленштейнѣ... А тутъ, вдругъ, офицерская или чиновничья лямка... Никогда!.. Конечно, надо поступить въ университетъ. Тамъ свѣтъ, тамъ наука, тамъ же навѣрно возникнетъ и новый союзъ „на подобіе союза Пестеля и Рылѣева“... Иванъ Алексѣевичъ настаивалъ на своемъ, но въ концѣ-концовъ уступилъ. Однако, и уступивши, онъ чуть не испортилъ всего

дѣла, записавши-таки сына на номинальную службу къ князю Юсупову въ кремлевскую экспедицію. Герценъ подписалъ какую-то бумагу и больше о службѣ ничего не слыхалъ. Но незадолго до поступленія въ университетъ къ Герцену пришелъ отъ Юсупова дворцовый архитекторъ, „который всегда кричалъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ стоялъ на стропилахъ пятаго этажа и оттуда что-нибудь приказывалъ работникамъ въ подвалѣ“, объявить, что „за службу“ Герценъ произведенъ въ первый чинъ. Это была чистая бѣда, такъ какъ „чинъ“ отрѣзывалъ носителя его отъ возможности сдѣлаться студентомъ. Произошелъ новый крупный разговоръ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, во время котораго сынъ заявилъ отцу, что если послѣдній не найдетъ средствъ поправить дѣло, то онъ, Герценъ, съ первымъ же чиномъ выйдетъ въ отставку. Угроза подѣйствовала, и Иванъ Алексѣевичъ рѣшился ѣхать къ Юсупову, который и „разсудилъ дѣло въ мигъ, отчасти по-барски, отчасти по-татарски“. Онъ приказалъ написать отпускъ Герцену на три года. Секретарь, къ которому относилось это странное приказаніе, сталъ почтительно урезонивать татарскаго князя, что „отпуска“ на такой срокъ чиновнику никакъ нельзя давать, ибо сіе противно отечественнымъ законамъ.

— Какой вздоръ, братецъ,—сказалъ ему князь,—что тутъ затрудняться: ну, въ отпускъ нельзя, пиши, что я командирую его для усовершенствованія въ наукахъ—слушать университетскій курсъ.

Написанная именно въ такомъ смыслѣ бумага произвела на начальство московскаго университета впечатлѣніе столь сильное, что всѣ препятствія къ зачисленію Герцена въ число студентовъ исчезли

моментально, и на другой же день послѣ разговора Яковлева съ Юсуповымъ Александръ Ивановичъ уже слушалъ первую университетскую лекцію.

Московскій университетъ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ описывался въ нашей литературѣ много разъ. Если среди профессоровъ того времени мемуаристы его съ благодарностью называютъ имена немногихъ, то среди студентовъ были въ тѣ именно годы и Лермонтовъ, и Бѣлинскій, и Станкевичъ, и Константинъ Аксаковъ, и многіе другіе яркіе представители нашей интеллигенціи. Изъ профессорскихъ лекцій студенты выносили мало, очень мало, но была въ стѣнахъ университета другая сила, развивающая мысль и расширяющая душу,—само студенчество, само товарищество молодыхъ людей, собиравшихся со всѣхъ концовъ Россіи, чтобы здѣсь, въ „храмѣ науки“, пріобщиться къ міровой культурѣ, раздвинуть умственный горизонтъ, получить отвѣты на запросы человѣческаго духа и живой жизни.

Герценъ погрузился съ головой въ этотъ новый, шумный міръ, къ которому онъ тяготѣлъ уже давно и который составлялъ такой яркій контрастъ съ угрюмыми стѣнами отцовскаго дома. Отличаясь чрезвычайно живымъ темпераментомъ, онъ много учится, много читаетъ, но еще больше говоритъ, споритъ, проповѣдуетъ. Что проповѣдуетъ, о чемъ споритъ—на это онъ и самъ впослѣдствіи затруднялся дать отвѣтъ.

„Жизнь въ университетѣ,—разсказываетъ онъ,—оставила у насъ память одного продолжительнаго пира идей, пира науки и мечтанія, иногда бурнаго, иногда мрачнаго, разгульнаго, но никогда порочнаго“...

„Оживить это прошедшее время, сдѣлать его вполнѣ понятнымъ въ разсказѣ—невозможно; чтобы вспомнить всѣ мечты, всѣ увлеченія, надо очень много не знать, очень много не испытать, надобно перезабыть бездну фактовъ, стереть съ души бездну пыли, соскоблить пятна, заживить рубцы, освѣтить весь міръ алымъ свѣтомъ востока, всѣмъ предметамъ дать положительныя тѣни, утреннюю свѣжесть и разительную новость. Мало того, надо, чтобы друзья юности собрались вмѣстѣ въ той же комнаткѣ, обитой алыми обоями съ золотыми полосками, передъ тѣмъ же мраморнымъ каминомъ, въ томъ же дыму отъ трубокъ“...

Да, возстановить психическое содержаніе Герцена и его друзей въ періодъ ихъ университетской жизни не легко. Одно вѣрно: всѣхъ ихъ окрыляло стремленіе къ чему-то безпредѣльно-свѣтлому и безпредѣльно-хорошему. Какая-то голубая даль манила ихъ къ себѣ, призывала къ подвигу, давала вѣру въ конечное торжество правды. Но въ чемъ состоитъ эта „правда“ и какіе пути ведутъ къ ея побѣдѣ,—это было еще покрыто густымъ туманомъ. Знали, или, скорѣе, вѣрили, что берегъ есть, хотя его и не видно; знали, что пловцы держатъ руль своего корабля правильно,—и этого было достаточно для того, чтобы грудь молодыхъ людей дышала легко и свободно.

Герценъ впитывалъ въ себя самыя разнообразныя знанія,—къ этому его мозгъ былъ подготовленъ и щедрыми дарами природы и той недюжинной для юноши работой, которую продѣлалъ онъ въ до-университетскіе годы,—но онъ отличался сверхъ того чрезвычайно живымъ характеромъ, толкавшимъ его извѣдать поскорѣе „всѣ впечатлѣ-

нія бытія“, и онъ непрерывно кипѣлъ и горѣлъ въ водоворотѣ самыхъ разнообразныхъ мыслей, чувствъ и настроеній. Къ тому же молодость брала свое, а матеріальныя условія жизни доставляли ему возможность удовлетворенія и самыхъ утонченныхъ эпикурейскихъ вкусовъ. Вѣдь рѣчь идетъ не о Бѣлинскомъ, то проклинавшемъ въ письмахъ къ отцу „казенный кошъ“ съ его отвратительнымъ режимомъ, то перебивавшимся грошовыми уроками и переводами, то просто-таки ломавшемъ голову надъ вопросомъ о средствахъ не умереть съ голода. То былъ „плебей безвѣстный“,—это—аристократъ; то былъ пролетарій,—это „всевышней волею Зевеса наслѣдникъ“, если и не „всѣхъ своихъ родныхъ“, то Ивана Алексѣевича, что значило не мало; то былъ уже боецъ, въ душѣ котораго, какъ писалъ онъ Станкевичу, драмы Шиллера возбудили „дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества“, это—сосудъ съ еще неотстоявшейся въ немъ драгоцѣнной влагой, искрящейся и играющей всѣми цвѣтами радуги.

Отсутствіе заботъ о хлѣбѣ насущномъ придавало жизни Герцена и его товарищей совершенно особый колоритъ. Случилась, напримѣръ, такъ называемая „маловская исторія“, состоявшая въ маленькой студенческой демонстраціи противъ грубостей, которыя позволялъ себѣ постоянно профессоръ Маловъ. Дѣло кончилось карцеромъ на семь дней для нѣсколькихъ студентовъ, въ числѣ которыхъ оказался, разумѣется, и Герценъ. Сторожа были закуплены, и вотъ какъ самъ Герценъ описываетъ свое времяпрепровожденіе въ университетскомъ карцерѣ:

„Какъ только наступала ночь, Никъ (т. е. Ога-

ревъ) и еще четверо товарищей, съ помощью четвертаковъ и полтинниковъ, являлись къ намъ: у кого въ карманѣ ликеръ aux quatre fruits, у кого паштетъ, у кого рябчики, у кого подъ шинелью бутылка клико. Разумѣется, мы встрѣчали съ восторгомъ и друзей и ихъ съѣстные знаки дружбы. Свѣчей зажигать намъ, заключеннымъ, не позволялось. Опрокинувши стулья, мы дѣлали около нихъ юрту изъ шинелей, высѣкали огонь, зажигали принесенную сальную свѣчу и ставили ее подъ столъ такимъ образомъ, чтобы изъ оконъ нельзя было ее видѣть, потомъ ложились на каменный полъ, и начинался пиръ до поздняго вечера,—тутъ, кажется, и засыпали, а ночью опять пиръ. И такъ всѣ семь дней“...

Наказаніе выходило не изъ особенно тяжкихъ...

Такіе же пиры происходили нерѣдко и „внѣ карцера“. Съ Герценомъ и Огаревымъ сблизились Н. И. Сазоновъ (впослѣдствіи извѣстный эмигрантъ), Н. М. Сатинъ (переводчикъ Шекспира), Вадимъ Пассекъ, А. Н. Савичъ (знаменитый астрономъ), Н. Х. Кетчеръ и нѣкоторые другіе. Этотъ кружокъ задавалъ иногда „пиры горою“, но дѣло было, конечно, не въ самихъ пирахъ: они не служили сами себѣ цѣлью, ибо были одухотворены инымъ содержаніемъ. На нихъ велись разговоры и споры о наукѣ, литературѣ, искусствѣ, философіи, политикѣ, складывались и крѣпли мнѣнія будущихъ извѣстныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ русской жизни, зарождался, если не тотъ „союзъ Пестеля и Рылѣева“, о которомъ мечталъ Герценъ, то все же зародышъ оппозиціи противъ трехъ знаменитыхъ „китовъ“ русской жизни.

Внѣшними событіями университетская жизнь Гер-

цена была очень небогата. Кромѣ „маловской исторіи“ онъ вспоминаетъ еще только свое первое публичное выступленіе на трибунѣ въ присутствіи всей московской знати. Какъ студента, у котораго „языкъ хорошо подвѣшенъ“, его избрали для прочтенія реферата на тему „о кристаллизаціи, ея условіяхъ, законахъ и формахъ“. Испытаніе сошло блестяще, самъ Уваровъ благодарилъ референта, обѣщалъ ему даже прислать „въ знакъ памяти“ книгу, но, разумѣется, не прислалъ.

Зато идейная жизнь кружка была очень богата и содержательна. Іюльская революція, польское возстаніе, занимавшіе Европу политическіе и литературные вопросы—все это находило себѣ живой откликъ въ кружкѣ Герцена. Но тутъ разглядѣли они съ „внутреннимъ ужасомъ“, что „и въ Европѣ,—особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ,—дѣла идутъ не ладно. Теоріи наши становились намъ подозрительны“.

И вотъ „середь этого броженія, середь догадокъ, желаній понять сомнѣнія, пугавшія насъ,—говоритъ Герценъ,—попались въ наши руки сенъ-симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ.

„Поверхностные и неповерхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Анфантен'омъ и надъ его апостолами; время иного признанія наступаетъ для этихъ предтечъ соціализма.

„Торжественно и поэтически явились средь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши... Они возвѣстили новую вѣру, имъ было что сказать и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи.

„Съ одной стороны, освобожденіе женщины

(здѣсь и далѣе курсивъ Герцена), призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ равнымъ.

„Съ другой, оправданіе плоти, Rehabilitation de la chair!

„Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно-нравственный и потому нравственно чистый. Многіе издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый. Наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Добрые люди поняли, что очистительное крещеніе плоти есть отходная христіанства; религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресло въ свою очередь и не стыдилось больше себя, человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ существо цѣлое, — а не составленъ, какъ маятникъ, изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, — что врагъ, спаянный съ нимъ, исчезъ“.

Здѣсь намъ надо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Конечно, сенъ-симонизмъ далеко не исчерпывается указанными Герценомъ сторонами, но весьма интересно, что именно ихъ отмѣтилъ онъ, какъ наиболѣе пришедшіяся по душѣ ему и Огареву въ ихъ юношескіе годы. Отчего же изъ всего сенъ-симонизма Герценъ отнесся съ наибольшею симпатіей къ „освобожденію женщины“ и „rehabilitation de la chair“? Вѣдь тѣ теоріи, которыми онъ и Огаревъ раньше увлекались и которыя, по словамъ Герцена,

въ ихъ глазахъ въ началѣ 30-хъ годовъ стали уже „подозрительными“, т. е. теоріи индивидуалистическаго либерализма, едва ли этими сторонами сенъ-симонизма сколько-нибудь колебались. Вѣдь о проблемѣ труда и трудящихся въ нихъ еще нѣтъ и рѣчи. Внѣ же этой проблемы развѣ „освобожденіе женщины“ и „оправданіе плоти“ такъ ужъ сильно враждебны индивидуалистическому либерализму? Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что начала эти, не враждебныя принципу индивидуалистическаго либерализма, дѣйствительно, крайне враждебны быту, складу, привычкамъ европейскаго общества, и съ этой-то стороны Герценъ имѣлъ много основаній въ началахъ этихъ видѣть „цѣлый міръ новыхъ отношеній“. Не даромъ же онъ говоритъ о юношахъ, торжественно и поэтично явившихся среди „мѣщанскаго міра“.

Вотъ этотъ-то „мѣщанскій міръ“, тотъ міръ, противъ котораго черезъ четверть вѣка послѣ того онъ начнетъ страстную борьбу, уже и тогда, далеко не сознаннымъ образомъ, а скорѣе по инстинкту, становился Герцену антипатичнымъ. Отсюда и его горячая симпатія къ словамъ „восторженныхъ юношей“; въ этихъ словахъ, ему казалось, не только прозвучало то самое „неизмѣнное слово“—„свобода! свобода!“, которое было такъ же дорого ему въ юности „страстно-мятежной“, какъ и въ возрастѣ, „съ старостью смежномъ“, но и получало оно новое содержаніе.

Нѣкоторые писатели видятъ въ фактѣ принятія Герценомъ сенъ-симонистской доктрины нѣчто какъ бы уже вполнѣ опредѣлившее его міросозерцаніе,—на Руси появился исповѣдникъ соціалистическаго ученія, конечно, утопической фазы его раз-

витія, но, тѣмъ не менѣе, соціалистъ. Это совершенно невѣрно. Невѣрно потому, что даже и изъ тѣхъ всего двухъ идей сенъ-симонизма, о которыхъ Герценъ упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ,—о другихъ онъ вовсе не упоминаетъ,—непререкаемою истиною осталась на всю жизнь въ его глазахъ лишь первая—„освобожденіе женщины, союзъ съ нею, какъ съ равнымъ“; что же касается второго—„réhabilitation de la chair“, то, какъ это мы увидимъ ниже, принципъ этотъ вступилъ въ душѣ Герцена очень скоро въ борьбу именно съ „христіанствомъ“, и въ теченіе многихъ лѣтъ побѣда оставалась за послѣднимъ...

Герценъ, не только начала, но и всѣхъ тридцатыхъ годовъ—страстно ищущій Герценъ, а не Герценъ на чемъ-нибудь окончательно остановившійся. Это его не только не умаляетъ, а, напротивъ, еще болѣе возвышаетъ, придаетъ еще болѣе глубины его и безъ того глубокой душѣ. Цѣль, къ которой были устремлены всѣ душевные токи Герцена, была всегда одна—„свобода! свобода!“; пути, которые онъ считалъ ведущими къ этой цѣли, были въ разное время различны. Въ университетѣ онъ былъ по настроенію самъ подобенъ тѣмъ „восторженнымъ юношамъ“, которыхъ изображаетъ онъ въ столь яркихъ чертахъ, но говорить о немъ, какъ о человѣкѣ съ сколько-нибудь сложившимися уже тогда убѣжденіями, было бы, повторяемъ, совершенно невѣрно.

Но возвратимся къ событіямъ внѣшней жизни Герцена.

Въ 1833 году Герценъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата и серебряной медалью. „Я кандидатъ,—писалъ онъ въ то время,—это правда, но золотую медаль дали не мнѣ. Мнѣ

серебряная медаль—одна изъ трехъ... сегодня актъ, но я не былъ, ибо не хочу быть вторымъ при полученіи награды". Тщеславное желаніе быть первымъ происходило однако у Герцена не изъ самодовольнаго взгляда на себя, какъ на очень образованнаго и очень ученаго человѣка, которому, пожалуй, и учиться-то ужъ больше нечему. Самолюбіе, конечно, играло тутъ роль, но уязвлено оно было, вѣроятно, какою-нибудь несправедливостью при распредѣленіи наградъ. О познаніяхъ же своихъ по выходѣ изъ университета Герценъ, — къ величайшей его чести, — былъ самаго скромнаго мнѣнія. Въ статьѣ „Герценъ въ Вяткѣ" г-жа Некрасова приводитъ выдержки изъ нѣсколькихъ рукописныхъ писемъ Герцена къ разнымъ лицамъ. Въ числѣ ихъ находится письмо отъ 26 іюня 1833 года, т. е. написанное всего черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія Герценомъ университетскаго курса. Въ письмѣ этомъ онъ писалъ: „хотя я и кончилъ курсъ (курсивъ подлинника), но собралъ такъ мало, что стыдно на людей смотрѣть".

Тѣмъ не менѣе, самому факту окончанія курса Герценъ, какъ и всякій живой человѣкъ, былъ очень радъ. Свое настроеніе въ это время онъ самъ описываетъ слѣдующими словами:

„Когда я по чугунной лѣстницѣ выходилъ кандидатомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ изъ школы на Божій свѣтъ, тогда иначе взглянулъ на все. Чувство самобытности и совершеннолѣтія никогда не бываетъ такъ ярко, какъ въ минуту окончанія публичнаго испытанія. Испанскіе башмаки, шнуровавшіе душу, лопаются, и фантазія гуляетъ на свободѣ. Нѣтъ болѣе ни правилъ, ни направленія извнѣ,—это медовый мѣсяцъ совершеннолѣтія. Съ чувствомъ соб-

ственнаго достоинства и достоинства кандидатской степени я явился домой и посвятилъ Нептуну мокрое платье, въ которомъ плавалъ три года по схоластическому морю на ловлю идей, т. е., говоря презрѣнной прозой, подарилъ первогодичнымъ студентамъ толстыя тетради лекцій, выучившія меня стенографіи и разучившія писать удобочитаемо".

Курсъ конченъ, впереди какъ-будто открывалась жизнь, въ которой нѣтъ болѣе „ни правилъ, ни направленія извнѣ", но на самомъ дѣлѣ очень мало что измѣнилось. Во-первыхъ, „правилами и направленіями извнѣ" не школьная только, а вся русская жизнь была пропитана насквозь, а во-вторыхъ, Герценъ не принадлежалъ, конечно, къ тѣмъ, для которыхъ окончаніе курса равносильно окончанію работы надъ дальнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ знаній. По выходѣ изъ университета Герценъ продолжалъ поэтому вести совершенно ту же жизнь пира молодости, съ одной стороны, и пира науки, пира идей, пира духа, съ другой,—которую велъ онъ и въ студенческіе годы.

Онъ и его друзья веселились, жуировали, читали, спорили, мечтали, строили планы, которые не переходили ни въ какое практическое дѣло, и въ этомъ состояніи пролетѣлъ еще годъ. Затѣмъ послѣдовало крупное событіе въ жизни Герцена и его друзей. Мы говоримъ объ ихъ арестѣ и ссылкѣ. Послѣ разгрома декабристовъ наступила эпоха самыхъ свирѣпыхъ гоненій на „мысль и слово". Изъ среды студенчества московскаго университета было выхвачено нѣсколько жертвъ. Дошла очередь и до кружка Герцена. Причиною ареста его членовъ былъ, безъ сомнѣнія, самый фактъ существованія въ Москвѣ „неслужащихъ", вѣчно о чемъ-то тол-

кующихъ, волнующихся и кипятящихся молодыхъ людей, а поводомъ—одна студенческая вечеринка, на которой пѣлась содержащая въ себѣ „дерзостное порицаніе“ пѣсня и былъ разбитъ бюстъ императора Николая. Дознаніе выяснило, что пѣвшуюся на вечеринкѣ пѣснь сочинилъ нѣкто Соколовскій, а съ Соколовскимъ былъ знакомъ Огаревъ, а съ Огаревымъ дружилъ Герценъ; и, хотя на вечеринкѣ ни Герценъ, ни Огаревъ не были, тѣмъ не менѣе, на основаніи „косвенныхъ уликъ“ относительно ихъ „образа мыслей“, оба они были привлечены къ дѣлу о „несостоявшемся, вслѣдствіе ареста, заговорѣ молодыхъ людей, преданныхъ ученію сенъ-симонизма“...

Огаревъ былъ арестованъ раньше его друга. Герценъ сильно волновался какъ самымъ этимъ фактомъ, такъ и вопросомъ: „почему же Огаревъ арестованъ, а я нѣтъ?“ Онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы получить какія-либо свѣдѣнія о „дѣлѣ“ Огарева, но ничего не выходило. Въ такомъ состояніи духа онъ бродилъ цѣлый день по улицамъ и, чтобы чѣмъ-нибудь разсѣять свое тяжелое настроеніе, отправился на скачки на Ходынское поле, гдѣ бывала „вся Москва“. Здѣсь произошла встрѣча, имѣвшая не только огромное значеніе въ личной жизни Герцена, но и весьма интересная для познанія того, что происходило въ душѣ юноши не въ это только время, т. е. не въ моментъ ареста Огарева, а вообще въ годы жизни Герцена, предшествовавшіе его ссылкѣ. На скачкахъ Герценъ встрѣтился со своей родственницей Натальей Александровной Захарьиной, воспитывавшейся у его тетки,—сестры Ивана Алексѣевича Яковлева, — княгини Хованской. У Герцена было раньше нѣсколько увлеченій, но ни одного серьезнаго. Что же касается любившей его „Natalie“, то

онъ просто ея не замѣчалъ и, встрѣтившись теперь съ нею на скачкахъ, вступилъ въ разговоръ „въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ знакомства“. По окончаніи скачекъ они отправились вмѣстѣ, и по дорогѣ Герценъ съ негодованіемъ разсказывалъ своей собесѣдницѣ объ арестѣ Огарева и о своихъ по этому поводу мрачныхъ мысляхъ. — „И эта колокольня ничего больше не говоритъ вашему сердцу?— сказала Наташа.—Посмотрите, куда она указываетъ. Тамъ утѣшатся всѣ скорби!“— „Тамъ,—отвѣчалъ я,—а здѣсь имѣть душу, полную силъ, желаній добра (какъ у Огарева), и быть не въ состояніи что-нибудь выполнить“. — „Развѣ въ этомъ его вина? Отъ этого душа его не менѣе передъ Богомъ. «Кто живетъ въ Богѣ, того сковать нельзя», сказалъ великій страдалецъ, снесшій голову на плаху, — апостолъ Павелъ“. — „Вы все ссылаетесь на тотъ свѣтъ, а тутъ мой другъ за любовь къ людямъ гибнетъ, неоцѣненный, неузнанный. Апостолъ Павелъ снесъ голову на плаху тогда, когда обратилъ цѣлыя страны въ вѣру Христа“.—„Неужели вы говорите о рукоплесканіяхъ? Сейчасъ мы видѣли, какъ ихъ расточаютъ лошадямъ“... Въ заключеніе Наталія Александровна напомнила своему собесѣднику о необходимости молиться... Вотъ и весь разговоръ, который, будь Герценъ въ то время уже тѣмъ, чѣмъ его нерѣдко изображаютъ, врядъ ли бы оставилъ въ душѣ „сенъ-симониста“ сильный слѣдъ. Между тѣмъ, это было именно такъ. Въ чемъ же лежатъ тому причины? Да въ томъ именно, что Герценъ былъ въ это время человѣкомъ съ далеко еще не сложившимися взглядами. Въ немъ многое бурлило и клокотало, но очень немногое окончательно отстоялось и установилось.

Вернемся еще на минуту къ вліянію, которое оказало на молодого Герцена чтеніе сенъ-симонистской литературы.

Говоря объ этомъ періодѣ жизни Герцена, Отто Шперберъ пишетъ: „научныя и особенно философскія занятія рано пробудили критическія способности Герцена. Добиваясь научнаго знанія вещей, онъ скептически относился къ традиціоннымъ воззрѣніямъ окружающей среды, утративъ одновременно и вѣру въ догматы господствующей церкви... Сенъ-Симоновское понятіе человѣчества, какъ „être collectif qui se développe“, дало основу и опредѣленный тонъ всему міросозерцанію Герцена“.

Такъ говоритъ Шперберъ. А вотъ что писалъ въ концѣ 30-хъ годовъ Огаревъ:

Я въ храмѣ былъ, и много тамъ людей
Толпилося у божьихъ алтарей;
Сталъ я въ углу, гдѣ нѣкогда со мной
Молился другъ, сочувствуя душой.
Но нашихъ нѣтъ слѣдовъ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ такъ тепло молились мы вдвоемъ.

Такъ „тепло молившійся“ въ храмѣ вмѣстѣ съ Огаревымъ „другъ“—былъ Герценъ. Письма Герцена изъ Вятки къ Натальѣ Александровнѣ полны религіознаго чувства и молитвеннаго настроенія, но и до того въ письмѣ къ ней же изъ тюрьмы („крутицкихъ казармъ“), отъ 10 декабря 1834 года, онъ писалъ: „нѣтъ, въ груди горитъ вѣра сильная, живая. Есть Провидѣніе... Я читаю съ восторгомъ Четьи-Минеи,—вотъ гдѣ божественные примѣры, вотъ были люди!..“

Вотъ какимъ былъ Герценъ еще въ 30-хъ годахъ, а не тѣмъ, чѣмъ его нерѣдко изображаютъ. Лишь беря его такимъ, какимъ онъ въ дѣйствительности

былъ въ то время, становится понятнымъ впечатлѣніе, которое оставилъ въ немъ вышеприведенный разговоръ съ Натальей Александровной. Вспомнимъ уже цитированныя нами слова самого Герцена: „въ первой молодости моей я часто увлекался вольтеріанствомъ, любилъ иронію и насмѣшку, но не помню, чтобы когда-нибудь я взялъ въ руки Евангеліе съ холоднымъ чувствомъ,—это меня проводило черезъ всю жизнь; во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ я возвращался къ чтенію евангелія, и всякій разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на душу“.

Есть нѣчто замѣчательное въ этой чертѣ вліянія книги, въ которой сконцентрирована сущность христіанства, на величайшихъ русскихъ писателей: отъ величайшаго романиста Льва Толстого (если вмѣсто Толстого взять Достоевскаго, то черта эта явится еще разительнѣе) и до величайшаго поэта—Пушкина.

О Толстомъ и Достоевскомъ съ этой стороны нечего и говорить, — фактъ общеизвѣстный, — но даже Пушкинъ,—этотъ „эллинъ“,—не писалъ ли и онъ, что всегда, даже среди „безумства, лѣни и страстей“, его поражалъ одинъ видъ „служителя Христа“.

Но и тогда струны лукавой
Мгновенно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Нѣчто подобное происходило и въ душѣ величайшаго русскаго публициста: разставшись потомъ

окончательно со всякими не только „догматами“, но и съ существомъ прежней вѣры, Герценъ, тѣмъ не менѣе, унесъ нѣчто отъ нея и на „тотъ берегъ“, унесъ не въ разумѣ, а въ томъ самомъ, что, говоря его собственными словами, „проводило его черезъ всю жизнь“...

Но вернемся къ тому моменту, на которомъ мы разстались съ Герценомъ. Въ ночь съ 20-го на 21-е іюля Герценъ былъ арестованъ и отвезенъ въ „крутицкія казармы“. Единственное „обвиненіе“, которое коммиссія могла ему предъявить,—это подозрѣніе въ томъ, что онъ, по воззрѣніямъ, „сенъ-симонистъ“... Подобнаго же рода „преступленія“ значились и за другими арестованными. Свое заключеніе Герценъ переносилъ очень твердо и съ пользою. Не зная вовсе до ареста итальянскаго языка, онъ занялся въ тюрьмѣ его изученіемъ и настолько успѣлъ въ этомъ, что прочелъ въ подлинникѣ „Божественную Комедію“ Данте и „Мои тюрьмы“ Сильвіо Пелико. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ увлеченіемъ читалъ Евангеліе и „Четьи-Минеи“. Такъ прошло девять мѣсяцевъ, и 31 марта 1835 г. арестованные были приведены для выслушанія приговора. Г-жа Некрасова цитируетъ одно письмо Герцена отъ второго апрѣля 1835 года, въ которомъ онъ писалъ, что заключеннымъ прочли „сначала смертную казнь, потомъ каторгу по законамъ и объявили, что государь милуетъ и приказываетъ только разослать по городамъ“. Въ брошюрѣ „Du développement des idées révolutionnaires en Russie“ самъ Герценъ разсказываетъ то же самое: „намъ прочли, какъ дурную шутку, приговоръ къ смерти, но затѣмъ объявили, что, движимый столь характерной для него непозволительной добротой, императоръ

повелѣлъ примѣнить къ намъ лишь мѣру исправительную въ формѣ ссылки“.

Герцену назначили Пермь, Огареву—Пензу, Сатину — Симбирскъ и т. д. (Соколовскій и другіе участники вечеринки были заключены въ Шлиссельбургъ). Настроеніе Герцена въ это время можетъ быть опредѣлено тѣмъ терминомъ, который вскорѣ вошелъ въ употребленіе въ перепискѣ между нимъ и Огаревымъ: „резиньяція“. Этимъ словомъ выражалось понятіе безропотности, душевнаго состоянія Іова. Такое настроеніе продолжалось очень долго, особенно у Огарева, совѣтовавшаго Герцену „предаться резиньяціи“ и во время его второй ссылки въ Новгородъ, т. е. уже въ 1841 году, когда Герценъ къ этого рода чувствамъ уже совсѣмъ потерялъ всякій вкусъ. Но въ 1835 году и Герценъ былъ настроенъ именно такимъ образомъ, причемъ источникомъ этого настроенія являлось религіозное чувство: „Что мнѣ Пермь или Москва, и Москва—Пермь,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ.—Наша жизнь рѣшена, жребій брошенъ, буря увлекла. Куда?—не знаю. Но знаю, что тамъ будетъ хорошо, тамъ отдыхъ и награда“...

Съ такимъ настроеніемъ Герценъ прибылъ въ ссылку. Онъ жилъ съ нимъ долго, но и въ немъ онъ стремился все къ той же свободѣ. Наташа привела ему слова апостола Павла: „кто живетъ въ Богѣ, того сковать нельзя“, и въ этомъ Герценъ увидѣлъ путь къ свободѣ,—свободѣ внутренней, достижимой для каждаго отдѣльнаго индивида, а черезъ то и вслѣдствіе того къ свободѣ затѣмъ и всеобщей. Разными путями, но Герценъ всегда искалъ одного и того же—человѣческую свободу.

II.

Годы подневольной жизни

(1835—1842 гг.).

Въ Перми Герценъ думалъ провести многіе годы, но провелъ всего три недѣли. Туда былъ назначенъ другой политическій ссыльный, осужденный по одному съ Герценомъ „дѣлу“, и, имѣя въ виду опасность для Перми отъ пребыванія въ ней сразу цѣлыхъ двухъ „политическихъ преступниковъ“, Герцена перевели въ Вятку, куда онъ и былъ „доставленъ“ 20-го мая 1835 года. Здѣсь предстояла ему „дѣятельность“, въ качествѣ одного изъ „канцеляристовъ“ у вятскаго губернатора Тюфяева. Образъ этого замѣчательнаго представителя администраціи дореформенной Руси художественно изобразилъ впослѣдствіи Герценъ въ „Былomъ и Думахъ“. Свою карьеру Тюфяевъ началъ канатнымъ плясуномъ и, показывая свое искусство, прошелъ всю Россію до Польши. Оттуда его выслали, какъ бродягу, въ Тобольскъ. Такимъ образомъ, задолго до своего губернаторства въ Вяткѣ, онъ уже прошелъ изъ края въ край ту губернію, которая затѣмъ ему была „ввѣрена“, два раза: „одинъ разъ по веревкѣ, другой — на веревкѣ“. Въ Тобольскѣ Тюфяеву удалось пристроиться на службу писцомъ. Его „исполнительность“ и умѣнье прислужиться обратили на него вниманіе одной чиновной особы, которая, уѣзжая въ Петербургъ, взяла Тюфяева съ собою. Прослуживши тамъ десять лѣтъ и окончательно усовершенствовавшись въ качествахъ,

давшихъ первоначальный толчокъ его карьерѣ, Тюфяевъ попалъ въ домашніе секретари къ Аракчееву, благодаря которому и назначенъ былъ черезъ нѣкоторое время въ Вятку сначала вице-губернаторомъ, а потомъ и губернаторомъ. Въ моментъ прибытія Герцена въ Вятку бывшій канатный плясунъ находился въ зенитѣ своего величія. Принявши ссыльнаго весьма грубо, Тюфяевъ „проэкзаменовалъ его по части почерка“ и затѣмъ поручилъ своему правителю канцеляріи Аленицыну — обучать „ученаго кандидата московскаго университета“ всякой канцелярской премудрости. Ради этой-то „науки“ и долженъ былъ Герценъ являться ежедневно отъ девяти до двухъ часовъ дня и отъ пяти до восьми вечера въ губернаторскую канцелярію и проводить все это время въ обществѣ другихъ канцеляристовъ, жизнь которыхъ была раздѣлена между двумя заботами: отчаяннымъ грабежомъ денегъ съ приходившихъ въ канцелярію просителей и столь же отчаяннымъ затѣмъ на награбленныя деньги пьянствомъ. Взятка царила съ верху до низу. Безъ нея не обходилось ни одно дѣло, не могла быть ни принята, ни исполнена ни одна бумага, не разрѣшался ни одинъ гражданскій или уголовный процессъ. Взятками же откупались обыватели отъ наказаній не только за содѣянныя, но и за несодѣянныя преступленія. Въ то время, и, разумѣется, не въ одной Вяткѣ, а во всей Россіи, взятка была въ извѣстномъ смыслѣ и бронею, которая защищала обывателя отъ тучи стрѣлъ, непрерывно пускавшихся въ него съ этой именно цѣлью изъ сонма начальственныхъ луковъ. Отказъ дать взятку могъ повлечь за собою обвиненіе во всевозможныхъ преступленіяхъ, и обыватель откупался. Анненковъ замѣтилъ очень

остроумно, что въ то время „взяточничество и подкупность чиновниковъ компенсировали отсутствіе въ Россіи конституціи, ибо безъ этого обывателямъ уже совсѣмъ не было бы житья“. Служба у Тюфяева и общество канцеляристовъ вызывали у Герцена горькія сѣтованія: „Просидѣвши цѣлый день въ этой галлереѣ, — писалъ онъ, — я приходилъ иной разъ домой въ какомъ-то отупѣніи всѣхъ способностей и бросался на диванъ, изнуренный, униженный и неспособный ни на какую работу, ни на какое занятіе. Я душевно жалѣлъ о моей крутицкой кельѣ съ ея чадомъ и тараканами, съ жандармомъ у дверей и замкомъ на дверяхъ. Тамъ я былъ воленъ дѣлать, что хотѣлъ, никто мнѣ не мѣшалъ; вмѣсто этихъ пошлыхъ рѣчей, грязныхъ людей, низкихъ понятій, грубыхъ чувствъ, тамъ была мертвая тишина и невозмущаемый досугъ. И когда мнѣ приходило въ голову, что послѣ обѣда опять слѣдуетъ идти и завтра опять, мною овладѣвало бѣшенство и отчаяніе, и я пилъ вино и водку для утѣшенія“. Конечно, такая жизнь была очень тяжела, но Герценъ въ своихъ сѣтованіяхъ все-таки не совсѣмъ правъ: вѣдь, до тѣхъ поръ онъ зналъ русскую жизнь только изъ книжекъ да изъ бесѣдъ съ товарищами, и лишь теперь только она предстала передъ нимъ въ тѣхъ рядовыхъ слагаемыхъ, изъ которыхъ она состояла, и предстала во всей своей неприглядной дѣйствительности. Онъ наблюдалъ ее непосредственно, обогащался опытомъ, обобщалъ отдѣльныя явленія въ высшій синтезъ, а это для будущаго знаменитаго обличителя всѣхъ ранъ Россіи, причиненныхъ ей ея образомъ правленія, было, конечно, безусловно необходимо. Лишь здѣсь, въ глубинахъ русской провинціи, — въ Вяткѣ, а за-

тѣмъ Владимірѣ и Новгородѣ, — прошелъ онъ ту школу жизни, безъ которой, при всѣхъ своихъ способностяхъ, образованіи и блестящемъ литературномъ талантѣ, онъ врядъ ли сыгралъ бы впослѣдствіи на берегахъ Темзы ту роль, которая дала ему несомнѣнное право на одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ Пантеонѣ русскихъ великихъ людей.

Тюфяевъ возненавидѣлъ Герцена, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончились его придирки и преслѣдованія, если бы не случились нѣкоторыя благопріятныя для ссыльнаго обстоятельства. Министръ внутреннихъ дѣлъ задумалъ учредить по всей Россіи губернскіе статистическіе комитеты и потребовалъ отъ губернаторовъ дать ему по этому поводу „отзывы“. Разумѣется, не имѣвшій никакого понятія о самомъ словѣ „статистика“, Тюфяевъ былъ поставленъ полученіемъ такой неслыханной „входящей бумаги“ въ крайнее затрудненіе. Не помогъ горю и правитель канцеляріи Аленицынъ. Въ такой бѣдѣ пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ „ученому кандидату московскаго университета“. Начались переговоры. Герценъ бралъ на себя не только написать требуемый „отзывъ“, но и заняться осуществленіемъ министерскаго желанія; однако ставилъ условіемъ для этого освобожденіе его отъ обязательныхъ посѣщеній губернаторской канцеляріи и разрѣшеніе работать на дому. Тюфяевъ нѣкоторое время поломался, но, видя, что Герценъ въ своемъ условіи непреклоненъ, а „отзывъ“ писать было необходимо, пошелъ на компромиссъ: онъ позволилъ Герцену работать дома, но съ тѣмъ, чтобы онъ все-таки, хоть на нѣсколько минутъ, но появлялся ежедневно въ канцеляріи. На томъ и помирились. Составленнымъ Герценомъ „отзывомъ“ Тюфяевъ остался

очень доволенъ. Въ первый разъ сообразилъ онъ, что Герценъ можетъ быть полезенъ и ему самому „для службы“. Онъ захотѣлъ даже приблизить его къ себѣ и сталъ приглашать „кандидата“ на свои обѣды, но такая повинность стала тяготить Герцена не менѣе, чѣмъ канцелярія,—Тюфяевъ замѣтилъ это и еще болѣе его возненавидѣлъ. „Онъ не могъ во мнѣ вынести человѣка, державшаго себя независимо, но вовсе не дерзко,—писалъ Герценъ.—Я былъ съ нимъ всегда en règle, онъ требовалъ подобострастія“.

Въ это время завязался у Герцена романъ съ нѣкоей Р. Романъ этотъ могъ имѣть для Герцена самыя тяжелыя послѣдствія, благодаря тому же Тюфяеву, обратившему въ свою очередь на Р. свое просвѣщенное вниманіе. Чтобы добиться своей цѣли, губернаторъ прибѣгъ по отношенію къ Р. къ самымъ низкимъ средствамъ, до угрозъ включительно. Герценъ вступилъ съ всемогущимъ губернаторомъ въ открытую борьбу. Пораженный и раздраженный неслыханной дерзостью своего „мелкаго чиновника“, Тюфяевъ задумалъ аттестовать его поведеніе такими красками, послѣ которыхъ Герценъ навѣрно очутился бы уже въ странахъ, „куда Макаръ телятъ гоняетъ“, и онъ исполнилъ бы, навѣрно, свой замыселъ, если бы судьба еще разъ не пришла Герцену на помощь. Въ это время путешествовалъ по Россіи, въ сопровожденіи Жуковскаго и Арсеньева, бывшій тогда наслѣдникомъ престола Александръ Николаевичъ. Посѣщеніе Вятки входило въ планъ путешествія, вслѣдствіе чего Тюфяевъ получилъ изъ Петербурга приказаніе устроить въ Вяткѣ, для ознакомленія наслѣдника съ естественными богатствами края, выставку, расположивши экспонаты

„по тремъ царствамъ природы“. Такая задача была для Тюфяева уже совершенной тарабарщиной, пожалуй, еще худшей, чѣмъ статистика. Въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ остроумно разсказываетъ про безпомощность, въ которой находился Тюфяевъ при исполненіи петербургскаго предписанія. „Три царства природы,—говорилъ онъ.—Ну, напримѣръ, медъ,—куда принадлежитъ медъ? Или золоченая рама,—какъ опредѣлить, куда она относится? Увидя изъ моихъ отвѣтовъ, что я имѣю удивительно точныя свѣдѣнія о трехъ царствахъ природы, онъ предложилъ мнѣ заняться расположеніемъ выставки“. Р. и интриги противъ „кандидата“ были Тюфяевымъ отложены въ сторону, и Герценъ съ увлеченіемъ занялся живымъ дѣломъ. Но если Тюфяевъ былъ плохо освѣдомленъ по части „трехъ царствъ природы“, то зато онъ зналъ хорошо науку о томъ, какъ выходить при посѣщеніяхъ губерніи высокопоставленными лицами изъ трудныхъ положеній, науку Сквозника-Дмухановскаго. На этотъ разъ однако и тутъ онъ „сорвался“. Передъ пріѣздомъ наслѣдника престола въ Вяткѣ, разумѣется, началось „очищеніе“ города не только отъ грязи, но и отъ тѣхъ обывателей, которые могли бы подать на губернатора жалобы. Благодаря такой предусмотрительности „хозяина губерніи“, былъ посаженъ въ „сумасшедшій домъ“ одинъ совершенно здоровый купецъ. Въ этомъ же родѣ Тюфяевъ поступилъ и съ нѣсколькими другими „неудобными“ лицами. Но про всѣ эти продѣлки было доведено до свѣдѣнія наслѣдника, вслѣдствіе чего онъ принялъ Тюфяева весьма сухо. На устроенной выставкѣ давать объясненія наслѣднику сначала захотѣлъ также самъ Тюфяевъ, но изъ этого ничего не вышло

и на смѣну ему пришлось выступить Герцену. Наслѣдникъ престола и сопровождавшіе его Жуковскій и Арсеньевъ были удивлены обиліемъ познаній у находившагося въ вятской глуши молодого чиновника. Наслѣдникъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ тому, кто сталъ потомъ разговаривать съ нимъ, уже самодержавнымъ императоромъ, особымъ языкомъ въ „Колоколѣ“, а по отъѣздѣ Александра Николаевича съ выставки Жуковскій и Арсеньевъ начали подробно разспрашивать Герцена, кто онъ и какимъ образомъ попалъ въ Вятку. Узнавши въ чемъ дѣло, они обѣщали ходатайствовать о возвращеніи Герцена изъ ссылки. Полнымъ успѣхомъ такое ходатайство не увѣнчалось, но несомнѣнно, что, благодаря случайному знакомству Герцена съ Жуковскимъ и Арсеньевымъ, состоялось вскорѣ распоряженіе о переводѣ ссыльнаго изъ Вятки во Владиміръ. Но еще до этого былъ удаленъ отъ службы Тюфяевъ. Г-жа Некрасова приводитъ одинъ отрывокъ изъ письма Герцена, относящагося къ этому времени. „Я былъ въ большихъ хлопотахъ,—писалъ онъ 18 іюня 1837 года.—Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разссорился съ здѣшнимъ губернаторомъ. Надобно замѣтить, что это высшій предѣлъ злодѣя и мерзавца. Послѣднее время я сталъ почти въ явную оппозицію противъ него; я—сосланный, а онъ — губернаторъ. Но есть Богъ: онъ выгнанъ со службы за „беззаконное управленіе губерніей“, и, слѣдовательно, торжество на моей сторонѣ. Теперь дышать легче. Теперь прекратились гоненія М., ибо этотъ злодѣй ея врагъ,—и что онъ дѣлалъ противъ нея!—это непостижимо честному человѣку“. На мѣсто Тюфяева губернаторомъ въ Вятку былъ назначенъ Корниловъ, ко-

торый, вѣроятно, вслѣдствіе письма къ нему Арсеньева, сталъ относиться къ Герцену несравненно лучше Тюфяева, освободилъ его отъ обязательныхъ посѣщеній канцеляріи и старался дать ему болѣе осмысленную работу. Скоро случай для этого представился. Въ 1837 году изъ Петербурга сдѣлано было распоряженіе завести во всѣхъ губернскихъ городахъ „Губернскія Вѣдомости“ съ приложеніемъ къ нимъ такъ-называемаго „неоффиціальнаго отдѣла“. Веденіемъ этого отдѣла Корниловъ и предложилъ Герцену заняться. Александръ Ивановичъ былъ очень доволенъ. Еще при Тюфяевѣ, въ виду необходимости организовать выставку и собрать для нея экспонаты изъ всѣхъ „трехъ царствъ природы“, Герцену пришлось поѣздить по Вятской губерніи и, такимъ образомъ, ознакомиться съ ея особенностями. Теперь собранные имъ во время поѣздокъ матеріалы могли быть подвергнуты литературной обработкѣ. И Герценъ энергически берется за дѣло. Въ статьѣ „Культурная дѣятельность Герцена въ провинціи“ Н. М—ва приводитъ перечень напечатанныхъ въ то время въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ статей, изъ которыхъ, если не всѣ (а, вѣроятно, всѣ), то большинство написаны несомнѣнно Герценомъ. Статьи эти носятъ названія: „Вотяки и черемисы“, „Вотяцкія молитвы“, „Русскіе крестьяне Вятской губерніи“, „Географическое описаніе Вятской губерніи“, „Состояніе доходовъ въ Вяткѣ со времени Петра Великаго“, „Нѣчто о характеристикѣ племенъ, обитающихъ въ Вятской губерніи“, „Взглядъ на состояніе разныхъ вѣтвей хозяйства и промышленности“ (описаніе уѣздныхъ городовъ Вятской губерніи и ихъ достопримѣчательностей). Въ примѣчаніи же къ первой статьѣ

говорится: „изъ первой тетради статистической монографіи, составленной Герценомъ“. Статья „Вотяки и черемисы“ подписана именемъ Герцена, а „Вотяцкія молитвы“ составляютъ какъ бы ея дополненіе. „Всѣ вышеупомянутые очерки,—говоритъ Н. М—ва,—написаны въ одномъ тонѣ, обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка съ исторической подготовкой и широкимъ кругозоромъ и даютъ право приписать ихъ Герцену, какъ составныя части его монографіи. То, что въ нихъ отсутствуетъ блескъ Герценовскаго остроумія, не сквозитъ его обычный юморъ, легко объясняется ихъ оффиціальнымъ характеромъ, обусловливающимъ извѣстную сухость изложенія, сдавливающаго индивидуальность“. Вообще, пребываніе Герцена въ Вяткѣ имѣло большое значеніе въ жизни этого захолустья. Въ томъ же 1837 году въ Вяткѣ, по приказанію свыше, должна была открыться публичная библіотека. Устройствомъ и этого дѣла опять-таки, кромѣ Герцена, заняться было некому. Герценъ исполнилъ прекрасно „возложенное на него порученіе“ и въ день открытія библіотеки произнесъ передъ публикой рѣчь, которая вошла въ полное собраніе его сочиненій. Въ рѣчи этой Герценъ объяснялъ своимъ слушателямъ значеніе библіотеки въ выраженіяхъ, уже напоминающихъ будущаго знаменитаго писателя. „Опытъ, написанный и брошенный въ употребленіе, есть книга. Книга—это духовное завѣщаніе одного поколѣнія другому, совѣтъ умирающаго старца юношѣ, начинающему жить, приказъ, передаваемый часовымъ, отправляющимся на отдыхъ, часовому, заступающему его мѣсто... Утомленный заботами повседневной жизни, читатель придетъ въ библіотеку отдохнуть душою и, укрѣпленный на

новый трудъ, всякій разъ благословитъ нынѣшній день, столь близкій русскому сердцу, столь торжественный, съ памятью котораго соединяется день рожденія нашей библіотеки“... Рѣчь „ссыльнаго“ была покрыта шумными апплодисментами вятскаго „beau-monde'a“.

Людей, съ которыми Герценъ близко сошелся въ Вяткѣ, было очень немного. То были учитель Скворцовъ, нѣкто Эрнъ, сестру котораго Марью Каспаровну Герценъ отправилъ учиться въ пансіонъ въ Москву (впослѣдствіи она уѣхала вмѣстѣ съ семьей Герцена за границу и тамъ вышла замужъ за извѣстнаго композитора Рейхеля), и жившій въ Вяткѣ также въ качествѣ изгнанника знаменитый архитекторъ Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ. Это былъ человѣкъ дарованія исключительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ жившій почти всецѣло въ мірѣ мистическомъ. Этою стороною онъ также сильно вліялъ на Герцена, настроеніе котораго было въ то время весьма сродни душѣ архитектора-художника. „Natalie,—писалъ Герценъ,—едва указала мнѣ Бога, и я сталъ вѣровать. Пламенная же душа артиста переходила границы и терялась въ темномъ, но величественномъ мистицизмѣ, и я нашелъ въ мистицизмѣ больше жизни и поэзіи, чѣмъ въ философіи. Благословляю то время“...

Изгнанники подолгу бесѣдовали въ длинные зимніе вечера. Витбергъ передавалъ Герцену исторію своего проекта построенія храма Спасителя въ Москвѣ; и, вспоминая эти бесѣды, Герценъ говоритъ, что „не зданіе храма хотѣлъ воздвигнуть художникъ, а молитву Богу“... Далѣе идетъ описаніе храма, какимъ долженъ онъ былъ быть по мысли художника.

Подъ вліяніемъ Витберга Герценъ самъ сталъ изучать архитектуру, и, при необыкновенныхъ способностяхъ своихъ, онъ, говорятъ, основательно съ нею ознакомился.

Настроеніе Герцена сказалось и въ выборѣ имъ въ то время книгъ для чтенія и въ темахъ его собственныхъ литературныхъ произведеній.

Въ статьѣ „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“ Анненковъ говоритъ, что главнымъ чтеніемъ Герцена въ Вяткѣ были книги религіознаго и мистическаго характера: Эккартсгаузенъ, Апокалипсисъ, сочиненія Лютера, съ одной стороны, и сочиненія Сведенборга, книги объ алхиміи, объ адептахъ Парацельса и магнетизмѣ Эшемазера. Сильно увлекался въ это время Герценъ и романтическими произведеніями Жана Поля Рихтера.

Въ статьѣ Герцена „Гофманъ“ видно вліяніе его вятскаго настроенія. Начатая раньше, статья эта въ Вяткѣ подверглась передѣлкѣ. Плодомъ того же настроенія явилась его „Легенда о св. Федорѣ“, написанная въ 1835 году, а по мѣрѣ развитія этого настроенія слѣды его замѣтны все болѣе и болѣе въ дальнѣйшихъ работахъ Герцена. „Религіозное настроеніе,—говоритъ г-жа Некрасова,—все сильнѣе и сильнѣе охватывало Герцена. Оно отражалось и въ повѣстяхъ, и статьяхъ его. Одна изъ такихъ и притомъ любимыхъ статей автора была утратившаяся теперь статья его „Мысль и Откровеніе“. О содержаніи статьи можно судить по намекамъ, разбросаннымъ въ „Перепискѣ“. Она нравилась автору: „Мысль и Откровеніе“ хорошо,—писалъ онъ,—потому тутъ нѣтъ повѣсти просто, а пламенное изложеніе моей теоріи. Это разговоръ, диссертація, это изложеніе чувствъ и думъ“. Въ одномъ

изъ болѣе позднихъ писемъ онъ прибавляетъ, что въ этой статьѣ выражается тоже „недовѣріе къ мудрости вѣка сего“, какъ и въ „Германскомъ путешественникѣ“, только здѣсь эта мысль „выражена ясно и отчетливо“. Эта статья долго не переставала интересовать его. 13 мая 1837 года онъ писалъ: „въ ней я описывалъ мое собственное развитіе, чтобы раскрыть, какъ опытъ привелъ меня къ религіозному воззрѣнію“. („Сѣверный Вѣстникъ“ 1885 г., сентябрь, стр. 105).

Въ слѣдующемъ году Герценъ переѣхалъ во Владиміръ, гдѣ жизнь, по словамъ его самого, была наполнена, главнымъ образомъ, „семейными радостями“. Въ это время онъ женился, вопреки желанію отца, на Натальѣ Александровнѣ и былъ очень счастливъ. Общее настроеніе Герцена еще продолжало быть „вятскимъ“.

Разсказывая въ письмѣ къ Натальѣ Александровнѣ (еще до женитьбы) о томъ, какъ къ нему приходилъ за совѣтомъ „что дѣлать“ гимназистъ, Герценъ излагаетъ свой ему отвѣтъ такъ: „во-первыхъ, берегите, какъ высочайшую святыню, нравственность и чистоту,—это главное; жертвуйте наукой философіи и философіей религіи“.

Въ письмѣ къ Витбергу онъ писалъ:

„Моя владимірская жизнь—это сорокъ дней въ пустынѣ, это крестъ на паперти. Вы не узнали бы меня, нѣтъ, вы то бы, кажется, узнали, но многіе, любившіе во мнѣ не меня,—разгулъ,—не узнали бы теперь. Дай Богъ довершить начатое; но Онъ и даетъ силъ, Онъ самъ своей десницей подноситъ къ устамъ моимъ чашу небеснаго, святого питія“.

Въ это время Герценъ сдѣлалъ даже большой

шагъ и въ сторону сближенія съ обрядовой стороной христіанской религіи.

„Отъ роду въ первый разъ я сегодня исповѣдывался,—писалъ Герценъ 13-го марта 1838 года,—такой п о б ѣ д ы достигъ съ помощью Наташи надъ своей душой“...

Есть основаніе думать, что эта „побѣда“, по состоянію духа „побѣдителя“ и по своимъ послѣдствіямъ для него, была въ извѣстной степени тѣмъ же, чѣмъ явилась черезъ много лѣтъ такая же „побѣда надъ своей душой“,—объ этомъ онъ самъ разсказывалъ въ своей „Исповѣди“,—для Льва Толстого: кризисомъ... только кризисъ этотъ разразился у Герцена другими послѣдствіями, чѣмъ у Толстого.

Что-то поднималось изъ глубины духа и протестовало противъ „небесной кротости“. „Что ни говори, милый другъ,—писалъ онъ той же Наташѣ,—а я никакъ не могу принудить себя къ той небесной кротости, которая составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ твоего характера. Я слишкомъ о г н е н ъ“. Да, для „небесной кротости“ Герценъ былъ „слишкомъ огненъ“, и сначала сталъ пропадать у него вкусъ къ „резиньяціи“, а потомъ потянуло все болѣе и болѣе и отъ „откровенія“ къ „мысли“. Да и самую „резиньяцію“ онъ готовъ былъ еще принимать, какъ безропотную покорность ударамъ, наносимымъ россійскими порядками ему л и ч н о, но никогда не доходилъ онъ до признанія этихъ порядковъ и тогда, когда они давятъ д р у г и х ъ, весь народъ, всю страну. Онъ никогда не примирялся ни съ крѣпостнымъ правомъ, ни съ приказнымъ строемъ, никогда не доходилъ изъ своихъ религіозныхъ посылокъ до тѣхъ выводовъ, которые сдѣлали изъ философіи Гегеля Бѣлинскій и Баку-

нинъ. Напротивъ, идея протеста противъ существующаго строя была постоянно жива въ душѣ Герцена, только представлялась она ему самому, такъ сказать, въ разныхъ облаченіяхъ. Вспоминая о Вяткѣ, онъ самъ писалъ: „и еще года два я былъ подъ вліяніемъ идей, взятыхъ изъ Евангелія и Жанъ Жака, на манеръ мыслителей въ родѣ Пьера Леру". А „Петръ Рыжій", какъ звали Леру въ своей перепискѣ наши „идеалисты тридцатыхъ годовъ", былъ не изъ числа „примирившихся". Оттого такъ скоро Герценъ и вступилъ въ борьбу и съ „гегельянцами" толка Бѣлинскаго того времени, и съ славянофилами, признававшими самодержавіе незыблемымъ устоемъ русской жизни.

Богатая психика Герцена доходитъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ до высокаго напряженія. Сильный умъ, бездна собранныхъ свѣдѣній, какъ-то безпорядочно лежавшихъ на днѣ души, мятущійся духъ и жаждавшая дѣятельности натура,—все это было еще окутано густою пеленою вятско-владимірскихъ настроеній, но уже рвалось выйти изъ нея, ждало лишь толчка, чтобы кристаллизоваться и дать того Герцена, отличительной чертой котораго была не „резиньяція", а борьба.

Толчкомъ этимъ стало изученіе того самого Гегеля, изъ котораго Бѣлинскій и Бакунинъ сдѣлали такіе абсолютно-непріемлемые для Герцена выводы.

Онъ самъ объ этомъ писалъ такъ:

„Когда я привыкъ къ языку Гегеля и овладѣлъ его методой, я сталъ разглядывать, что Гегель гораздо ближе къ нашему воззрѣнію, чѣмъ къ воззрѣнію своихъ послѣдователей; таковъ онъ въ первыхъ сочиненіяхъ, таковъ вездѣ, гдѣ его геній закусывалъ удила и несся впередъ, забывая „бран-

денбургскія ворота“. Философія Гегеля—алгебра революціи, она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, пережившихъ себя. Но она, можетъ, съ намѣреніемъ дурно формулирована“.

„По счастью, схоластика такъ же мало свойственна мнѣ, какъ и мистицизмъ; я до того натянулъ ея лукъ, что тетива порвалась и повязка упала“.

На систематическое изученіе Гегеля Герцена толкнули встрѣчи въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ по снятіи съ него полицейскаго надзора, въ 1839 году, съ старыми товарищами—Огаревымъ, Кетчеромъ, Сатинымъ и знакомство съ Бѣлинскимъ, Бакунинымъ и другими. Среди членовъ кружка Станкевича (самъ онъ въ это время находился за границей) шла сильная умственная работа, отправнымъ пунктомъ которой было толкованіе философіи Гегеля.

Члены кружка Станкевича „стояли каждый съ томомъ гегелевской философіи въ рукахъ и съ юношеской нетерпимостью провозглашали: нѣтъ философіи, кромѣ Гегеля, и мы пророки его“.

Толковали о Гегелѣ безпрестанно,—вспоминалъ эту эпоху въ „Быломъ и Думахъ“ Герценъ; нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ „Логики“ и двухъ „Эстетики“, „Энциклопедіи“ и проч., который не былъ бы взятъ съ бою отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа“, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности и объ ея по себѣ бытіи“. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ

и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось имя Гегеля, выписывались, зачитывались до дыръ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней...

„Никто не отрекся бы въ тѣ времена отъ подобной фразы: «конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, съ которой онъ, опредѣляясь для себя, потенцируется изъ естественной имманентности въ гармоническую сферу обратнаго сознанія въ красотѣ»...

„Молодые философы испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманіе: отношеніе къ жизни, дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гёте въ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все, въ самомъ дѣлѣ, непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью.

„Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ, и если ему попадался на дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступающая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывающаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку—гемюту, или къ „трагическому въ сердцѣ“.

„Философская фраза, надѣлавшая всего больше

вреда, и на которой нѣмецкіе консерваторы стремились помирить философію съ политическимъ бытомъ Германіи, „все дѣйствительное разумно“, было иначе высказанное начало достаточной причины и соотвѣтственности логики и фактовъ. Дурно понятая фраза Гегеля сдѣлалась въ философіи тѣмъ, чѣмъ нѣкогда были слова апостола Павла: „Нѣтъ власти, аще не отъ Бога“. Но если существующій общественный порядокъ оправдывается разумомъ, то и борьба противъ него, если существуетъ, оправдана“.

Очень и очень можно не согласиться съ Герценомъ въ его истолкованіи знаменитаго положенія о разумности всего дѣйствительнаго, какъ иначе лишь формулированнаго „начала достаточной причины“; но въ чемъ онъ былъ, конечно, неприступенъ въ занятой имъ позиціи, такъ это въ положеніи: „если существующій общественный порядокъ оправдывается разумомъ, то и борьба противъ него, если существуетъ, оправдана“. На почву этого-то вывода изъ философіи Гегеля и сталъ Герценъ.

Какъ извѣстно, Бѣлинскій дошелъ въ это именно время до самой послѣдней степени „примиренія“ съ тѣмъ, что онъ самъ же вскорѣ сталъ называть „гнусной рассейской дѣйствительностью“. Герцену какъ-то всегда были чужды догматики, люди, полагавшіе, что они уже находятся въ истинѣ, а не ищутъ ее,—самъ онъ, вѣчно движущійся, вѣчно безпокойный, былъ именно искателемъ ея,—а тутъ, какъ ему казалось, предъ нимъ не только догматикъ, но еще и догматикъ, сдѣлавшій изъ своей догмы выводы, противные самой натурѣ Герцена; что могло изъ этого получиться?..

Герценъ и Бѣлинскій схватились.

— Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, — сказалъ я ему (Герценъ Бѣлинскому), думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, — вы можете доказать, что... самодержавіе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣчалъ Бѣлинскій и прочелъ мнѣ „Бородинскую годовщину“ Пушкина.

— Этого я не смогъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами... Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ послѣдній, яростный залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинской годовщиной“. Я прервалъ тогда съ нимъ всѣ сношенія“...

Нашла коса на камень: вѣдь противникомъ Герцена оказался Бѣлинскій, который по поводу именно этой статьи говорилъ Панаеву: „знаю, что назовутъ меня льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями, но... противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... Мнѣ легче умереть съ голоду, чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было или продать себя“...

Прекратить всякія сношенія съ Бѣлинскимъ, подъ вліяніемъ раздраженія, было естественно, но развѣ вопросъ этимъ рѣшался? Тѣмъ болѣе, что, какъ оказывается, и Бакунинъ, прочтя статью Бѣлинскаго, „пришелъ отъ нея въ восторгъ“... Разрывомъ отношеній тутъ дѣлу, очевидно, не поможешь... Вотъ тутъ-то и сталъ Герценъ еще тщательнѣе штудировать Гегеля, тутъ и пришелъ онъ къ взгляду на его философію, какъ на „алгебру революціи“. А „россійская дѣйствительность“ постаралась очень скоро сама довершить остальное...

Въ 1840 году Герценъ былъ причисленъ къ „канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ“, что давало ему право на безпрепятственное проживаніе во всей Россіи. Онъ переѣхалъ въ Петербургъ. Тутъ произошло у него примиреніе съ успѣвшимъ уже „отрезвиться“ отъ своихъ московскихъ выводовъ изъ Гегеля Бѣлинскимъ, и они стали друзьями. До того времени литературная дѣятельность Герцена была незначительна, теперь, нестѣсняемый особенно службою, онъ думалъ принять участіе въ литературѣ уже въ широкомъ масштабѣ. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ стали появляться его „Записки одного молодого человѣка“. Все какъ-будто настраивалось „по-хорошему“, какъ вдругъ... новая бѣда: въ Петербургѣ будочникъ убилъ прохожаго, и въ обществѣ, разумѣется, объ этомъ случаѣ много говорили. Говорилъ, конечно, и Герценъ, написавшій о „происшествіи“ также и своему отцу. Письмо было перехвачено, и въ одинъ прекрасный день Герцена зовутъ въ III-е Отдѣленіе. Тамъ между нимъ и нѣкимъ Сахтынскимъ, крупнымъ чиновникомъ этого знаменитаго учрежденія, произошелъ очень любопытный разговоръ:

Сахтынскій спросилъ Герцена, слышалъ ли онъ, что „у Синяго моста будочникъ убилъ человѣка?“

— Слышалъ,—отвѣчалъ Герценъ.

— И, можетъ, повторяли?

— Кажется, что повторялъ.

— Съ разсужденіями, чай?

— Вѣроятно.

Сахтынскій объявилъ тутъ Герцену, что его за распространеніе „столь вреднаго слуха“ приказано снова отправить въ Вятку, прибавивши, что его „откровенное сознаніе дѣлаетъ ему честь“ и будетъ,

конечно, принято во вниманіе, но что это уже потомъ, а теперь ему надо ѣхать по назначенію...

— Помилуйте,—воскликнулъ Герценъ,—какое тутъ сознаніе! Объ этомъ случаѣ говорилъ весь городъ, говорили въ канцеляріи министра, въ лавкахъ...

— Въ докладной запискѣ государю сказано, что вы способствовали распространенію того вреднаго слуха, на что и послѣдовала высочайшая резолюція о возвращеніи васъ въ Вятку.

— Да какъ же записка была представлена и дѣло кончено прежде, чѣмъ со мною говорили?

— Вы сами признались.

Выходила сказка „про бѣлаго бычка“, да только послѣдствія ея были вовсе не сказочныя: лишь при помощи сильной протекціи Герцену за такое „преступленіе“ ссылка на „чернильную работу“ въ Вятку была замѣнена ссылкой въ Новгородъ. Правда, ему давали тамъ мѣсто совѣтника губернскаго правленія, намекали даже на возможность въ будущемъ вице-губернаторства, но Герцену было совсѣмъ не до того. Онъ изливалъ свои жалобы и негодованіе въ письмахъ къ друзьямъ. Не разставшійся еще съ своими прежними настроеніями, Огаревъ попробовалъ-было предложить своему другу смотрѣть и на вторую ссылку, какъ на „частный случай“, предавшись „резиньяціи“, но Герценъ былъ уже отъ такого настроенія очень далекъ.

„Ты, Огаревъ,—писалъ ему въ отвѣтъ 11 февраля 1841 года Герценъ,—проповѣдуешь резиньяцію, но въ томъ случаѣ, въ которомъ ты ее проповѣдуешь мнѣ, она не годится; даже думаю, что именно и бѣда твоя, что ея слишкомъ много. Я понимаю, что человѣкъ, одержимый чахоткою, былъ бы жа-

локъ со своими упрёками и гнѣвами на судьбу; понимаю, что человѣкъ, у котораго потонулъ корабль со всѣмъ имуществомъ его, благороденъ, перенося просто то, что внѣ сферы разума и воли; но резиньяцію, когда бьютъ въ рожу, я не понимаю, и люблю свой гнѣвъ столько же, сколько ты свой покой. „Частный случай“! Конечно, все, что случается не съ цѣлымъ племенемъ, можно назвать частнымъ случаемъ, но, я думаю, есть повыше точка зрѣнія... Ежели ты написалъ, что это „частный случай“, мнѣ въ утѣшеніе, то спасибо; ежели же ты не на шутку такъ думаешь, то это одно изъ проявленій той ложной, монашеской пассивности, которая, по моему мнѣнію, твой Тифонъ, твой злой геній. Христіане истинные могли смотрѣть равнодушно на все, что съ ними дѣлали; для нихъ жизнь была дурная станція въ царство Божіе, гдѣ награждаются труды. Мы на жизнь не такъ смотримъ, мы слишкомъ шатки въ вѣрѣ; въ насъ будетъ слабостью, что у нихъ сила. Въ этомъ отношеніи намъ можетъ скорѣй идти гордый, непреклонный стоицизмъ, нежели кроткое прощеніе дѣйствительности, индульгенціи всѣмъ пакостямъ ея“.

Совѣтуя Огареву ѣхать теперь же за границу, онъ назначалъ ему мѣстомъ встрѣчи Женеву и временемъ ея первое января 1845 года. „Ты любишь «эту землю»,—продолжалъ Герценъ.—Понятно. И я любилъ Москву, а жилъ въ Перми, Вяткѣ, не переставая ее любить, и жилъ годъ въ Петербургѣ, да ѣду въ Новгородъ. Попробуемъ полюбить земной шаръ—оно лучше! Куда ни поѣзжай тогда, все будешь на любимомъ мѣстѣ“...

Вотъ какія мысли и настроенія стали бродить теперь въ душѣ Герцена. Закалялся будущій боецъ.

Огаревъ послушался совѣта Герцена, прибылъ въ Петербургъ и оттуда, простившись съ своимъ другомъ, уѣхалъ за границу. Герценъ отправился „къ мѣсту своего служенія“ въ Новгородъ.

Началась опять столь несвойственная натурѣ Герцена чиновничья лямка, но осложнилась она еще обстоятельствами, нелѣпѣе которыхъ и вообразить себѣ трудно. Какъ мы уже сказали, Герценъ былъ посланъ на службу въ Новгородъ въ качествѣ совѣтника губернскаго правленія. Будучи, такимъ образомъ, въ составѣ лицъ, представляющихъ собою высшую губернскую администрацію, онъ былъ отданъ „подъ надзоръ“ этой самой администраціи. Въ довершеніе курьеза въ губернскомъ правленіи Герцену поручили завѣдывать вторымъ отдѣленіемъ, въ которомъ были сосредоточены дѣла о раскольникахъ, злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, и т. д.

„Я увѣренъ, — писалъ по этому поводу Герценъ, — что три четверти людей, которые прочтутъ это, не повѣрятъ, а между тѣмъ это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапорты полицеймейстера о самомъ себѣ, какъ о человѣкѣ, находившемся подъ полицейскимъ надзоромъ. Полицеймейстеръ изъ учтивости въ графѣ о поведеніи ничего не писалъ, а въ графѣ занятій ставилъ: «занимается государственной службой»!..“

Что представляла затѣмъ сама по себѣ „служба“ совѣтника?

„Служить тогда въ этой должности — значило:

1) исполнять требованія начальства, 2) подписывать бумаги и 3) брать взятки.

„Большихъ преній, горячихъ разсужденій не было; рѣдко случалось, что совѣтникъ спрашивалъ предварительно мнѣніе губернатора, еще рѣже обращался губернаторъ съ дѣловымъ вопросомъ къ совѣтнику. Передъ каждымъ лежалъ ворохъ бумагъ и каждый писалъ свое имя, — это была фабрика подписей". — „Совѣтники другихъ отдѣленій, — вспоминаетъ Герценъ, — были закаленные старые писцы, дослужившіеся десятками лѣтъ до совѣтничества, жили одной службой, т. е. взятками. Когда они поняли, что я не буду участвовать ни въ дѣлежѣ общихъ доходовъ, ни самъ грабить, они стали на меня смотрѣть, какъ на непрошеннаго гостя и опаснаго свидѣтеля".

Ознакомленіе съ дѣлами о раскольникахъ и злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью указали Герцену окончательно на всю, при данныхъ условіяхъ, безнадежность борьбы со зломъ чиновничьими средствами и освѣтили всю бездонную глубину неправды существовавшаго строя.

Будучи совѣтникомъ губернскаго правленія, Герценъ пользовался, конечно, большею свободою и большимъ досугомъ, чѣмъ въ должности „канцеляриста" въ Вяткѣ. Благодаря этому, параллельно съ накопленіемъ уроковъ, черпаемыхъ изъ самой жизни, онъ непрерывно работалъ и надъ вопросами теоретическими. Гегель и „гегельянцы" составляли попрежнему предметъ его особаго вниманія. Вскорѣ ему удалось познакомиться и съ книгою самаго „лѣваго" изъ гегельянцевъ. Возвратившійся изъ-за границы Огаревъ привезъ своему другу извѣстную книгу Фейербаха, того самаго философа, который

оказалъ впослѣдствіи сильное вліяніе и на Чернышевскаго. Ознакомленіе съ книгою Фейербаха, съ ея положеніемъ, что „не Богъ создалъ человѣка, а человѣкъ создалъ Бога по образу и подобію своему“, и аргументаціей въ защиту этого и многихъ другихъ положеній, произвело на Герцена большое впечатлѣніе. Съ этого времени онъ сталъ уже обѣими ногами на землю и сосредоточилъ все свое вниманіе на интересахъ земли и ея обитателей. А интересы эти были такъ сложны, такъ запутаны...

Въ Новгородѣ Герценъ началъ писать и свой извѣстный романъ „Кто виноватъ?“.

Но служба, само по себѣ, служба! Какая тягость, какая скука, какая безсмыслица! Отношенія къ другимъ совѣтникамъ были отвратительны, къ губернатору—„мы настолько терпѣть не могли другъ друга, насколько это возможно при поверхностномъ знакомствѣ“...

И Герценъ ломалъ голову, чтобы вырваться изъ такой обстановки. Вдругъ происходитъ такая, въ сущности, очень обычная, но произведшая на на него сильное впечатлѣніе, сцена:

„Разъ,—пишетъ Герценъ,—въ холодное зимнее утро пріѣзжаю въ правленіе; въ передней стоитъ женщина лѣтъ тридцати, крестьянка; увидѣвши меня въ мундирѣ, она бросилась передо мною на колѣни и, обливаясь слезами, просила меня заступиться. Баринъ ея, Мусинъ-Пушкинъ, ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, ихъ сынъ лѣтъ десяти оставался; она умоляла дозволить ей взять съ собою дитя. Пока она мнѣ разсказывала дѣло, вошелъ военный губернаторъ, я указалъ ей на него и передалъ просьбу. Губернаторъ объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ остаются у помѣ-

щика. Мать, не понимая з а к о н а, продолжала просить. Ему было скучно. Женщина, цѣпляясь за его ноги, рыдала, и онъ сказалъ, грубо отталкивая ее отъ себя: „да что ты за дура такая; вѣдь, по-русски тебѣ говорятъ, что я ничего не могу сдѣлать—что же ты пристаешь?“... Послѣ этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголъ, гдѣ ставилась сабля...

„И я пошелъ... съ меня было довольно... развѣ эта женщина не приняла меня за одного изъ нихъ?“

Герценъ подалъ рапортъ о болѣзни, потомъ сталъ хлопотать за болѣзнью же объ отставкѣ.

„Отставку мнѣ сенатъ далъ, присовокупивъ чинъ надворнаго совѣтника; но Бенкендорфъ съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ губернатору, что мнѣ запрещенъ въѣздъ въ столицы и велѣно жить въ Новгородѣ“.

Снова начались хлопоты о разрѣшеніи переѣхать въ Москву для лѣченія жены,—это было очень трудно, такъ какъ разрѣшеніе могъ дать только императоръ,—но, наконецъ, хлопоты увѣнчались успѣхомъ: разрѣшеніе переѣхать въ Москву, безъ права въѣзда въ Петербургъ, было дано. Дни изгнанія Герцена кончились. Наступила въ его жизни новая полоса.

III.

Опять Москва

(1842—1847 гг.).

На этотъ разъ Герценъ прожилъ въ Москвѣ около пяти лѣтъ,—съ 1842 по 1847 годъ, когда онъ уѣхалъ за границу и оттуда болѣе не возвращался...

Незадолго до возвращенія въ Москву ему исполнилось тридцать лѣтъ; многое уже было пережито,—не столько даже въ смыслѣ внѣшнихъ испытаній, хотя и тутъ тюрьма и съ небольшимъ перерывомъ почти восьмилѣтнее изгнаніе, конечно, положили на душу Герцена свои рубцы,—сколько въ жизни внутренней, чрезвычайно богатой, глубокой и содержательной.

Самые различные вопросы привлекали къ себѣ вниманіе Герцена: отъ непосредственныхъ язвъ Россіи, главнѣйшими изъ которыхъ были, конечно, крѣпостное право и „приказный строй“, до вопросовъ объ отношеніи половъ, роли науки въ человѣческомъ общежитіи и, наконецъ, мучительнѣйшей изъ проблемъ о взаимоотношеніи личности и общества,—все это находило себѣ выраженіе въ литературныхъ произведеніяхъ Александра Ивановича или, за невозможностью сдѣлать это въ печати, въ спорахъ съ другими представителями московской интеллигенціи того времени и въ ведшемся имъ тогда дневникѣ.

Въ это именно время тѣсно сблизился Герценъ съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ, совмѣстно съ которыми и нѣкоторыми другими онъ и явился пред-

ставителемъ того „западническаго“ кружка, который противостоялъ кружку „славянофильскому“, состоявшему изъ Хомякова, Кирѣевскихъ, Константина Аксакова и другихъ. Отсюда, именно изъ этихъ кружковъ, берутъ начало многіе изъ родниковъ русской общественной мысли, превратившихся потомъ въ многоводныя рѣки и оросившихъ своею благодатною влагою поблекшую и чуть было не засохшую окончательно ниву жизни николаевской Россіи. Уже не было декабристовъ, не было въ живыхъ Пушкина, не было и Лермонтова. Изъ Петербурга вѣяло на всю Россію дыханіемъ смерти, и несся оттуда по безбрежнымъ русскимъ равнинамъ одинъ лишь голосъ часового, приставленнаго къ взятой „подъ крѣпкій караулъ“ человѣческой мысли: „слу-у-ш-шай!..“.

Правда, Бѣлинскій работалъ въ Петербургѣ,— туда же, главнымъ образомъ, посылали свои статьи для печати Герценъ и его друзья, — но это была, такъ сказать, техническая сторона дѣла: духъ же жизни нашелъ себѣ въ то время убѣжище лишь въ Москвѣ, въ кружкахъ, численно крохотныхъ, но въ которыхъ сосредоточился весь разумъ Россіи, вся ея громадная интеллектуальная и моральная мощь.

„Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ и чистыхъ, — писалъ впослѣдствіи Герценъ, — я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ: ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и артистическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое“.

Если прибавить къ этому еще самого Герцена,

явившагося несомнѣнно самой крупной личностью даже среди блестящаго московскаго „круга“ сороковыхъ годовъ, то картина получится очень яркая.

Но гдѣ же было поле для приложенія силъ столь богато одаренныхъ людей? Его не было, и въ этомъ состояло все несчастье и Россіи въ ея цѣломъ, и всѣхъ членовъ московскихъ кружковъ въ частности.

Оставались бесѣды въ салонахъ да гоняемая цензурою „сквозь строй“ литература. Другого ничего не было.

Герценъ использовалъ эти послѣднія возможности съ максимальными результатами, но удовлетвориться этимъ онъ, разумѣется, не могъ и его потянуло въ Европу.

Но Европа была еще далеко впереди, и жизнь Герцена въ теченіе четырехъ лѣтъ наполняется бесѣдами съ единомышленниками и спорами съ „разномышленниками“, дѣятельностью литературною и все новою и новою работой надъ самимъ собой.

Прекрасно его описаніе тѣхъ московскихъ салоновъ, гдѣ укрывалась русская мысль отъ воздвигнутаго на нее гоненія.

„Говоря о московскихъ гостиныхъ и салонахъ,—пишетъ онъ,—я говорю о тѣхъ, въ которыхъ нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ, гдѣ до насъ декабристы давали тонъ, гдѣ смѣялся Грибоѣдовъ, гдѣ М. Ѳ. Орловъ и А. П. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что они были въ опалѣ; гдѣ А. С. Хомяковъ спорилъ до четырехъ часовъ утра, начавши въ девять; гдѣ К. Аксаковъ съ мурмолкой въ рукѣ свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, и никогда не бралъ въ руки бокала шампанскаго, чтобы не сотворить тайное

моленіе и тостъ, который всѣ знали; гдѣ Рѣдкинъ выводилъ логически личнаго Бога ad majorem Hegelii gloriam; гдѣ Грановскій являлся съ своей тихой, но твердой рѣчью; гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича; гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ, какъ изъ воска, лицомъ сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно замороженными; гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы; гдѣ Боткинъ и Крюковъ пантеистически наслаждались разсказами М. С. Щепкина, и куда, наконецъ, иногда падалъ, какъ конгревова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадало“...

Все это очаровательно, полно своей особой прелести, но все же это н е д ѣ л о, и вѣчно жить такъ людямъ съ складкой души Герцена было невозможно... Изъ-за стѣнъ этихъ восхитительныхъ салоновъ, пріютовъ мысли и красоты, все же выглядывало постоянно чудовище, именуемое „крѣпостнымъ правомъ“, и звучалъ въ воздухѣ уловляемый чуткимъ ухомъ Герцена старый-престарый вопросъ: „а на какія это деньги господа благородные рыцари путешествовать изволятъ?..“

Такой неизбѣжный вопросъ являлся, разумѣется, отравою не только всякаго пира обычнаго, но и „пира мысли“...

Это однако вовсе не значитъ, чтобы Герценъ былъ ригористомъ, аскетомъ; напротивъ, — „развѣ не глупый поступокъ сдѣлаетъ тотъ,—писалъ онъ,— который, страстно любя музыку, не пойдетъ ее слушать, имѣя на то возможность? Мнѣ всегда казались противны и смѣшны люди, изъ какой-то эко-

номіи ощущеній отказывающіеся отъ лучшихъ даровъ жизни“.

Нѣтъ, „надо жить во всѣ стороны“,—говорилъ Герценъ, а подъ такою жизнью онъ понималъ „и общую дѣятельность, и блаженство знанія, такъ же какъ блаженство дружбы, любви, — а тамъ, что будетъ, то будетъ“...

Хорошо. Но это опредѣленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ, въ сумму которыхъ входитъ въ качествѣ члена не только полноправнаго съ другими, но даже стоящаго на первомъ мѣстѣ, „общая“, т. е. общественная, дѣятельность,—а что дѣлать тогда, когда она невозможна?

Отвѣтъ одинъ: бороться за то, чтобы она сдѣлалась возможною, „а тамъ, что будетъ, то будетъ...“

Но какъ же это осуществить?

Крѣпостное право, напримѣръ, — бороться съ нимъ необходимо, а между тѣмъ въ печати вопроса этого и коснуться нельзя,—что тогда?

Надо попытаться, а окончательно не удастся—надо подумать о другихъ путяхъ борьбы съ нимъ.

И вотъ появляется въ литературѣ знаменитый псевдонимъ „Искандеръ“ (на нѣкоторыхъ восточныхъ языкахъ это значитъ—Александръ), которымъ подписаны многія статьи, а въ числѣ другихъ разсказъ „Сорока-воровка“, заключающій возможный при цензурныхъ условіяхъ того времени протестъ противъ крѣпостного права. Той же темы, насколько было возможно, коснулся Герценъ и въ романѣ „Кто виноватъ?“.

Основная тема этого романа, однако, другая, и вопросъ, въ немъ трактуемый, болѣе сложный, болѣе цѣпкій, чѣмъ вопросъ объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ „крѣпостнымъ людямъ“. По-

слѣдній вопросъ разрѣшается все-таки извѣстными юридическими мѣрами, легальнымъ или революціоннымъ измѣненіемъ существующаго закона, — а вопросъ объ отношеніяхъ половъ,—исчерпывается ли онъ одною лишь юридическою стороною этихъ отношеній?

Появленіе этого романа произвело сильное впечатлѣніе.

„Спасибо тебѣ за интермеццо къ „Кто виноватъ?“ — писалъ Герцену Бѣлинскій.—Я изъ нея окончательно убѣдился, что ты большой человѣкъ въ нашей литературѣ... Ты не поэтъ: объ этомъ нечего и толковать, но, вѣдь, и Вольтеръ не былъ поэтомъ... У тебя, какъ у натуры, по преимуществу, мыслящей и сознательной, талантъ и фантазія ушли въ умъ, оживленный и согрѣтый, такъ сказать о с е р д е ч е н н ы й, гуманистическимъ направленіемъ, не привитымъ и не вычитаннымъ, а присущимъ твоей натурѣ. У тебя страшно много ума, такъ много, что я не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку; у тебя много и таланта, и фантазіи, но не того чистаго и самостоятельнаго таланта, который все родитъ самъ изъ себя и пользуется умомъ, какъ низшимъ, подчиненнымъ ему началомъ, — нѣтъ, твой талантъ—чортъ его знаетъ!—такой же батардъ или пасынокъ въ отношеніи къ твоей натурѣ, какъ умъ въ отношеніи къ художественнымъ натурамъ. Не умѣю лучше выразиться, но увѣренъ, что ты поймешь это лучше меня и мнѣ же выскажешь это такъ ясно и опредѣленно, что я закричу: эврика! эврика!“

И Бѣлинскій предсказываетъ Герцену, что если такъ будетъ продолжаться, то онъ, Герценъ, „попадетъ не только въ исторію русской литературы“, но и „въ исторію Карамзина“.

Какъ во множествѣ другихъ случаевъ, Бѣлинскій не ошибся и здѣсь.

Вдумчивый взглядъ Герцена открывалъ въ самыхъ, казалось бы, простыхъ, обыкновенныхъ вещахъ такія стороны, мимо которыхъ тысячи людей пройдутъ безъ вниманія или, если имъ на эти стороны укажутъ, то величественно пожмутъ плечами и отвѣтятъ какою-нибудь пошлостью въ родѣ обычной въ такихъ случаяхъ фразы: „кто же этого не знаетъ?“... Герценъ былъ въ театрѣ. Шла „самая обыкновенная пьеса“. Это была драма, но драма „самая простая“. Указывая въ статьѣ, которую онъ такъ и назвалъ: „По поводу одной драмы“, на это обстоятельство, Герценъ писалъ: „если вы не видали подобной у себя дома, то навѣрное могли видѣть у кого-нибудь изъ сосѣдей. Дѣвица 28 лѣтъ, по имени Генріетта, болѣзненная и печальная, влюблена до безумія въ юношу 20 лѣтъ, а тотъ, беззаботный и веселый, живетъ себѣ, не думая о ней, да сверхъ того, кажется, ни о чемъ другомъ. Докторъ, другъ отца Генріетты, понявъ дѣло, захотѣлъ съ патологическимъ благоразуміемъ помочь и, само собою разумѣется, страшно навредилъ. Онъ торжественно и таинственно разсказалъ юношѣ о любви къ нему Генріетты, требуя отъ него, чтобы онъ уѣхалъ, скрылся. Вѣсть о любви сильно отразилась въ сердцѣ юноши: сознаніе быть любимымъ, и притомъ въ 20 лѣтъ, обняло огнемъ всю грудь его— и съ этой минуты онъ самъ ее любитъ“. Юноша женится на дѣвушкѣ. Первое время они счастливы, но проходитъ пять лѣтъ—и у мужа любовь къ женѣ пропадаетъ. „Теперь онъ влюбленъ въ свою родственницу, жившую въ ихъ домѣ—Полину. Молодой человѣкъ благороденъ и честенъ: онъ пони-

маетъ святость своихъ обязанностей и болѣе—онъ исполненъ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ любящей, кроткой и доброй Генріеттѣ. Но онъ ее не любитъ; не любитъ, потому что не любитъ: ложка чувствъ и страстей коротка. Сгнетенная страсть растетъ... Жена догадалась, и они быстро влекутъ другъ друга къ гибели во имя любви. Генріетта въ отчаяніи: она ничего не имѣетъ внѣ мужа, ея жизнь—только любовь къ нему; а онъ еще больше въ отчаяніи: онъ безчестенъ въ своихъ глазахъ, онъ клятвопреступникъ, онъ подлый обманщикъ... Желая принести себя въ жертву возможности семейнаго счастія для мужа, Генріетта симулируетъ самоубійство. Молодой человѣкъ женится на Полинѣ. Узнавши это, Генріетта не выноситъ и умираетъ, „прощая ему и совѣтуя ему беречь Полину“. И двоеженецъ, поверженный въ прахъ, остается съ страшными угрызеніями совѣсти, которыя, вѣроятно, проводятъ его черезъ всю жизнь. Вотъ и пьеса!“

„Когда опустился занавѣсъ,—говоритъ Герценъ далѣе,—мнѣ было невыразимо тяжело. Точно я присутствовалъ при инквизиторской пыткѣ невинныхъ. Всѣ люди въ этой драмѣ—люди добрые, обыкновенные, даже честные и исполняющіе долгъ свой, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ казненъ смертью, двое другихъ—участіемъ въ этой казни“.

Да, драма очень „простая“, очень „обыкновенная“ и въ то же время такая, отъ безпрестаннаго повторенія которой въ жизни однимъ измѣненіемъ юридической стороны отношеній между супругами не отдѣлаться. Развѣ не на ту же тему написалъ Метерлинкъ свою „Аглавену и Селизету“, и развѣ было по этому поводу сказано въ XIX и XX вѣ-

кахъ что-нибудь болѣе глубокое, чѣмъ сказалъ „По поводу одной драмы“ Герценъ?

А сказалъ онъ вотъ что:

„Не отвергнуться отъ влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство—всеобщему, но раскрыть всю душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько же для рода, сколько и для себя, словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъ—скорбящее, обобщить его разумомъ и въ свою очередь оживить имъ разумъ... Человѣкъ безъ сердца—какая-то безстрастная машина мышленія, не имѣющая ни семьи, ни друга, ни родины; сердце составляетъ прекрасную и неотъемлемую основу духовнаго развитія; изъ него пробѣгаетъ по жиламъ струя огня всесогрѣвающаго и живительнаго; имъ живое сотрясается въ наслажденіе, радо себѣ. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преображается, теряя свою дикую, судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе; по мѣрѣ расширенія интересовъ, уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею и ядовитая жгучесть страсти... Любовь—пышный, изящный цвѣтокъ, вѣнчающій и оканчивающій индивидуальную жизнь; но онъ, какъ всѣ цвѣты, долженъ быть раскрытъ одною стороною, лучшею стороною своею, къ небу всеобщаго“...

Если читатель не удовлетворенъ отвѣтомъ Герцена на одинъ изъ самыхъ „проклятыхъ вопросовъ“ человѣческой жизни, то пусть онъ переберетъ въ памяти своей отвѣты на тотъ же вопросъ всѣхъ свѣтилъ міра, и тогда онъ увидитъ, что дальше пункта, на которомъ остановился Герценъ, для ин-

дивидуальной жизни современнаго человѣка, никто и никогда не заходилъ. Пусть читатель попробуетъ дать и свое рѣшеніе вопроса, но пусть помнитъ онъ при этомъ, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы, не дѣлая человѣческую личность пассивнымъ орудіемъ внѣшняго долга и тѣмъ не обрекая ее, въ случаѣ коллизіи, о которой говоритъ Герценъ, фатальнымъ образомъ на страданіе, въ то же время найти для нея такой выходъ изъ положенія, чтобы, дѣйствуя во имя своей свободы чувства, она не причиняла этимъ столь же фатально страданій другой человѣческой личности...

Въ этомъ и вся сложность проблемы.

Такъ же пристально всматривался Герценъ и въ другой вопросъ человѣческой жизни,—въ вопросъ о роли въ ней отвлеченнаго знанія, теоретическихъ идей, абстрактной философіи.

Эту тему онъ разрабатывалъ въ статьяхъ: „Дилетантизмъ въ наукѣ“, причемъ подъ „наукой“ онъ разумѣетъ вообще теоретическую работу человѣческой мысли.

Въ самомъ дѣлѣ, кто не встрѣчалъ въ жизни своей верхоглядовъ, всезнаекъ, рѣшающихъ всѣ вопросы съ необыкновенною легкостью? Въ ихъ глазахъ не существуетъ для мысли человѣческой ничего непроглядно-темнаго, безконечно-сложнаго, страшно-запутаннаго.

Чѣмъ же объясняется такая ихъ „легкость“ въ обращеніи съ величайшими проблемами духа и жизни? Да просто, ихъ невѣжествомъ. Если такіе люди выступаютъ публично, они становятся отвратительны. Но есть еще „дилетанты“, люди поверхностныхъ знаній,—они тоже представляютъ собою явленіе нежелательное, но, съ другой стороны,

нельзя же во всѣхъ сферахъ знанія имѣть обширныя свѣдѣнія. Когда же именно человѣкъ перестаетъ быть „дилетантомъ“ и получаетъ внутреннее, въ немъ самомъ заключающееся, право на общественную проповѣдь? Или, можетъ-быть, проповѣдники и вовсе не нужны? Пусть, молъ, каждый доработается до истины особнякомъ, изъ книгъ да изъ общенія съ тѣмъ тѣснымъ кругомъ людей, въ которомъ онъ вращается. Вѣдь, тогда самостоятельная работа мысли у каждаго будетъ особенно интенсивна, и онъ пріобрѣтетъ количество знаній, которое гарантируетъ его вполнѣ отъ „дилетантизма“. Да, отвѣчаетъ Герценъ, обширная и интенсивная работа въ сферѣ теоретической мысли гарантируетъ человѣка отъ дилетантизма, но, удаляясь для этого отъ жизни, онъ рискуетъ впасть въ другую крайность,—превратиться въ „буддиста“ науки, знанія, философіи... Въ результатѣ можетъ получиться сочетаніе „огромныхъ свѣдѣній съ всесовершеннѣйшею тупостью“...

И Герценъ требуетъ отъ человѣка одновременно и широты и глубины. Къ спеціалисту въ той или другой области онъ предъявляетъ требованіе откликаться и на всѣ запросы живой жизни, быть не только спеціалистомъ, но и,—Герценъ не употребляетъ по цензурнымъ условіямъ своего времени такого выраженія, но несомнѣнно, что именно это имѣетъ онъ въ виду,—*гражданиномъ*. Что касается „дилетантовъ“, то Герценъ предъявляетъ къ нимъ требованіе быть гражданами и въ то же время изучить *основательно* хоть одинъ какой-нибудь вопросъ. Такое изученіе, важное и само по себѣ, заставитъ „дилетанта“, вспоминая трудности, которыя ему придется неизбѣжно при этомъ преодолѣть,

не быть легкомысленнымъ и въ сужденіяхъ о предметахъ, ему мало знакомыхъ.

Третій вопросъ, особенно занимавшій Герцена,— вопросъ объ отношеніяхъ личности и коллективности. Въ древнемъ мірѣ личность была всецѣло принесена въ жертву коллективности; „средніе вѣка обернули вопросъ,—существеннымъ сдѣлалась личность, несущественнымъ res publica“. Но ни то, ни другое въ наше время непріемлемо. „Одно разумное, сознательное сочетаніе личности и государства приведетъ къ истинному понятію о лицѣ вообще. Сочетаніе это—трудн҃ѣйшая задача, поставленная современнымъ мышленіемъ“...

Въ это же время и въ связи именно съ вопросомъ о личности и обществѣ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ Герценъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ соціалистической мысли въ Европѣ. Онъ читаетъ Фурье, Луи Блана, Консидерана. Чрезвычайно любопытна такая по этому поводу его запись въ дневникѣ: „хорошо, чрезвычайно хорошо, но не полное рѣшеніе задачи. Въ широкомъ, свѣтломъ фаланстерѣ ихъ тѣсновато; это устройство одной стороны жизни, другимъ неловко“. Эта запись относится къ 1844 году, но въ ней слышится уже Герценъ періода его жизни въ Европѣ.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе на Герцена производитъ въ это же время извѣстный мемуаръ Прудона: „Qu'est ce que la propriété? Premier mémoire. Recherches sur le principe du droit et du gouvernement“.

„Прекрасное произведеніе,—пишетъ онъ о ней въ дневникѣ,—не токмо не ниже, но выше того, что

говорили и писали о немъ... Развитіе превосходно мѣтко, сильно, остро и проникнуто огнемъ". Въ Прудонѣ Герценъ увидѣлъ нѣчто такое, благодаря чему становится не такъ „неловко", какъ у остальныхъ европейскихъ соціалистовъ, и „другимъ сторонамъ жизни". Что это значитъ? Да все то же самое: „и въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежномъ, снова, и снова, и снова звучало одно неизмѣнное слово: свобода! свобода!"... А въ „фаланстерахъ" ей было „тѣсновато"...

Но какъ бы то ни было, а это все тамъ, въ Европѣ; нужно рѣшить и вопросъ другой: у насъ— есть ли у насъ, у нашего народа, какіе-либо задатки для высшихъ формъ жизни?..

Герценъ внимательно изучаетъ исторію Россіи, бытъ народа русскаго, складъ его психической жизни; онъ подходитъ къ вопросу: какая сила сохранила многія прекрасныя качества нашего народа, несмотря на татарское иго, нѣмецкую муштру и отечественный кнутъ?—Это сила православія,—говорили Герцену славянофилы. Лишь изъ нея исходитъ, какъ производное, духъ соборности нашего народа, а внѣшнимъ выраженіемъ этого духа является общинный бытъ русскаго крестьянства. Образованные слои общества оторвались отъ народа въ „петербургскій періодъ" русской исторіи, и въ этомъ все наше несчастье. Весь вопросъ сводится теперь къ возвращенію „къ народу", къ сліянію съ нимъ. Русскій народъ или даже славянскій міръ въ бытѣ своемъ рѣшилъ ту самую задачу, которую „западъ" поставилъ лишь въ мысли. Отсюда ясно, что путь нашего развитія иной, чѣмъ въ Европѣ, путь лучшій, чѣмъ ея, пѣсня которой уже спѣта...

Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь именно, въ

кружкахъ славянофильскихъ и западническихъ сороковыхъ годовъ, въ бесѣдахъ и спорахъ Хомякова, Кирѣевскихъ, Самарина, Аксакова, Чаадаева, Герцена и другихъ, родились тѣ мысли, многія изъ которыхъ потомъ, частью черезъ того же Герцена, частью черезъ Чернышевскаго и Добролюбова, легли въ основу русскаго народничества.

Въ помѣщенной въ журналѣ „Москвитянинъ“ въ 1847 году статьѣ „О мнѣніяхъ «Современника» историческихъ и литературныхъ“ Самаринъ прямо писалъ, что „германское племя или, точнѣе, романо-германскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала (если бы не цензурныя условія, авторъ прямо сказалъ бы „соціализма“. В. Б.), которое составляетъ природу племени славянскаго, что послѣднее даетъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся отвѣтъ на послѣдній вопросъ западнаго міра“ (Сочиненія Ю. Ф. Самарина, т. I, стр. 40). Существуетъ басня о томъ, что общину въ Россіи „открылъ“ прусскій баронъ Гакстгаузенъ и что, какъ это утверждалъ Марксъ, самъ Герценъ „сдѣлалъ свое открытіе „русскаго“ коммунизма не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстгаузена“ (Капиталъ, т. I, стр. 643), т. е. въ его „Studien über die innere Zustände des Volkslebens und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands“. Это, конечно, не болѣе, какъ басни.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что „Гакстгаузенъ, открывшій (?) русскую общину, обязанъ своимъ открытіемъ Хомякову“ („Славянофильское ученіе и его судьбы“, „Отечественныя Записки“ 1862 г., мартъ, стр. 35).

Но если Гакстгаузенъ „обязанъ“ былъ своимъ „открытіемъ“ Хомякову, то какое же это было „открытіе“? Очевидно, Америка была извѣстна русской интеллигенціи и до нѣмецкаго Колумба.

То же самое свидѣтельствуетъ и Герценъ.

„Константинъ Аксаковъ, — пишетъ онъ, — въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ и, послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ“.

Дѣло, конечно, не въ томъ, кто именно — Хомяковъ или Аксаковъ — „научили“ Гакстгаузена „понимать“ сельскую общину, — между собою оба эти славянофила такъ близки, что ни о какомъ пріоритетѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ, — но несомнѣнно, что свое „открытіе“ нѣмецкій баронъ взялъ у членовъ московскихъ кружковъ, познакомившись, между прочимъ, во время своего путешествія по Россіи и съ Герценомъ, о чемъ послѣдній сдѣлалъ тогда же отмѣтку въ своемъ дневникѣ. Но и научившіе Гакстгаузена „понимать сельскую общину“ славянофилы въ „открытіи“ ея были тоже неповинны. Община была уже извѣстна не только нѣкоторымъ декабристамъ, въ особенности Пестелю, но и гораздо раньше ихъ. (Книга Болтина, вышедшая въ 1788 году). Но первыми, усмотрѣвшими въ общинѣ „отвѣтъ“ въ самомъ бытѣ русскаго народа на „послѣдній вопросъ Запада“, были, безъ сомнѣнія, славянофилы. Это обстоятельство весьма важно для уясненія генезиса нѣкоторыхъ идей, имѣвшихъ большое значеніе въ образованіи того ихъ русла, которое первоначально было проложено въ русскомъ освободительномъ движеніи работою мысли Герцена.

Теперь возвратимся снова къ отношеніямъ, существовавшимъ между Герценомъ и славянофилами.

Съ религіозно-философской стороной славянофильства Герценъ не только ни въ малой мѣрѣ не сходился, но она даже закрывала въ извѣстной степени передъ нимъ другія стороны этого ученія. Не то, чтобы онъ ихъ совсѣмъ не замѣчалъ,—напротивъ, многое изъ славянофильства запечатлѣлось тогда же въ его душѣ,—но онъ не такъ еще сосредоточенно въ нихъ углубился, какъ это сдѣлалъ онъ позже.

Хомяковъ отстаивалъ положеніе, что разумъ обладаетъ только чисто формальною способностью развивать зародыши или зерна истины, заложенныя въ человѣка, какъ нѣчто абсолютное, инымъ путемъ; самъ же по себѣ, и исходя изъ самого себя, разумъ до высшихъ, лишь ощущаемыхъ, но отрицаніе которыхъ приводитъ ко многимъ абсурдамъ, истинъ доработаться не въ состояніи. Отсюда Хомяковъ выводилъ личнаго Бога, а дальше шло уже на основахъ чисто-логическихъ и историческихъ сравненіе католицизма и православія, защита послѣдняго и доказательства, что именно ему обязанъ русскій народъ и своимъ спасеніемъ, несмотря на гнетъ татарско-нѣмецкой исторіи Россіи, и соборнымъ духомъ, и формами быта, главнѣйшей изъ которыхъ является общинное землевладѣніе. Язвы же жизни Запада, которому Россія поэтому духовно и морально противостоитъ, имѣютъ своимъ послѣднимъ корнемъ уклоненіе Европы отъ основъ истиннаго христіанства,—что логически повлекло за собой безвѣріе, а результатомъ послѣдняго, опять-таки логически, явилось полное моральное и соціальное раз-

ложеніе германо-романскаго міра. На той же точкѣ зрѣнія стояли и Кирѣевскіе, и Аксаковъ.

Герценъ отстаивалъ полноправіе человѣческаго разума, какъ послѣдней аппелляціонной инстанціи, дальше которой уже ничего нѣтъ, дѣлая отсюда и выводы, во многомъ противоположные выводамъ славянофиловъ. Доказывая, что однимъ разумомъ природу можно разсматривать лишь „какъ простое безпрерывное броженіе, не имѣющее цѣли и которое можетъ и продолжаться и остановиться", Хомяковъ сказалъ Герцену:

— А если это такъ, то вы не докажете и того, что исторія не оборвется завтра, не погибнетъ съ родомъ человѣческимъ, съ планетой.

— Я вамъ и не говорилъ,—отвѣтилъ Герценъ,— что я берусь это доказывать; я очень хорошо знаю, что это невозможно.

— Какъ!—сказалъ Хомяковъ, нѣсколько удивленный,—вы можете принимать эти страшные результаты свирѣпѣйшей имманенціи и въ вашей душѣ ничего не возмущается?

— Могу, потому что выводы разума независимы отъ того, хочу я ихъ или нѣтъ.

— Ну, вы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны; однако, какъ человѣку надобно свихнуть себѣ душу, чтобы примириться съ этими печальными выводами нашей науки и привыкнуть къ нимъ.

На такой точкѣ зрѣнія, т. е. точкѣ зрѣнія признанія совершеннолѣтія человѣческаго разума, Герценъ и стоялъ всю остальную жизнь, не дѣлая въ этомъ отношеніи никакихъ уступокъ „славянамъ". Нѣкоторыя стороны ученія славянофиловъ, имѣвшія у послѣднихъ значеніе выводовъ изъ ихъ ученія, залегли, тѣмъ не менѣе, въ душѣ Герцена

и впослѣдствіи заняли большое мѣсто въ системѣ его собственныхъ воззрѣній.

Въ своемъ „Замѣчательномъ десятилѣтіи“ Анненковъ говоритъ: „какъ Герценъ ни старался сдерживать и холодить его (Хомякова) критическое воодушевленіе, онъ самъ еще не избавился отъ дѣйствія этой критики. Слова Хомякова, по нашему мнѣнію, оставили слѣды въ умѣ и сердцѣ Герцена противъ его воли, можетъ быть, и отразились въ позднѣйшей его проповѣди о несостоятельности и банкротствѣ западной жизни вообще“ („Вѣстникъ Европы“, 1880 г., мартъ, стр. 23).

Самъ Герценъ писалъ впослѣдствіи о Петрѣ Кирѣевскомъ такія строки: „Въ его взглядахъ (и это я оцѣнилъ гораздо послѣ) была доля тѣхъ горькихъ, подавляющихъ истинъ объ общественномъ состояніи Запада, до которыхъ мы дошли послѣ бурь 1848 года“.

Еще яснѣе онъ опредѣлилъ родство своихъ взглядовъ со взглядами славянофиловъ въ такихъ словахъ:

„На славянофилахъ лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни народа русскаго, ни его исторіи; ихъ иконописные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни. Православіе славянофиловъ, ихъ историческій патріотизмъ и преувеличенное, раздражительное чувство народности были вызваны крайностями въ другую сторону. Важность ихъ воззрѣнія, его истина и существенная часть вовсе не въ православіи и не въ исключительной народности, а въ тѣхъ стихіяхъ (курсивъ Герцена) русской жизни, которыя они открыли подъ удобреніемъ искусственной цивилизаціи... Кладъ ихъ, можетъ быть, и былъ

спрятанъ въ церковной утвари старинной работы, но цѣнность-то его была не въ сосудѣ и не въ формѣ". Вотъ эти-то „открытыя" славянофилами „подъ удобреніемъ искусственной цивилизаціи", т. е. ими русской читающей публикѣ разъясненныя, начала русской жизни или ея „стихіи" и легли впослѣдствіи въ основаніе ученія Герцена объ „особомъ пути развитія Россіи", отличномъ отъ развитія Запада;—того самаго ученія, которое владѣло затѣмъ умами русской интеллигенціи въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій.

Чтобы дорисовать портретъ Герцена того времени, намъ остается сказать еще немного.

Работая надъ пріобрѣтеніемъ новыхъ и новыхъ познаній въ области общественныхъ наукъ и философіи, Герценъ не только не забывалъ и наукъ естественныхъ, но прилагалъ для накопленія свѣдѣній въ этой области особенныя усилія.

Помимо чтенія книгъ, онъ посѣщаетъ въ университетѣ лекціи по сравнительной анатоміи, пишетъ „Письма объ изученіи природы", проводитъ мысль о необходимости сдѣлать естествознаніе основою при воспитаніи дѣтей.

Изучая Герцена сороковыхъ годовъ, просто поражаешься многообразіемъ его психической жизни.

И все-таки... и все-таки онъ чувствовалъ, что настоящаго дѣла для его силъ въ Россіи того времени не было, и эта мысль приводила его иногда почти въ отчаяніе.

„Спорили, спорили,—записываетъ онъ въ дневникѣ,—и, какъ всегда, кончили ничѣмъ, холодными рѣчами и остротами. Наше состояніе безвыходно, потому что ложно, потому что историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потреб-

ностей, и наше дѣло отчаянное страданіе. Страданіе безсимпатичное, неоцѣняемое и, конечно, полезное для будущаго, но намъ не дающее никакого личнаго вознагражденія; жизнь отвлеченной идеей самопожертвованія неестественна; даже религіозные фанатики имѣли награду личную въ упованіи. Скептицизмъ есть тоже отчаянное положеніе".

Сознавать себя „внѣ народныхъ потребностей",— какое страшное сознаніе! И чѣмъ такое положеніе отличается отъ положенія тѣхъ представителей проснувшейся русской мысли въ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX вѣка, которымъ Герценъ же далъ названіе „умныхъ ненужностей"?

И у Герцена вырывается иногда прямо крикъ боли:

„За что мы проснулись,— спать бы себѣ, спать, какъ все около!"

Но это было, разумѣется, лишь въ минуты особо мрачнаго настроенія, и дѣйственная натура Герцена брала свое. Онъ снова принимался за книги, за литературныя работы, за бесѣды и споры съ пріятелями и непріятелями.

Даже и въ общеніи съ пріятелями не все обстояло совсѣмъ гладко.

Бѣлинскій былъ очень близкимъ человѣкомъ, но съ нимъ прямо не было сладу. Герценъ и Грановскій постоянно встрѣчались съ славянофилами и вступали съ ними въ продолжительныя препирательства. Грановскій даже помѣстилъ статью въ органѣ славянофиловъ „Москвитянинѣ".

Бѣлинскому такое поведеніе казалось совершенно непозволительнымъ и онъ забрасывалъ своихъ друзей грозными посланіями изъ Петербурга.

„Я жидъ по натурѣ,— писалъ онъ Герцену,— и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу.

Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ „Москвитянинѣ“? Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія“.

Это было Герцену совершенно чуждо, онъ старался урезонить „неистоваго Виссаріона“, но тотъ продолжалъ отчаянно брыкаться... Герценъ владѣлъ тѣмъ, что греки называли „лучшимъ даромъ боговъ“,—чувствомъ мѣры. Бѣлинскому боги въ этомъ дарѣ отказали. Анненковъ разсказываетъ, какъ однажды Герценъ заговорилъ съ нимъ „о презрѣніи, которое выражено было Бѣлинскимъ къ мужицкому быту вообще, названному имъ „лапотною и сермяжною дѣйствительностью“. Конечно, Бѣлинскій и въ помыслахъ не имѣлъ оскорблять народъ, но отсутствіе именно чувства мѣры нерѣдко заводило его совсѣмъ не туда, куда онъ хотѣлъ. „Отзывъ неосторожень, — говорилъ Герценъ Анненкову,— и самъ по себѣ, и тѣмъ, что даетъ потачку журналу считать себя большимъ бариномъ передъ народомъ. Такіе эпитеты стали распложаться въ журналѣ. Мнѣ иногда бываетъ трудно защищать его. Я, напримѣръ, ничего не нашелъ отвѣтить Хомякову, когда онъ, подобравъ эти фальшивыя ноты, замѣтилъ: «хоть бы вы растолковали редактору»...“

А Грановскій? Герценъ говорилъ, что съ нимъ онъ „былъ ближе тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ души“.

Но вѣдь это и есть, конечно, самое важное,— и что же? Все, казалось, шло хорошо, какъ вдругъ, между Грановскимъ съ одной стороны и Герценомъ и Огаревымъ съ другой, произошла размолвка по вопросу... о безсмертіи души...

Самъ Герценъ очень образно и остроумно изоб-

ражалъ московскихъ философовъ словами: „люди, любившіе другъ друга, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности и объ ея по себѣ бытіи“, но чѣмъ же отличался отъ такой „обиды“ характеръ размолвки его самого съ Грановскимъ?.. Безспорно, столкнулись теоретическіе взгляды очень большой важности, но какое могло бы имѣть значеніе такое расхожденіе въ области все же „Privatsachen“, при единствѣ взглядовъ обѣихъ споривших сторонъ по многимъ другимъ вопросамъ, для практической дѣятельности, если бы... если бы дѣятельность эта была возможна... Развѣ помѣшала впослѣдствіи близости Герцена съ Маццини глубокая вѣра знаменитаго итальянца въ безсмертіе души? Но въ томъ-то и дѣло, что весь цвѣтъ нашей московской интеллигенціи того времени, не по своей, конечно, винѣ, но принужденъ былъ, употребляя вульгарное выраженіе, „вариться въ собственномъ соку“. Отсюда и всѣ „обиды“, которыя интеллигенты эти другъ другу наносили въ такомъ изобиліи.

Впрочемъ, относительно Грановскаго слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе: онъ глядѣлъ иными глазами, чѣмъ другіе „западники“, не на одинъ только вопросъ о безсмертіи души.

Даже Герценъ, — этотъ славнѣйшій изъ „стаи славныхъ“, — ставилъ въ заслугу Прудону, напримѣръ, то, что „въ политическихъ вопросахъ онъ равнодушенъ, готовъ дѣлать уступки, потому что не приписываетъ особой важности формамъ“, тогда какъ Грановскій говорилъ Анненкову слѣдующее: „соціализмъ (конечно, рѣчь идетъ о соціализмѣ такъ называемомъ утопическомъ. В. Б.) чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на по-

литической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ себя и ее подрываетъ".

Черточка въ высшей степени интересная, но объ этомъ мы упоминаемъ, конечно, лишь мимоходомъ.

Какъ бы то ни было, но послѣ столкновенія съ Грановскимъ по вопросу о „безсмертіи души" Герценъ занесъ въ свой дневникъ:

„Итакъ, видно, опять мы (т. е. онъ и Огаревъ) одни!"

Но если такъ,—благодаря, повторяемъ, отсутствію возможности прилагать свои силы на аренѣ широкой общественной дѣятельности,—обстояло дѣло по отношенію къ ближайшимъ друзьямъ, то съ „славянами" Герценъ и Огаревъ скоро уже и совсѣмъ разошлись.

Поводовъ для недоразумѣній между обоими лагерями накоплялось, разумѣется, не мало, но сносныя отношенія между ними все-таки продолжались. Какъ вдругъ извѣстный поэтъ и beau-frère Хомякова Языковъ разражается отвратительнѣйшими стихотвореніями „Посланіе къ Чаадаеву" и „Къ не нашимъ", изъ которыхъ послѣднее кончалось такими строками:

Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ.
Крѣпка, надежна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!

Зачѣмъ Языковъ сдѣлалъ эту гнусность и самому по себѣ, и гнусность сугубую, если вспомнить, въ какое кошмарное время было брошено „не нашимъ" такое обвиненіе? Можетъ быть, онъ былъ столь „пламеннымъ патріотомъ", такъ болѣзненно воспринималъ „хулы на Россію" Чаадаева, Герцена,

Бѣлинскаго и другихъ „не нашихъ“, что, въ самомъ дѣлѣ, онъ не могъ сдержать своего негодованія и оно вылилось у него, хотя и въ крайне неприличной, но все-таки объясняемой его бурнымъ раздраженіемъ формѣ? Ничуть не бывало!

Хорошо знавшій весь этотъ кругъ Д. Н. Свербеевъ пишетъ о происхожденіи стихотвореній слѣдующее:

„Братъ поэта Языкова, ученый геологъ и совершенно равнодушный ко всякому религіозному, политическому и нравственному вопросу, изъ одной любви посмѣяться надъ ближними,—а тутъ подъ рукой случилась ихъ цѣлая толпа, — додразнилъ поэта до того, что этотъ, болѣзненный, ни съ того, ни съ сего разразился ругательными стихами на Чаадаева и всѣхъ его единомышленниковъ. Литературный кружокъ разсыпался, и вслѣдствіе этого обѣ половины начали доходить, каждая въ свою сторону, до крайней степени преувеличенія и раздраженія своихъ принциповъ“ (Воспоминанія объ А. И. Герценѣ. „Русскій Архивъ“, 1870 г., кн. 3, стр. 678—679).

Такимъ образомъ, весь инцидентъ произошелъ „ни съ того, ни съ сего“, а благодаря все той же связанности рукъ въ обоихъ лагеряхъ для широкой общественной дѣятельности и разросся въ событіе огромной важности.

Живой Герценъ принималъ все это къ сердцу чрезвычайно близко и разсыпалъ въ дневникѣ слова въ родѣ такихъ:

„Слава Петру, отрекшемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней зимующіе корни узкой народности, которая будетъ противодѣйствовать европеизму и стараться снова отторгнуть Русь отъ человѣчества...“

Надо осуществить старую мечту и уѣзжать за границу. Огаревъ уже былъ тамъ и писалъ ему:

„Герценъ! А, вѣдь, жить дома нельзя. Подумай объ этомъ. Я убѣжденъ, что нельзя. Человѣкъ, чуждый своему семейству, обязанъ разорвать со своимъ семействомъ... прятать истину есть подлость... Мнѣ надоѣло все носить внутри, мнѣ нуженъ поступокъ. Мнѣ—слабому, нерѣшительному, непрактичному, dem Grübelenden,—нуженъ поступокъ. Что же послѣ того вамъ, болѣе меня сильнымъ?..“

Надо ѣхать, тѣмъ болѣе, что въ это время умеръ старикъ Яковлевъ, и Герценъ сдѣлался матеріально весьма независимымъ человѣкомъ. Надо ѣхать, но это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. На просьбы Герцена о выдачѣ заграничнаго паспорта для леченія тамъ жены императоръ Николай положилъ резолюцію: „не надо“.

Снова хлопоты и хлопоты, которыя увѣнчались въ концѣ-концовъ успѣхомъ, и Герценъ съ семьей и двумя пріятельницами Натальи Александровны, М. Ф. Коршъ и М. К. Эрнъ, въ Таурогенѣ переѣхалъ границу.

„Небольшой старый солдатъ въ неуклюжемъ киверѣ, покрытомъ клеенкой, и съ ружьемъ неимовѣрной величины и тяжести, поднялъ шлагбаумъ; грязный, худой и блѣдный жиденокъ—ямщикъ, у котораго шея была обернута раза четыре какими-то тряпками, взобрался на козлы... Жиденокъ тронулъ лошадей, возокъ двинулся, я смотрѣлъ назадъ, шлагбаумъ опустился, вѣтеръ мелъ снѣгъ изъ Россіи на дорогу... Вотъ столбъ и на немъ обсыпанный снѣгомъ одноглавый и худой орелъ съ растопыренными крыльями. Прощайте!..“

Что же оставлялъ Герценъ за собою и что увозилъ онъ въ Европу? Что оставилъ въ интеллигентныхъ кругахъ Москвы, мы уже знаемъ. А еще что?

Проѣзжалъ онъ черезъ Псковскую губернію и

вотъ что писалъ онъ по этому поводу во второмъ письмѣ изъ „Avenue Marigny“:

„Псковскій крестьянинъ дичѣе подмосковныхъ; онъ, кажется, не попалъ ни правой, ни лѣвой ногой на тотъ путь, который ведетъ отъ патріархальности къ гражданскому развитію,—путь, который называютъ прогрессомъ, воспитаніемъ, разсказъ о которомъ называютъ исторіей. Онъ живетъ возлѣ полуразвалившихся бойницъ и ничего не знаетъ о нихъ... Сомнительно, слыхалъ ли онъ объ осадѣ Пскова... События послѣднихъ полутора вѣковъ прошли надъ его головой, не возбудивши даже любопытства. Поколѣнія черезъ два-три мужичекъ перестраиваетъ свои бревенчатыя избы, старѣетъ въ нихъ, передаетъ свой плугъ въ руки сына, полежитъ годъ, два, три на теплой печи, потомъ незамѣтно переходитъ въ мерзлую землю, иногда вспомнятъ его дѣти и внучата гречневыми блинами въ родительскую субботу, при новой ревизіи его имя исключается изъ числа живыхъ, и внуки посѣдѣютъ и, не будь рекрутской повинности, они такъ же, какъ предки, ничего бы не знали о томъ, что дѣлается въ Питерѣ, въ Россіи“.

Но, вѣдь, это же картина, способная наполнить душу, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ болѣе или менѣе близкому будущему Россіи, самымъ мрачнымъ пессимизмомъ. Въ чемъ же спасенье отъ него? Въ чемъ?

„У нихъ и у насъ,—писалъ впослѣдствіи Герценъ о своемъ и славянофильскомъ кружкахъ,—запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство“ къ русскому народу. Въ немъ и спасенье... Иначе въ чемъ же?

Вѣрилъ ли Герценъ вполнѣ и въ тотъ „западъ“, куда онъ теперь ѣхалъ? Далеко не вполнѣ. Ра-

дость освобожденія изъ всероссійскаго острога не запутала въ немъ работы критической мысли и по отношенію къ Европѣ. Къ тому же онъ и тамъ хотѣлъ быть русскимъ, именно русскимъ, и очень больно чувствовалъ, какъ онъ предвидѣлъ, ожидавшіе его съ этой стороны уколы. Онъ былъ русскій патріотъ, въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Прочитавши еще въ Москвѣ извѣстную книгу Кюстина, онъ писалъ:

„Тягостно вліяніе этой книги на русскаго, голова склоняется на грудь, руки опускаются; и тягостно отъ того, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного мѣста, и миришься съ нимъ за многое и болѣе всего за любовь къ народу... Книга эта дѣйствуетъ на меня, какъ пытка, какъ камень, привалённый къ груди... Основа воззрѣнія вѣрна; и это страшное общество, и эта страна—Россія. Его взглядъ оскорбительно много видитъ".

Это чисто пушкинская черта. Читатель припомнитъ, какъ великій поэтъ выражалъ совершенно тѣ же мысли въ письмѣ къ князю Вяземскому:

„Конечно, я презираю свое отечество съ головы до ногъ, но мнѣ всегда досадно, когда иностранецъ раздѣляетъ мои чувства"...

Что же въ концѣ-концовъ чувствовалъ Герценъ къ Россіи, покидая ее? Психику его можно, кажется, вполнѣ опредѣлить словами Некрасова, написанными, конечно, по совсѣмъ другому поводу и къ Герцену абсолютно никакого отношенія не имѣвшими:

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю.
Такъ глубоко ненавижу,
Такъ безконечно люблю...

IV.

Первое десятилѣтіе пребыванія въ Европѣ

(1847—1857 гг.).

Радость освобожденія, новизна ощущенія возможности дышать вольной грудью и та повышенная атмосфера, которою отличался во всей Европѣ, и особенно во Франціи, канунъ бурь 1848 года,— все это на нѣкоторое, хотя и очень короткое, время вполнѣ овладѣло душою Герцена, и онъ переживалъ съ упоеніемъ еще неизвѣданныя впечатлѣнія.

„Кенигсбергъ былъ первый городъ, гдѣ я отдохнулъ отъ двѣнадцатилѣтнихъ преслѣдованій; тамъ я почувствовалъ, наконецъ, что я на волѣ... Берлинъ, Кельнъ, Бельгія—все это быстро рѣяло передъ глазами... Мы торопились доѣхать и доѣхали наконецъ... Итакъ, я дѣйствительно въ Парижѣ, не во снѣ, а на яву. Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства. Дайте же взглянуть на Hôtel de Ville, на Café Foy въ Пале-Роялѣ, гдѣ Камиллъ Демуленъ сорвалъ зеленый листъ и прикрѣпилъ его къ шляпѣ вмѣсто кокарды съ крикомъ: „A la Bastille!“ Дома я оставаться не могъ; я одѣлся, вышелъ бродить зря... искать Бакунина, Сазонова. Вотъ rue St. Honoré, Елисейскія поля, всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ.. Да вотъ и самъ Бакунинъ. Его я встрѣтилъ на углу какой-то улицы... Я былъ внѣ себя отъ радости“...

Эта радость была такъ понятна, такъ естественна, даже и не для такого человѣка, какъ Герценъ, и даже не въ такое время, въ какое онъ прибылъ въ Европу. И, тѣмъ не менѣе, какъ говоритъ самъ

Герценъ, „начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину“. Что значатъ эти слова? Значатъ ли они, что существовала и такая эпоха, въ теченіе которой Герценъ „духовно“ не былъ на родинѣ? Мы думаемъ, что такой эпохи совсѣмъ не существовало. Герценъ чрезвычайно интересовался европейскою жизнью и европейскимъ освободительнымъ движеніемъ, принимая въ нихъ непосредственно самое живѣйшее участіе, но было бы трудно указать, за исключеніемъ, можетъ быть, лишь немногихъ моментовъ пребыванія его, въ 1847 году, въ Италіи, такое время, когда, по отношенію къ этой жизни и къ этому движенію, Герцена не грызъ бы червь скептицизма. Онъ самъ писалъ впослѣдствіи Бакунину такія строки: „помнишь наши долгіе разговоры передъ февральской революціей, въ которыхъ я, какъ прозекторъ, указывалъ ростъ смерти западнаго „старика“, а ты съ надеждой и упованіемъ—ростъ едва обличавшейся жизни славянскаго недоросля. Я и въ него не очень вѣрилъ, а вѣрилъ въ одну Россію и ея соціальные задатки“ (послѣдній курсивъ самого Герцена).

Уже въ „Письмахъ изъ Avenue Marigny“ встрѣчаются строки, подъ которыми Герценъ свободно подписался бы и послѣ своего окончательнаго „разочарованія въ Западѣ“. „Франція ни въ какое время не падала такъ глубоко въ нравственномъ отношеніи, какъ теперь“,—писалъ онъ въ письмѣ, помѣченномъ 15-мъ сентября 1847 года.

Весь строй французской жизни, весь ея бытъ, который Герценъ первый назвалъ „мѣщанскимъ“, вызывалъ въ его душѣ глубочайшую антипатію. „Развратъ,—писалъ Герценъ,—проникъ всюду: въ

семью, въ законодательный корпусъ, литературу, прессу. Онъ настолько обыкновенъ, что его никто не замѣчаетъ, да и замѣчать не хочетъ. И этотъ развратъ не широкій, не рыцарскій, а мелкій, бездушный, скаредный. Это развратъ торгаша".

Но любовь къ Россіи, вѣра въ нее ни на минуту не замирали въ душѣ Герцена. Сравнивая село европейское съ селомъ русскимъ, онъ (въ пятомъ письмѣ изъ Avenue Marigny) отдаетъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему: „Смыслъ деревенской коммуны въ Европѣ только полицейскій. Что общаго между этими разбросанными домами, огораживающимися другъ отъ друга? У нихъ все особое, они связаны только общей межой; что общаго между голодными работниками, которымъ коммуна предоставляетъ le droit de glaner, и богатыми домохозяевами? Да здравствуетъ, господа, русское село—будущность его велика!"

Эти нападки Герцена на Европу вызывали неодобреніе даже у его друзей, выразившееся и въ статьѣ Бѣлинскаго („Взглядъ на русскую литературу 1847 года"), и въ письмахъ по этому поводу Боткина къ Анненкову, въ которыхъ развиваемые Герценомъ взгляды на Европу характеризуются, какъ „ровно ничего не уясняющіе". Между тѣмъ, поле для наблюденій Герцена надъ парижской жизнью было очень велико. Онъ не только жадно читалъ журналы и посѣщалъ всевозможныя собранія, но и сблизился со многими вождями движенія, черпая, такимъ образомъ, свои свѣдѣнія изъ первоисточниковъ. Но и тутъ первое впечатлѣніе отъ бесѣдъ съ ними, равное, какъ шутливо замѣчалъ онъ, „нѣкоторымъ образомъ чину, повышенію по службѣ", быстро смѣнялось весьма скептическимъ отношеніемъ къ разнымъ „горнымъ вершинамъ". — „У меня, —

говоритъ Герценъ,—всѣ опыты идолопоклонства и кумировъ не держатся и очень скоро уступаютъ мѣсто полнѣйшему отрицанію“.

Съ знаменитымъ Луи Бланомъ, напримѣръ, у Герцена произошелъ такой діалогъ:

— Жизнь человѣка—великій соціальный долгъ,—говорилъ Луи Бланъ,—человѣкъ должент (курсивъ подлинника) постоянно приноситъ себя въ жертву обществу.

— Зачѣмъ?—спросилъ я вдругъ.

— Какъ зачѣмъ? Помилуйте: вся цѣль, все назначеніе лица—благосостояніе общества.

— Оно никогда не достигнется, если всѣ будутъ жертвовать и никто не будетъ наслаждаться.

— Это игра словъ.

— Варварская сбивчивость понятій,—говорилъ я, смѣясь...

И „варвару“ становилось ясно, до какой степени можетъ заѣдать людей фраза, общія мѣста, до какой степени чужда, хотя бы тому же Луи Блану, проблема, надъ которой мучился Герценъ всю свою жизнь: „понять всю святость правъ личности и не раздробить на атомы общество“. Такъ какое ужъ тутъ идолопоклонство, какіе кумиры?...

Посѣщали постоянно Герцена и разныя другія французскія знаменитости, и проживавшіе въ Парижѣ всякаго рода „рефюжье“, и рядовые представители начавшихъ уже высоко вздыматься волнъ революціоннаго движенія.

„Домъ Герцена, — вспоминаетъ Анненковъ, — сдѣлался подобіемъ Діонисіева уха, гдѣ ясно отражался весь шумъ Парижа, малѣйшія движенія и волненія, пробѣгавшія на поверхности его уличной и интеллектуальной жизни“.

И при всемъ томъ въ душѣ Герцена все сильнѣе и сильнѣе подымалась ненависть къ „мелкой и грязной средѣ мѣщанства, которое, какъ тина, покрываетъ зеленью своей всю Францію“...

Его потянуло въ Италію, гдѣ въ то время освободительное движеніе дошло, казалось, до своего апогея и гдѣ „самый складъ жизни и характера населенія, казалось, долженъ былъ направить движеніе по иному руслу“. И, дѣйствительно, пребываніе Герцена въ Италіи было однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ моментовъ въ его жизни.

„Я нравственно выздоровѣлъ, — писалъ онъ, — переступивъ границы Франціи; я обязанъ Италіи обновленіемъ вѣры въ свои силы и въ силы другихъ; многія упованія снова воскресли въ душѣ; я увидѣлъ одушевленныя лица, слезы, я услышалъ горячія слова. Безконечная благодарность судьбѣ за то, что я попалъ въ Италію въ такую торжественную минуту ея жизни“...

И въ другомъ мѣстѣ:

„Вся Италія просыпалась на моихъ глазахъ. Я видѣлъ неаполитанскаго короля, сдѣланнаго ручнымъ, и папу, смиренно просящаго милостыню народной любви... Вся Европа взяла одръ свой и пошла въ припадкѣ лунатизма, принятаго нами за пробужденіе“.

Но событія неслись во всей Европѣ съ головокружительной быстротой.

Во всѣ концы міра пришла громовая вѣсть о февральской революціи въ Парижѣ и провозглашеніи Второй Республики. „Мнѣ казалось,—писалъ Герценъ,—измѣной всѣмъ моимъ убѣжденіямъ не быть въ Парижѣ, когда въ немъ республика... Я съ внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ Чи-

витѣ на печать консульской визы, на которой были вырѣзаны грозныя слова: „République française“.

Герценъ снова въ Парижѣ, — онъ живетъ въ мірѣ тѣхъ же французскихъ лидеровъ и рядовыхъ революціоннаго движенія, тѣхъ же рефюжье, а также нѣсколькихъ русскихъ, въ числѣ которыхъ находился Бакунинъ. Сдѣланная Герценомъ характеристика Бакунина того времени даетъ понятіе и о пульсѣ жизни тогдашняго Парижа.

„Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 29 ноября 1847 года, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ—коммунизмъ и l'égalité du salaire, нивелированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка“, Косидьеръ не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника и придумалъ съ Флокономъ отправить его, въ самомъ дѣлѣ, къ славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ“.

Горячка событій захватила, конечно, и самого Герцена, но то впечатлѣніе, которое произвела на него Франція въ первый пріѣздъ, нисколько не уменьшилось и теперь. Все яснѣе и яснѣе разглядывалъ онъ, что революціи опереться не на что: внизу — младенческое состояніе психики массъ, вверху—„риторы“, „жалкіе друзья народа“, „пу-

стыя сердца“, во всей жизни страны — „мѣщанство“. Потомъ наступили ужасающіе „іюньскіе дни“:

„А торжественно начались они. 23-го числа часа въ четыре шелъ я берегомъ Сены къ Hôtel de Ville. Лавки запирались, колонны національной гвардіи съ зловѣщими лицами шли по разнымъ направленіямъ... Раздался мѣрный, протяжный звукъ набата съ колокольни Св. Сульпиція, которымъ еще разъ обманутый пролетарій звалъ своихъ братій къ оружію... Барабанъ раздавался съ разныхъ сторонъ, артиллерія тянулась съ Карусельской площади. Я слушалъ громъ набата и не могъ насмотрѣться на панораму Парижа, будто я съ нимъ прощался; это была послѣдняя дань великому городу, — послѣ іюньскихъ дней онъ мнѣ опротивѣлъ“.

Много жестокостей было совершено во время борьбы, но это еще что,—онѣ, если не оправдываются, то все же не такъ возмущаютъ души, когда совершаются въ моменты самой борьбы. Но послѣ нея,—когда расправа начинается уже съ побѣжденными и безоружными, дабы и „впредь не повадно было“,—вотъ когда проклятіе палачамъ является самымъ естественнымъ выраженіемъ чувствъ всѣхъ людей по адресу человѣкоподобныхъ животныхъ. А Герцену пришлось быть свидѣтелемъ именно такихъ сценъ:

„Вечеромъ 26 іюня мы услышали послѣ побѣды надъ Парижемъ правильные залпы, съ небольшими разстановками... Мы всѣ взглянули другъ на друга, у всѣхъ лица были зеленыя... „Вѣдь, это разстрѣливаютъ“,—сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна и молчалъ; за такія минуты ненавидятъ десять лѣтъ, мстятъ всю жизнь“...

А потомъ:

„Надменная національная гвардія съ свирѣпой и тупой злобой на лицѣ берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ; ликующія толпы пьяной мобили ходили по бульварамъ, распѣвая; мальчишки 15—17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братьевъ, запекшейся на ихъ рукахъ; на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за прилавка, чтобы привѣтствовать побѣдителей. Кавеньякъ возилъ съ собой въ колескѣ какого-то изверга, убившаго десятки французовъ“...

„Сомнѣніе заносило свою тяжелую ногу на послѣднія достоянія, оно перетряхивало не церковную ризницу, не докторскія мантіи, а революціонныя знамена“...

Вскорѣ пришлось и Герцену, во избѣжаніе ареста, тайно бѣжать изъ Парижа въ Женеву, хотя на бумагѣ во Франціи продолжала существовать республика.

Еще въ Парижѣ у Герцена созрѣло рѣшеніе въ Россію не возвращаться. Почему? Да потому, что, какъ ни ужасно было все пережитое въ Европѣ, но онъ привыкъ уже къ такимъ условіямъ жизни, послѣ которыхъ возвращеніе въ страну, гдѣ, по слову украинскаго поэта, „од молдаванина до фінна на всіх язиках все мовчить—бо благоденствує“,—казалось прямо-таки свыше человѣческихъ силъ.

Въ Россіи существуютъ несомнѣнно великіе задатки для будущаго,—думалъ Герценъ,—но при томъ положеніи, въ которомъ онъ очутился, помочь развитію этихъ задатковъ, что означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начать борьбу противъ всероссійской казармы новымъ, еще невѣдомымъ ей образомъ, пу-

тѣмъ прямого на нее нападенія въ печати на русскомъ и иностранныхъ языкахъ,—можно, конечно, лишь оставшись въ Европѣ. Такимъ образомъ, мотивъ личный, разумѣется, и самъ по себѣ вполнѣ законный—нежеланіе безсмысленно погибнуть въ отечественной Бенкендорфіи,—совпалъ у Герцена съ мотивами общественными, и онъ сдѣлался эмигрантомъ. Ему было что сказать не только Россіи, но и Европѣ. Именно эти двѣ цѣли—борьбу съ русскимъ правительствомъ и ознакомленіе Европы съ Россіей—Герценъ себѣ и поставилъ. Но прежде чѣмъ положеніе его въ качествѣ эмигранта опредѣлилось окончательно, въ его жизни произошли еще нѣкоторыя событія.

Мы сказали, что изъ Парижа онъ перебрался въ Женеву. Тамъ познакомился онъ со многими выходцами изъ разныхъ странъ, и, между прочимъ, съ Маццини, самую теплую симпатію къ которому онъ сохранилъ на всю жизнь. Тамъ же получилъ онъ письмо отъ Прудона, просившаго Герцена помочь ему матеріально поставить въ Парижѣ газету „La voix du Peuple“ и стать близкимъ сотрудникомъ этой газеты. Герценъ согласился на то и другое, послалъ Прудону необходимые для внесенія залога 24.000 франковъ и написалъ ему при этомъ письмо, въ которомъ выразилъ свой взглядъ на газету и на самого Прудона, какъ на человѣка дарованій, по мнѣнію Герцена, совершенно исключительныхъ.

„Я знаю одного свободнаго француза,—писалъ онъ ему,—это васъ. Ваши революціонеры—консерваторы. Они христіане, не зная того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы одни подняли вопросъ негаціи и переворота на высоту науки, и вы пер-

вый сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасать изъ него нечего, что самыя его понятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей.

„Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не болѣе, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую играютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ Баро и другіе. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало бы проводить въ разборѣ послѣднихъ европейскихъ событій, преслѣдовать реакцію, католицизмъ, монархизмъ не въ ряду нашихъ враговъ,—это чрезвычайно легко,—но въ собственномъ нашемъ станѣ. Надобно обличать круговую поруку демократовъ и власти. Если мы не боимся затрогивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сентиментальности затрогивать и побѣжденныхъ“.

Здѣсь намъ надо нѣсколько остановиться.

Мы уже знаемъ, что, будучи въ Россіи, Герценъ отзывался въ своемъ дневникѣ о Прудонѣ съ большою похвалою. Въ другомъ мѣстѣ онъ же писалъ, что „былъ многимъ обязанъ Прудону въ своемъ развитіи“, называлъ его „великимъ иконоборцемъ“, „неукротимымъ гладіаторомъ“, „человѣкомъ, начавшимъ собою новый рядъ французскихъ мыслителей“, и т. д.

Въ чемъ же тутъ дѣло, чѣмъ именно Прудонъ такъ привлекъ къ себѣ вниманіе Герцена? На это можно безошибочно отвѣтить такъ: своей борьбой со всякаго рода догматизмомъ, своей острой критикой общественныхъ отношеній, своею безбоязненностью говорить вслухъ то, что онъ думаетъ, не справляясь съ тѣмъ, какимъ именно категоріямъ людей мнѣнія эти будутъ пріятны и какимъ нѣтъ,

словомъ, качествами, которыя были такъ родственны душѣ самого Герцена.

„Чтеніе Прудона, какъ чтеніе Гегеля,—писалъ впослѣдствіи Герценъ,—даетъ особый пріемъ, оттачиваетъ оружіе, даетъ не результаты, а средства. Прудонъ, по преимуществу, діалектикъ, контроверзистъ соціальныхъ системъ. Французы ищутъ въ немъ эксперименталиста и, не находя ни смѣты фаланстера, ни икарійской управы благочинія, пожимаютъ плечами и кладутъ книгу въ сторону".

Вотъ что цѣнилъ Герценъ въ Прудонѣ. Онъ даже не упоминаетъ о томъ, что у Прудона была своя практическая система, какъ не отмѣчаетъ и нѣкоторыхъ взглядовъ „безансонскаго мужика", поистинѣ, реакціонныхъ,—въ родѣ его воззрѣнія на положеніе въ обществѣ женщины, воззрѣнія, находившагося въ такомъ глубокомъ противорѣчіи съ усвоеннымъ Герценомъ съ ранней молодости широкимъ на этотъ предметъ взлядомъ сенъ-симонистовъ. Герценъ какъ будто прощаетъ ему всѣ подобныя несообразности. Онѣ искупаются, въ его глазахъ, „діалектикой" Прудона, его умѣніемъ мастерски владѣть аналитическимъ ножомъ, неустрашимостью въ борьбѣ съ догматизмомъ, какъ „чужихъ", такъ и „своихъ".

Герцену показалось, что передъ нимъ человѣкъ, смѣло ищущій условій, при которыхъ могло бы восторжествовать то, что было Герцену дороже всего,—человѣческая свобода. Обращаясь къ Прудону, онъ называетъ его единственнымъ „свободнымъ французомъ", т. е. человѣкомъ, надъ которымъ не имѣетъ власти никакая догматика, работникомъ мысли, ищущимъ истину ради истины и не считающимся въ поискахъ ея ни съ какими

соображеніями характера временнаго, преходящаго. Герценъ, конечно, идеализировалъ Прудона, — послѣдній въ дѣйствительности былъ вовсе не тѣмъ, чѣмъ онъ ему представлялся (для этого достаточно прочесть хотя бы только письмо о герценовскомъ „Колоколѣ“ того же Прудона къ Самарину, опубликованное въ № 2 аксаковской „Руси“ за 1881 г.),— но тогда цѣнилъ онъ въ Прудонѣ именно эти, отличавшія, какъ ему казалось, только „великаго иконоборца“, свойства характера. Прудонъ несомнѣнно вліялъ на Герцена. Кромѣ „діалектики“ Герцена занимала въ Прудонѣ и еще одна сторона. На предлагавшихся Прудономъ способахъ рѣшенія экономической стороны проблемы новаго строя Герценъ останавливается менѣе всего, но онъ пристально всматривается въ нѣчто иное,—въ отрицаніе Прудономъ государства, въ его анархизмъ. Бакунинъ сдѣлался анархистомъ чистой воды, но и у Герцена былъ, несомнѣнно, въ эту сторону нѣкоторый уклонъ. Въ замѣчательной статьѣ „Робертъ Оуэнъ“ Герценъ ставитъ вопросъ: „совмѣстимо ли, вообще, разумное сознаніе и нравственная независимость съ государственнымъ бытомъ“, и склоняется въ пользу отрицательнаго рѣшенія этого вопроса.

— Что же вы думаете, Оуэнъ былъ республиканцемъ?

— Я думаю, что Оуэнъ принималъ ту ф о р м у п р а в и т е л ь с т в а (курсивъ Герцена), которая наиболѣе соотвѣтствуетъ принимаемой имъ церкви.

— Да, вѣдь, онъ никакой церкви не принимаетъ.

— Ну, вотъ видите...

И Герценъ сочувственно относится къ слѣдующему отсюда выводу.

Мы говоримъ лишь объ уклонѣ Герцена въ сторону анархизма, — дѣйствительнымъ, подобнымъ Бакунину, анархистомъ онъ никогда не былъ; незадолго до своей смерти онъ писалъ Бакунину, что условіемъ безгосударственнаго быта является лишь „совершеннолѣтіе большинства“, — но нѣкоторый „прудонизмъ“ сопутствовалъ Герцену въ теченіе всей его литературно-политической дѣятельности. Были тутъ и отрицательныя стороны, но были и положительныя. Борясь всю свою жизнь за свободу личности, Герценъ принялъ положеніе Прудона— „qui dit liberté dit fédération, ou ne dit rien“. Черезъ это онъ сталъ не анархистомъ, а федералистомъ, борцомъ противъ централизаціи, и съ этой стороны изученіе Прудона, дѣйствительно, расширяло его горизонтъ, указывая условія, при которыхъ можетъ быть приближена желанная человѣческая свобода.

Теперь возвратимся къ событіямъ, на которыхъ мы остановились. Соглашаясь дать деньги Прудону на газету, Герценъ обусловилъ свое согласіе завѣдывать иностраннымъ отдѣломъ, рекомендовать корреспондентовъ и прочее. Всѣ условія Герцена были приняты, газета начала выходить,—въ ней появлялись и статьи самого Герцена, — но времена были такія, что самъ Прудонъ сразу же попалъ въ тюрьму. Правда, онъ продолжалъ и изъ тюрьмы руководить газетой, но правительство прибѣгло къ карамъ другого рода,—на нее посыпался штрафъ за штрафомъ, — скоро изъ залога въ 24.000 франковъ не осталось ни одного сантима, и газета прекратила свое существованіе.

Послѣ этого, въ цѣляхъ окончательнаго упроченія своего положенія, какъ эмигранта, Герценъ натурализовался въ Швейцаріи, превратившись изъ

русскаго „надворнаго совѣтника“ въ крестьянина деревни Шатель Фрибургскаго кантона. Окончивши это дѣло, онъ уѣхалъ съ семьей въ Ниццу. Зачѣмъ? Въ письмѣ къ Маццини, предлагавшему Герцену заняться совмѣстно съ другими эмигрантами, представителями разныхъ странъ, тѣснѣе европейскими дѣлами, онъ писалъ: „я не сижу сложа руки. У меня еще слишкомъ много крови въ жилахъ и энергіи въ характерѣ, чтобы удовлетвориться ролью страдательнаго зрителя. Съ тринадцати лѣтъ я служилъ одной идеѣ и былъ подъ однимъ знаменемъ— войны противъ всякой втѣсняемой власти, противъ всякой неволи, во имя безусловной независимости лица. Мнѣ хотѣлось бы продолжать мою маленькую партизанскую войну,—настоящимъ казакомъ, auf eigene Faust, какъ говорятъ нѣмцы... Не отъ меня зависитъ измѣненіе капризнаго людского развитія, но говорить, обращать, убѣждать— зависитъ отъ меня,—и я это дѣлаю отъ всей души и помышленія“.

События европейской жизни слѣдовали въ то же время одно другого безотраднѣе и, конечно, производили на Герцена самое тяжелое впечатлѣніе. Къ этому присоединился цѣлый рядъ тягостныхъ фактовъ личной жизни. То была роль, которую сталъ играть въ личной жизни Наталіи Александровны Герценъ извѣстный нѣмецкій поэтъ-революціонеръ Гервегъ, потомъ катастрофа на морѣ, во время которой утонули мать и сынъ Герцена, и, наконецъ, смерть возвратившейся къ нему отъ Гервега Наталіи Александровны. Мы не будемъ говорить объ обстоятельствахъ семейной жизни Герцена,—существуютъ вещи, самое легкое прикосновеніе къ которымъ требуетъ величайшей осторожности, своего

рода благочестія, и потому такихъ вещей, иначе, какъ въ трудахъ, имѣющихъ цѣлью изученіе тончайшихъ изгибовъ человѣческой души, всегда лучше совсѣмъ не касаться,—но объ эпилогѣ, т о л ь к о объ эпилогѣ, этого событія мы скажемъ нѣсколько словъ, скажемъ для того, чтобы передъ читателемъ мелькнула на мгновенье личность Герцена и въ ея интимнѣйшихъ глубинахъ.

Но и объ „эпилогѣ“ мы упомянемъ лишь словами изъ воспоминаній самого Герцена:

Онъ былъ человѣкъ, онъ, разумѣется, страдалъ, но вотъ онъ встрѣчаетъ возвратившуюся къ нему жену.

„Одного взгляда, двухъ-трехъ словъ было достаточно,—все было понято и объяснено. Я взялъ ея небольшой дорожный мѣшокъ, перебросилъ его на трости за спину, и мы весело пошли по пустымъ улицамъ въ отель... И мы были тѣ же, только теперь мы подавали другъ другу руки не какъ заносчивые юноши, самонадѣянные и гордые вѣрой въ себя, вѣрой другъ въ друга и въ какую-то исключительность нашей судьбы, а какъ ветераны, закаленные въ бою, испытавшіе н е т о л ь к о с в о ю с и л у, н о и с в о ю с л а б о с т ь... Въ эту встрѣчу все было кончено, оборванные концы срослись, не безъ рубца, но крѣпче прежняго; такъ срастаются иногда части сломанной кости“...

Вскорѣ послѣ этого произошла катастрофа съ матерью и сыномъ Герцена, а 2 мая 1852 года скончалась въ Ниццѣ Наталія Александровна.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того во Франціи произошелъ coup d'état Наполеона III, и Герценъ написалъ по этому поводу статью съ страшнымъ названіемъ „Vive la mort!“...

Въ тотъ моментъ ему казалось, что „все рухнуло—общее и частное, европейская революція и домашній кровъ, свобода міра и личное счастье“...

Въ эти черные для Герцена дни съ чрезвычайной теплотой отнеслись къ нему итальянскіе революціонеры,—одни, какъ Джакомо Медичи, лично, другіе, какъ Маццини, въ задушевныхъ письмахъ. Герценъ, въ свою очередь, полюбилъ ихъ еще больше прежняго.

Живя въ Ниццѣ, Герценъ напечаталъ цѣлый рядъ своихъ работъ: то были появившіяся сначала по-нѣмецки „Письма изъ Франціи и Италіи“, потомъ брошюра „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“ (первоначально по-нѣмецки въ „Deutsche Jahrbücher“, отдѣльной брошюрой по-французски—„Du développement des idées révolutionnaires en Russie“) и, наконецъ, брошюра „Le peuple russe et le socialisme“ („Письмо къ Мишле“). Обѣ брошюры были запрещены во Франціи. Тогда же появилось въ печати и знаменитое „Съ того берега“, первоначально также по-нѣмецки („Vom andern Ufer“).

Эта литературная дѣятельность сдѣлала имя Герцена еще болѣе извѣстнымъ въ Европѣ, пріобрѣла ему много поклонниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ навлекла на него большую непріязнь со стороны нѣкоторыхъ эмигрантовъ,—въ особенности нѣмецкихъ. (Достаточно вспомнить отзывъ Маркса о „полурусскомъ“ и вполнѣ „москвичѣ“ Герценѣ, ревностно пророчествующемъ объ обновленіи Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкой“). Мы и остановимся нѣсколько на литературной дѣятельности Герцена этого періода—главнымъ образомъ на идеяхъ знаменитаго произведенія „Съ того берѳга“, и взглядахъ Герцена на Россію.

Вѣчно работавшая мысль Герцена устремилась на рѣшеніе высшихъ проблемъ бытія. Разставшись уже давно съ теологизмомъ, Герценъ занялъ ту же рѣзко отрицательную позицію и ко всякому телеологизму. Заявивши еще въ Москвѣ Хомякову, что онъ можетъ принять „страшные результаты свирѣпѣйшей имманенціи, потому что выводы разума независимы отъ того, хочетъ ихъ человѣкъ или нѣтъ“, Герценъ подвергъ суду разума и религію земную, религію человѣчества, религію прогресса. Результатъ былъ такой: „Объясните мнѣ, пожалуйста, — спрашиваетъ Герценъ, — отчего вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно; вѣрить въ царство небесное глупо, а вѣрить въ земныя утопіи умно“.

И что же такое прогрессъ, что такое „цѣль прогресса“?

„Если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который, по мѣрѣ приближенія къ нему труженниковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ morituri te salutant, только и умѣетъ отвѣтить насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу... или на то, чтобы быть несчастными работниками, которые, по колѣно въ грязи, тащатъ барку съ таинственнымъ руномъ и съ смиренной надписью прогрессъ въ будущемъ на флагѣ. Утомленные падаютъ по дорогѣ,... а дороги остается столько же, какъ при началѣ, потому что прогрессъ безконеченъ“...

Такое пониманіе „прогресса“ не выдерживаетъ „испытанія разума“, и Герценъ пишетъ:

„Цѣль безконечно далекая—не цѣль, а, если хотите, уловка. Цѣль должна быть ближе. Цѣль для каждаго поколѣнія — оно само. Природа не только не дѣлаетъ поколѣнія средствами для достиженія будущаго, но она вовсе о будущемъ не заботится; она готова, какъ Клеопатра, распустить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ". Въ самомъ дѣлѣ,—мало ли что можетъ случиться? „Энкіева комета зацѣпитъ земной шаръ, геологическій катаклизмъ пройдетъ по поверхности земли,—вотъ вамъ и финалъ исторіи". Вотъ вамъ тогда и „прогрессъ"...

И Герценъ снова и снова повторяетъ, что „цѣль каждаго поколѣнія—оно само". Оно должно жить,—жить жизнью человѣческою.

Что это значитъ?

Это значитъ жить въ соціальной средѣ, въ которой личность свободна и въ то же время общество не разрушено. Но созданіе такихъ отношеній между личностью и обществомъ зависитъ лишь долею отъ насъ самихъ, главнымъ же образомъ отъ условій, уже данныхъ, привнесенныхъ жизнью поколѣній предшествовавшихъ, словомъ, самой исторіей. Изслѣдуя такія условія жизни европейскихъ странъ, Герценъ приходитъ къ выводамъ весьма пессимистическимъ. Онъ находитъ, что Европа погрязла въ невылазномъ „болотѣ мѣщанства". Она, быть можетъ, отъ самодержавія частной собственности и избавится, реализовавши экономическую сторону проблемы соціализма,—это будетъ лучшій случай,—но и тогда ей не смыть съ себя мѣщанства, самый ея соціализмъ будетъ соціализмомъ мѣщанскимъ. Въ худшемъ случаѣ не произойдетъ и этого, тогда Европа совершенно застоится въ махровомъ цвѣтѣ мѣ-

щанства и окончательно въ немъ разложится. При такомъ оборотѣ дѣлъ не исключена возможность и того, что она сдѣлается жертвою восточныхъ народовъ съ болѣе свѣжею кровью. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ это и будетъ каждымъ въ своемъ родѣ финаломъ европейской исторіи.

Отвергнувши всякій теологизмъ и телеологизмъ, подвергнувши затѣмъ „суду разума“ всѣ pro и contra касательно будущихъ судебъ Европы и придя по этому поводу къ самымъ безотраднымъ заключеніямъ, Герценъ переживалъ такія мрачныя минуты, которыя самъ называлъ „краемъ нравственной гибели“...

Мы не будемъ разбирать здѣсь вопроса, насколько правъ былъ Герценъ въ самыхъ основахъ своей философіи и сдѣланныхъ имъ изъ нея выводахъ, но нельзя не видѣть, что въ такомъ состояніи жить человѣку человѣческою же жизнью, конечно, нельзя. Человѣкъ теряетъ всякую энергію къ жизнедѣятельности. Вспомните знаменитый стихъ одного знаменитѣйшаго изъ человѣческихъ геніевъ:

> And thus the native hue of resolution
> Is sickled o'er with the pale cast of thought
> And enterprises of great pith and moment
> With this regard, their currents turn awry
> And lose the name of action... [1])

Герценъ переживалъ именно такое состояніе. Откуда же пришло спасеніе? Герценъ самъ отвѣ-

---

[1]) Вотъ какъ рѣшимости природный цвѣтъ
Подъ краской мысли чахнетъ и блѣднѣетъ,
И начинанья важности великой,
Отъ этихъ думъ теченье измѣнивъ,
Теряютъ и названье дѣлъ...

В. Шекспиръ. Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ датскомъ. Переводъ К. Р. Спб. 1899, стр. 199.

чаетъ на этотъ вопросъ словами, что спасеніемъ явилась—„вѣра въ Россію“.

„Вѣра“... Но вѣдь въ этомъ понятіи находятся несомнѣнно элементы ирраціональные, т. е. не поддающіеся „суду разума“,—это первое; а второе—самой „вѣрѣ въ Россію“, хотя Герценъ въ цитируемомъ мѣстѣ его твореній объ этомъ не упоминаетъ, предшествовало или, по крайней мѣрѣ, съ ней сосуществовало и нѣчто другое: любовь къ Россіи, къ русскому народу, та самая любовь, о которой онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ, какъ о „сильномъ, безотчетномъ, страстномъ чувствѣ“ къ родинѣ, запавшемъ въ него „съ раннихъ лѣтъ“.

„Безотчетное, страстное чувство“ къ Россіи—вотъ корень, который дѣлаетъ яснымъ, понятнымъ все остальное и еще болѣе намъ дорогимъ самого Герцена.

Любовь къ Россіи, отсюда—вѣра въ нее, и уже отсюда, въ качествѣ слѣдствія изъ нихъ, вся дѣятельность такого мощнаго и такъ превосходно вооруженнаго всѣми пріобрѣтеніями европейской культуры интеллекта, какимъ обладалъ Герценъ. Разумъ сталъ здѣсь, такъ сказать, на службу тому, что онъ самъ призналъ „безотчетнымъ“, т. е. за предѣлами его контроля находящимся, и это, именно это, спасло Герцена отъ того, чему онъ самъ далъ названіе „края нравственной гибели“...

Тогда-то возвратилось къ нему съ удвоенною силою и то, что въ противномъ случаѣ неизбѣжно теряетъ „The name of action“. Независимо отъ самого себя, Герценъ призналъ всѣмъ этимъ и невѣрность нѣкоторыхъ изъ казавшихся ему столь безукоризненными предпосылокъ. Оказалось, что не

одна только мысль, передъ выводами которой, какъ передъ судомъ послѣдней инстанціи, онъ призывалъ „склониться со смиреніемъ“, имъ самимъ владѣла, его самого наполняла и направляла. Оказалось, что, не будь „безотчетнаго“, роковымъ образомъ наступила бы, несмотря ни на какую работу мысли, „нравственная гибель“. Оказалось, что „спасеніе“ отъ такой гибели находилось, какъ засвидѣтельствовалъ самъ Герценъ, въ той именно области „безотчетнаго“, посягнуть на которую была уже безсильна и самая мысль. Оказалось, что жить значитъ не только мыслить, но и любить,— сердце же, какъ извѣстно, „не спрашиваетъ“. А такъ какъ любовь Герцена къ Россіи по интенсивности своей не уступала и силѣ его теоретической мысли, то погибнуть онъ и не могъ. Онъ долженъ былъ воскреснуть изъ своего пессимизма, и онъ воскресъ. Россія вновь обрѣла одного изъ своихъ величайшихъ сыновъ.

Теперь и самая мысль Герцена заработала въ томъ именно направленіи, какое ей было указано любовью.

Съ этого момента онъ съ особою пристальностью всматривался въ тотъ вопросъ, который занималъ его и раньше: чѣмъ именно отличается бытъ Россіи отъ быта Европы? Онъ зналъ это давно, но теперь онъ весь отдается детальному изученію вопроса, ставшаго для всего его нравственнаго существа самымъ кардинальнымъ. И вотъ, въ той же книгѣ „Съ того берега“, онъ хочетъ повѣдать Европѣ „объ этомъ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала,

и перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ-то чудно сохранилъ себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться—отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ огромнымъ явленіемъ Пушкина".

Эта тема завладѣваетъ Герценомъ вполнѣ: онъ варьируетъ ее на разные лады, приходитъ къ заключенію о возможности для Россіи иного, отличнаго отъ западно-европейскаго пути развитія, разсматриваетъ общину и артель какъ основы для такого развитія, видитъ въ мірской сходкѣ эмбріонъ, изъ котораго должна произойти въ будущемъ самая широкая общественность, залагаетъ фундаментъ для возникшаго потомъ, именно на этомъ фундаментѣ, русскаго народничества,—другими словами, накладываетъ печать своей личности на движеніе русской интеллигенціи, продолжавшееся цѣлые десятки лѣтъ.

Живя въ Ниццѣ, Герценъ почти не видѣлъ русскихъ. Проживалъ тамъ въ это же время, тоже въ качествѣ уже эмигранта, Головинъ, редактировавшій тамъ даже газету „Le Carillon", — быть можетъ, это названіе („Le Carillon" значитъ „Трезвонъ") и натолкнуло Герцена на то, чтобы дать впослѣдствіи имя своему русскому органу „Колоколъ", — но съ Головинымъ, личностью крайне безцвѣтной и въ то же время мелко-тщеславной, у Герцена никакой близости установиться, конечно, не могло. Появился въ это же время въ Европѣ, впослѣдствіи сотрудникъ „Полярной Звѣзды", бывшій воспитан-

никъ лицея Владиміръ Энгельсонъ. Онъ также жилъ нѣкоторое время въ Ниццѣ,—съ нимъ отношенія у Герцена были гораздо лучше, чѣмъ съ Головинымъ; они даже одно время сблизились, но, вслѣдствіе истерическаго характера Энгельсона, сближеніе это не могло быть продолжительнымъ. Послѣ смерти жены Герценъ покинулъ совсѣмъ Средиземное море и переѣхалъ въ Лондонъ. Отсюда и начинается новая эпоха въ его жизни.

Бури 1848 и слѣдующихъ лѣтъ прибили тогда къ берегамъ Англіи „рефюжье“ изъ всѣхъ странъ. Въ Лондонѣ жили и бывшій французскій министръ внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Ролленъ, и парижскій „префектъ съ баррикадъ“,—тотъ самый, который отправилъ послѣ февральской революціи Бакунина съ „братской акколадой“ къ славянамъ, — Косидьеръ, и диктаторъ Венгріи Кошутъ, и глава итальянскаго освободительнаго движенія въ Италіи Маццини, и Станиславъ Ворцель, и Карлъ Марксъ, и многіе другіе. На-ряду съ „генералами“ эмиграціи находилась и цѣлая армія эмиграціи рядовой.

Съ отдѣльными эмигрантами, —въ особенности Ворцелемъ и Маццини,—Герценъ сошелся очень близко, но эмигрантской массѣ, помогая ей всегда, чѣмъ только могъ, онъ въ то же время чувствовалъ себя совершенно чуждымъ. Его, человѣка, у котораго критическая мысль работала безостановочно и у котораго была въ высшей степени развита самая тонкая душевная „noblesse“, отталкивала эмигрантская масса, главнымъ образомъ, двумя ея качествами: самымъ заплѣсневѣлымъ консерватизмомъ мысли и чрезвычайною неразборчивостью въ средствахъ при фракціонной борьбѣ.

Вотъ какъ характеризовалъ онъ среду, въ которой, такъ или иначе, ему пришлось жить:

„Всѣ эмиграціи, отрѣзанныя отъ живой среды, закрываютъ глаза, чтобы не видѣть горькихъ истинъ, и вживаются больше въ фантастическій, замкнутый кругъ, состоящій изъ косныхъ воспоминаній и несбыточныхъ надеждъ. Если прибавить къ тому отчужденіе отъ не-эмигрантовъ, что-то озлобленное, подозрѣвающее, исключительное, ревнивое, то новый Израиль будетъ совершенно понятенъ.

„Сколько страданій, сколько лишеній, слезъ и... сколько узости, какая бѣдность умственныхъ силъ, запасовъ пониманія, какое упорство въ раздорѣ и мелкость въ самолюбіи...

„При томъ ни шагу впередъ. Они, какъ придворные версальскіе часы, показываютъ одинъ часъ, часъ, въ который умеръ король... Они показываютъ одно событіе, одну кончину какого-нибудь событія. Объ немъ говорятъ, объ немъ думаютъ, къ нему возвращаются. Встрѣчая тѣхъ же людей, тѣ же группы мѣсяцевъ черезъ пять-шесть, года черезъ два-три, становится страшно,—тѣ же споры продолжаются, тѣ же личности и упреки, только морщинъ, нарѣзанныхъ нищетою, лишеніями—больше... Больше сѣдыхъ волосъ, и все вмѣстѣ старѣе, костлявѣе, сумрачнѣе... А рѣчи тѣ же и тѣ же...

„Всѣ партіи упрямо консервативны, движеніе впередъ имъ кажется слабостью, чуть не бѣгствомъ; сталъ подъ знамя, такъ стой подъ нимъ, хотя бы современемъ и разглядѣлъ, что цвѣта не совсѣмъ такіе, какъ казались“.

А раздоры между собою?

„Стоитъ только посмотрѣть на полемику Маркса, Гейнцена, Руге et consortes, которая съ 1849 года

не переставала и теперь продолжается по ту сторону океана. Глазъ нашъ не привыкъ видѣть въ печати такія выраженія, такія обвиненія: ничего не пощажено,—ни личная честь, ни семейныя дѣла, ни повѣренныя тайны“...

А клевета, которая въ такихъ условіяхъ находитъ себѣ особо благопріятную почву?

„Марксъ, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сложилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача, выдалъ его за русскаго шпіона“.

Но довольно цитатъ по этому поводу. Здѣсь мы подошли само собою къ одному очень интересному вопросу, на которомъ и позволимъ себѣ остановиться. Оставляя совершенно въ сторонѣ понятное раздраженіе Герцена противъ столь чуждаго ему по всему складу натуры Маркса, надо взглянуть на взаимоотношеніе ихъ психическихъ міровъ съ другой, гораздо болѣе интересной точки зрѣнія. Мы и сдѣлаемъ это, хотя для того намъ и придется выйти за предѣлы чисто-хронологическихъ датъ нашего повѣствованія и отчасти возвратиться къ Герцену времени, которое предшествовало его лондонской жизни, отчасти забѣжать далеко впередъ,—уже къ самому концу 60-хъ годовъ, значитъ—кануну смерти великаго изгнанника,—отчасти ввести сюда и третьихъ лицъ.

Мы видѣли, что, живя въ Ниццѣ, Герценъ работалъ самымъ упорнымъ образомъ надъ вопросомъ—какія существуютъ объективнаго характера ручательства въ томъ, что идеалы соціализма осуществимы. „Гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?“—спрашивалъ онъ. Работая надъ этимъ

вопросомъ, Герценъ пришелъ по отношенію къ Европѣ къ заключенію, что возможность реализаціи въ ней соціализма не исключена, но и не обусловлена, какъ необходимость, самимъ ходомъ вещей. Можетъ быть, соціалистическій строй въ Европѣ установится, а, можетъ быть, и нѣтъ. Но,—прибавлялъ Герценъ,—и здѣсь лежитъ его центральная мысль,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ Европа не перестанетъ быть „мѣщанскою“. Самый соціализмъ ея, если она его и реализуетъ въ своей жизни, будетъ „соціализмомъ мѣщанскимъ“, ибо и европейскій рабочій—„будущій (курсивъ Герцена) мѣщанинъ“. Что это значитъ? Это значитъ, что въ идеѣ „соціализмъ“ Герценъ видѣлъ двѣ проблемы: экономическую, сводящуюся къ обобществленію орудій производства, и другую, духовную,—въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова,—проблему свободной личности.

Проблема первая значенія, конечно, колоссальнаго, и внѣ разрѣшенія „Magenfrage“ все остальное будетъ всегда звучать для массъ трудящихся не болѣе, какъ насмѣшкой надъ ихъ положеніемъ, но, тѣмъ не менѣе, соціализмъ разрѣшеніемъ одной этой проблемы отнюдь не исчерпывается.

Вторую проблему Европа не разрѣшитъ, первую—быть можетъ, да, быть можетъ, нѣтъ. Такъ думалъ Герценъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, такъ же думалъ онъ и въ концѣ шестидесятыхъ. Къ этому предмету его мысль постоянно обращалась, на немъ сосредоточивалась, имъ болѣла. „Занимался ли кто-нибудь серьезно,—писалъ онъ уже незадолго до смерти,—физіологіей общественной жизни, исторіей, какъ дѣйствительно объективной наукой? Никто: ни консерваторы, ни радикалы, ни

философы, ни историки". Между тѣмъ, именно проблемой, формулированной Герценомъ словами: „гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу", — и занимался Марксъ, пришедшій къ заключеніямъ, извѣстнымъ подъ именемъ „научнаго соціализма". Необходимо замѣтить, однако, что Марксъ занимался, главнымъ образомъ, лишь экономической стороной этой проблемы. Тѣмъ не менѣе, позволительно поставить вопросъ: какъ отнесся бы Герценъ къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришелъ Марксъ? Живя много времени въ одномъ и томъ же городѣ, Марксъ и Герценъ не были между собою даже знакомы („Маркса я совсѣмъ не зналъ", писалъ въ „Былomъ и Думахъ" самъ Герценъ), но Герценъ, повидимому, не познакомился и съ литературными работами Маркса. По крайней мѣрѣ, объ этомъ онъ нигдѣ и ничего не говоритъ. Но если бы познакомился, — какъ взглянулъ бы онъ на ученіе, извѣстное подъ именемъ „марксизма"? Принимая во вниманіе и огромный интересъ Герцена къ тѣмъ же вопросамъ, которыми занимался и Марксъ, и цѣнность работъ послѣдняго съ той именно точки зрѣнія, съ которой хотѣлъ, чтобы былъ изслѣдованъ вопросъ, самъ Герценъ (съ точки зрѣнія „физіологіи общественной жизни, какъ дѣйствительно объективной науки", т. е. съ точки зрѣнія, съ которой, по словамъ Герцена, „никто не занимался"), позволительно предположить, что одною своею стороною марксизмъ могъ бы Герцена удовлетворить. Герценъ самъ думалъ, что Европа можетъ достигнуть соціалистическаго строя, хотя, можетъ быть, она его и не достигнетъ. Познакомившись съ ученіемъ Маркса, Герценъ, думается намъ, ска-

залъ бы, что теперь „возможность“ достиженія онъ готовъ замѣнить „вѣроятностью“ и даже болѣе того, такою степенью вѣроятности, которая приближаетъ ее къ необходимости. Но это касалось бы одной лишь экономической стороны проблемы соціализма въ Европѣ. На вопросъ—почему соціализмъ европейскій *не* будетъ „мѣщанскимъ“, въ ученіи Маркса Герценъ отвѣта не нашелъ бы, и, стало быть, его взглядъ выразился бы тогда такимъ образомъ: по самому ходу вещей реализація соціалистическаго строя въ Европѣ очень вѣроятна, почти неизбѣжна, но и соціализмъ этотъ будетъ соціализмомъ „мѣщанскимъ“.

Что Герценъ взглянулъ бы на экономическую сторону дѣла въ проблемѣ соціализма и на основателя „научнаго соціализма“ Маркса такимъ именно образомъ, на то существуютъ и нѣкоторыя данныя.

Узнавши въ концѣ шестидесятыхъ годовъ о порученномъ Бакунину переводѣ на русскій языкъ „Капитала“ Маркса, Герценъ писалъ Огареву:

„Дай Богъ успѣха бакунинскому переводу Маркса. Я одного не понимаю, почему же онъ держалъ подъ сурдинкой свои сношенія съ нимъ? Вся моя вражда къ марксидамъ изъ-за Бакунина“.

Это значитъ, что принципіальныхъ расхожденій съ „марксидами“ въ такой мѣрѣ, которая соотвѣтствовала бы всей остротѣ личныхъ къ „марксидамъ“ отношеній Герцена, у него не было.

Въ то же время Герценъ писалъ Бакунину съ большой симпатіей о Международномъ Обществѣ Рабочихъ.

„Работники, соединяясь между собою, выдѣляясь въ особое „государство въ государствѣ“, достигающее своего устройства и своихъ правъ помимо ка-

питалистовъ и собственниковъ, составятъ первую сѣть и первый всходъ будущаго экономическаго устройства. Международный Союзъ можетъ вырасти въ Авентинскую гору à l'intérieur. Отступая на нее, міръ рабочій, сплоченный между собою, покинетъ міръ, пользующійся безъ работы, и онъ, отлученный, volens-nolens, пойдетъ на сдѣлки. А не пойдетъ,—тѣмъ хуже для него".

Вспоминая свои встрѣчи съ Герценомъ незадолго до его смерти, П. Д. Боборыкинъ говоритъ: „На второмъ съѣздѣ этого союза (Международнаго Общества Рабочихъ), бывшемъ какъ-разъ въ это время въ Брюсселѣ, я былъ единственный русскій корреспондентъ, сообщавшій въ „Голосъ" подробные отчеты о засѣданіяхъ этого съѣзда. Герценъ заинтересовался этими отчетами и говорилъ о нихъ Вырубову, прося его устроить у себя наше свиданіе". Съ симпатіей относился Герценъ также и къ агитаціи въ Германіи Лассаля, то-есть движенію, отношеніе къ которому Бакунина было рѣзко отрицательнымъ.

Теперь намъ нужно сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ между Бакунинымъ и Марксомъ. Устраняя опять-таки всѣ тѣ болѣе чѣмъ некрасивыя вещи, которыя дѣлалъ по отношенію къ Бакунину Марксъ и исключительно изъ-за которыхъ была вся „вражда къ марксидамъ" Герцена, мы будемъ исходить изъ несомнѣннаго, по нашему мнѣнію, факта, что вражда къ Марксу и „марксидамъ" самого Бакунина имѣла главнымъ основаніемъ не „гадости Маркса" (выраженіе Бакунина въ одномъ изъ его писемъ къ Герцену), а причины характера гораздо болѣе глубокаго.

Дѣло вотъ въ чемъ: отдавая должное Марксу,

какъ теоретику, и признавая въ немъ человѣка „огромныхъ заслугъ по дѣлу соціализма“, Бакунинъ усмотрѣлъ въ прикладной сторонѣ марксизма отреченіе отъ „соціальной революціи“. Онъ ясно видѣлъ, что, сколько бы марксистская соціалъ-демократія въ Европѣ ни произносила революціонныхъ фразъ, на дѣлѣ, идя по пути „марксизма“, она неизбѣжно превратится въ ненавистную Бакунину партію соціальныхъ реформъ. Дѣйствовать черезъ государство, а не противъ государства, дѣйствовать избирательными бюллетенями, а не постояннымъ поддерживаніемъ революціоннаго настроенія рабочихъ массъ, — что другое, не взирая ни на какую революціонную фразеологію, можетъ это обозначать, кромѣ втягиванія рабочаго класса въ русло обычной, мирной, „буржуазной“ жизни? Что другое можетъ это обозначать, кромѣ пріученія трудящихся массъ лишь къ зрѣлищу того, какъ ихъ депутаты, совершенно такъ же, какъ депутаты всѣхъ другихъ партій, законодательствуютъ въ парламентахъ? Пріучать же къ этому значитъ пріучать не къ идеѣ „соціальной революціи“, а къ ожиданію всякихъ благъ сверху, къ „постепеновству“, къ реформизму. Такъ оно въ дѣйствительности и происходитъ, хотя съ этимъ не согласился бы Марксъ, не согласятся и многіе его послѣдователи, но дѣло сейчасъ не въ нихъ. Бакунинъ неоднократно развивалъ эту точку зрѣнія въ письмахъ къ разнымъ лицамъ и, отчасти, въ книгѣ „Государственность и анархія“. (См., напримѣръ, въ этой книгѣ критику Бакунинымъ программы Лассаля. Тамъ же Бакунинъ доказываетъ, что программа эта ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ программы Маркса. „Тѣмъ страннѣе,—говоритъ онъ,—протестъ Маркса,

напечатанный послѣ смерти Лассаля въ введеніи къ „Капиталу“. Марксъ горько жалуется, что его обокралъ Лассаль, присвоивши его идеи“). Но что же противопоставлялъ съ своей стороны Бакунинъ Марксу и Лассалю? Въ чемъ состоялъ его „революціонный соціализмъ“? Вотъ тутъ-то и лежала ахиллесова пята Бакунина. Кромѣ революціонной фразы, поддержанной, правда, всегда его личною готовностью и къ революціонному дѣйствію, противопоставить марксизму онъ ничего не могъ, что и давало полную возможность марксистамъ лишь смѣяться надъ революціонными похожденіями бакунистовъ. (См., напр., брошюру Энгельса—„Die Bakunisten an der Arbeit“). Это и свидѣтельствовало одновременно о двухъ вещахъ: по пути, указываемому Бакунинымъ, рабочее движеніе идти не могло, потому что путь этотъ безплоденъ, какъ извѣстная евангельская смоковница. Путь, указанный Марксомъ, путь плодотворный, но онъ ведетъ неизбѣжно отъ революціонизма къ реформизму. Въ послѣднемъ Бакунинъ былъ совершенно правъ и, какъ человѣкъ съ огромнымъ революціоннымъ темпераментомъ, онъ не хотѣлъ мириться съ такой перспективой; отсюда и вся его грандіозная борьба съ марксистами, какъ въ Интернаціоналѣ, такъ и внѣ его.

Но Герценъ? Могъ ли онъ имѣть что-нибудь противъ тѣхъ выводовъ, которые сдѣлала изъ прикладной стороны марксизма сама жизнь? Ни въ какомъ случаѣ, ибо онъ самъ пришелъ совершенно самостоятельно къ тѣмъ же выводамъ.

„Я нисколько не боюсь слова „постепенность“, опошленнаго шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей,—писалъ Герценъ Бакунину въ концѣ 60-хъ годовъ.—Постепенность

такъ, какъ непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумѣнія. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы мысли о соціологіи могутъ прививаться, какъ оспа, или вливаться въ мозги, какъ вливаютъ лошадямъ лѣкарство въ ротъ“...

„Между мнѣніемъ Лассаля и проповѣдью о неминуемомъ распущеніи государства въ федерально-коммунальную жизнь лежитъ вся разница обыкновеннаго рожденія и выкидыванія“.

Взглядъ Герцена—и къ нему мы еще вернемся ниже — выраженъ здѣсь совершенно ясно и опредѣленно.

Теперь возвратимся къ тому, о чемъ мы уже говорили раньше: ознакомившись съ ученіемъ Маркса, Герценъ, по причинамъ, на которыя мы уже указали, сказалъ бы, что экономическая сторона проблемы соціализма ученіемъ этимъ разрѣшается удовлетворительно, но—прибавилъ бы онъ;—это нисколько не колеблетъ моего убѣжденія, что самый соціализмъ въ Европѣ будетъ, тѣмъ не менѣе, соціализмомъ „мѣщанскимъ“. Чтобы не быть таковымъ, ему чего-то не хватаетъ. Чего же именно? Многаго. Да вотъ, хотя бы съ вопросомъ объ „освобожденіи женщины“, съ тѣмъ самымъ вопросомъ, который подняли въ Парижѣ еще въ тридцатыхъ годахъ „восторженные юноши“—сенъ-симонисты—и который произвелъ столь сильное впечатлѣніе въ далекой Москвѣ на другихъ юношей, сидѣвшихъ тогда на школьной скамьѣ, студентовъ,—какъ обстоитъ дѣло съ этимъ вопросомъ до сихъ поръ въ Европѣ?

Много ли француженокъ, нѣмокъ, англичанокъ, швейцарокъ,—о русскихъ здѣсь сейчасъ рѣчь не

идетъ,—ищутъ высшаго образованія, хотя двери университетовъ для нихъ и открыты? Велики ли перемѣны въ бытѣ женщины, во взглядѣ на нее мужчины и въ буржуазной, и въ рабочей средѣ Европы? Тургеневъ говорилъ П. А. Крапоткину, что между взглядомъ на женщину русскихъ и взглядомъ европейцевъ онъ видитъ огромное различіе. Крапоткинъ возражалъ Тургеневу тѣмъ, что послѣдній черпалъ свои наблюденія лишь изъ жизни высшихъ классовъ Европы, тогда какъ среди рабочихъ это вовсе не такъ. Но потомъ, присмотрѣвшись къ тому же явленію пристальнѣе, именно среди рабочихъ, Крапоткинъ призналъ, что Тургеневъ былъ совершенно правъ, что тутъ лежитъ дѣйствительно, — Крапоткинъ употребилъ именно это выраженіе,—„глубокая пропасть“ („Записки революціонера“, стр. 388). Чѣмъ, какъ не „мѣщанствомъ“,—сказалъ бы Герценъ,—все это объясняется?

Элементы для иного, нежели на западѣ, рѣшенія проблемы соціализма,—соціализма въ широкомъ смыслѣ, а не одной только его экономической стороны, — Герценъ видѣлъ, кромѣ русской крестьянской общины, также въ необыкновенно свободной личности русскаго интеллигента и въ особенности—Россіи одной свойственномъ характерѣ всей русской литературы.

„Русскій, сбрасывающій съ себя цѣпи рабства,—писалъ онъ,—становится самымъ свободнымъ человѣкомъ въ Европѣ“.

„Послѣ крестьянскаго коммунизма, — говоритъ онъ же въ „Письмѣ къ Мишле“,—ничто такъ глубоко не характеризуетъ Россію, ничто не предвѣщаетъ ей столь великой будущности, какъ ея литературное движеніе“.

Съ этими наблюденіями, съ этими мыслями, съ этими чувствами, съ этими надеждами и упованіями сталъ жить Герценъ въ Лондонѣ. Между тѣмъ, для Россіи время стояло исключительно тяжелое. То были послѣдніе годы царствованія Николая Павловича, въ которое, послѣ европейскихъ событій 1848 года, надъ мыслью русской терроръ усилился до степени, когда уже казалось, что та близка къ удушенію. Тяжелое время переживалъ въ полномъ отчужденіи отъ Россіи и Герценъ, но онъ не только не падалъ духомъ, а рѣшилъ бороться съ условіями крѣпостной и рабской Россіи съ удвоенною энергіею. Съ этой цѣлью онъ поставилъ въ Лондонѣ первый станокъ вольной русской прессы. Скоро пушка, наведенная Герценомъ на Петербургъ, дала первый выстрѣлъ... Объ этомъ огромномъ событіи въ исторіи русскаго освободительнаго движенія нѣкоторыя подробности извѣстны изъ „Былого и Думъ“ Герцена, въ то именно время писавшаго и свои геніальные мемуары; но три года тому назадъ въ Москвѣ вышли „Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена“, дополняющіе во многомъ этотъ, къ великому сожалѣнію, наименѣе еще освѣщенный въ литературѣ періодъ жизни лондонскаго изгнанника.

Кто такая М. К. Рейхель? Это та самая, вышедшая впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго композитора Рейхеля, Марія Каспаровна Эрнъ, о которой мы упоминали вскользь, когда говорили о вятской жизни Герцена, какъ о дѣвочкѣ, которую онъ отправилъ учиться изъ Вятки въ Москву и которая черезъ много лѣтъ послѣ того уѣхала съ семьею Герцена за границу. Вотъ эта-то М. К. Рейхель, здравствующая до настоящаго времени, и вы-

пустила три года тому назадъ свои чрезвычайно интересные „Отрывки изъ воспоминаній“ и цѣлый рядъ неизвѣстныхъ до того времени писемъ къ ней А. И. Герцена. Вотъ изъ этихъ-то писемъ, какъ освѣщающихъ событія наилучшимъ образомъ („письма лучше, чѣмъ воспоминанія,—писалъ однажды самъ Герценъ,—на нихъ запеклась кровь событій. Это само прошедшее—задержанное и нетлѣнное“), мы и приведемъ рядъ цитатъ. Необходимо упомянуть, что послѣ смерти Натальи Александровны А. И. Герценъ просилъ жившую въ Парижѣ М. К. Рейхель быть воспитательницей его дочери. Г-жа Рейхель на это согласилась,—отсюда и постоянная переписка между нею и жившимъ въ Лондонѣ Герценомъ.

Теперь перейдемъ къ цитатамъ изъ этихъ писемъ.

Вотъ что писалъ Герценъ М. К. Рейхель въ письмѣ отъ 24 февраля 1853 года: „Отгадайте, что я дѣлалъ? Разъ, два, три—навѣрное не отгадаете. Увлеченный примѣромъ того и другого, я подумалъ, чѣмъ же я хуже людей и Россія хуже басурманскихъ народовъ,—отчего же и мнѣ не сманифестить? Сейчасъ—перо, бумагу и пишу: вольное русское книгопечатаніе въ Лондонѣ, „братія“, и какъ слѣдуетъ,—во-вторыхъ, въ-третьихъ. Ну, ужъ вы, разумѣется, намоете мнѣ голову (оно и кстати: я ее не мылъ съ Средиземнаго моря)... Но еще сманифестовать нечего, а то, вѣдь, я серьезно завожу друкарню, и такая пошла дѣятельность—всѣ расходы я взялъ на себя“.

Вскорѣ Герценъ писалъ по тому же поводу опять:

„Вчера письмо, сегодня другое. Я получилъ

вашу отписочку. Милыя мои проповѣдницы осторожности, не извиняйтесь, Бога ради. Бояться за другихъ столь же благородно, сколько гадко бояться за себя. Неужели вы думаете, что я хочу друзей подъ сюркупъ подвести? Проектъ моей типографіи очень важенъ, это послѣдній запросъ Россіи, онъ можетъ не удаться. Русскіе оцѣнятъ мою вѣру въ нихъ... Создать элементы, которыхъ нѣтъ, никто не можетъ. Я не преподобный Осипъ Ивановичъ (такъ, по словамъ М. К. Рейхель, Герценъ шутливо называлъ Джузеппе Маццини), я не думаю, чтобы могло что-нибудь практическое быть, кромѣ освобожденія крестьянъ".

Но условія жизни въ Россіи дѣйствовали развращающимъ образомъ даже и на лучшихъ русскихъ людей тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ. Около этого времени Герцену стало извѣстно письмо Кетчера къ Мельгунову, въ которомъ Кетчеръ очень грубо отозвался о политическихъ воззрѣніяхъ Огарева (повидимому, онъ выразился о немъ, какъ о „преступникѣ"), и, отчасти подъ впечатлѣніемъ такого поворота мыслей Кетчера (припомнимъ, что Кетчеръ былъ близкимъ человѣкомъ въ московскомъ кружкѣ Герцена и Огарева, что онъ перевелъ для „Телескопа" написанное въ подлинникѣ по-французски знаменитое первое „Философическое письмо" Чаадаева и т. д.), отчасти подъ впечатлѣніемъ отсутствія всякихъ отликовъ изъ Россіи, Герценъ писалъ г-жѣ Рейхель:

„Сердце мое переполнено горечи. Всѣ, кромѣ васъ, оставляютъ меня (кромѣ тѣхъ, которыхъ я хочу оставить), я всѣмъ недоволенъ... Грубое письмо Кетч. къ Мел. напомнило мнѣ всю дрянную сторону нашего круга. Наконецъ, ихъ трусость заста-

вляетъ меня краснѣть передъ поляками. Поляки не вѣрятъ, что я не переписываюсь, и добродушно берутся доставлять письма. Имѣть такой органъ, какой русскіе имѣютъ теперь черезъ меня, имъ и въ 20 лѣтъ не придется, но для этого надобно что-нибудь дѣлать, — это и имѣетъ свои неудобства. Напр., главное теперь пропаганда объ эмансипаціи мужиковъ. Пусть пришлютъ всякій матеріалъ хоть къ вамъ".

8 апрѣля Герценъ писалъ:

„Типографія будетъ, и если я ничего не сдѣлаю, то эта иниціатива русской гласности когда-нибудь будетъ оцѣнена".

2-го мая:

„Я все время писалъ „Вятскія воспоминанія". Много смѣшного, еще больше грязнаго, да еще написалъ такъ, къ слову, небольшую статейку о Россіи, напечатанную по-польски. Вотъ еще на новомъ языкѣ я издаюсь".

О какой именно статейкѣ идетъ здѣсь рѣчь, мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не могли опредѣлить. Не помогутъ ли выяснить этотъ вопросъ знатоки польской заграничной печати. Фактъ относится, очевидно, къ первой половинѣ 1853 года.

Марія Каспаровна передала Герцену чье-то мнѣніе о Маццини, какъ о „безумномъ". На это Герценъ писалъ въ отвѣтъ:

„Нѣтъ, Осипъ Ивановичъ не безумный. Я третьяго дня долго говорилъ съ его другомъ (повидимому, съ Саффи) и со слезами разстался съ нимъ. И пусть меня проклянутъ съ нимъ, но ни въ Америку, ни въ Австралію я не поѣду. (Очевидно, друзья изъ Россіи совѣтовали Герцену бросить начатое дѣло и уѣхать куда-нибудь подальше. Такой именно совѣтъ

далъ вскорѣ послѣ того Герцену лично посѣтившій его Щепкинъ). Когда вся жизнь сойдетъ на самосохраненіе и на обдуманность, т. е. на нравственную буржуазію, тогда прощай поэзія, прощай удвоенное біеніе сердца, и все прекрасное, и все энергичное!..Cara mia, поймите, что типографія есть дѣйствіе, событіе, и это событіе, такъ оцѣненное людьми, менѣе русскихъ привычными къ праздной осторожности, что на-дняхъ англичанинъ-литераторъ, едва мнѣ знакомый, предложилъ свои средства доставлять, что хочу... Исторія съ моей брошюрой принесла мнѣ упрекъ только изъ Россіи".

Рѣчь идетъ, повидимому, о брошюрѣ „Du développement etc.", за изданіе которой упрекали Герцена его „друзья". Это было ему, конечно, очень тяжело...

Герценъ хотѣлъ бороться, но и у него вырываются скорбныя ноты:

„Au reste, justice avant tout,—писалъ онъ г-жѣ Рейхель,—я въ объявленіи сказалъ: «вотъ вамъ дверь, хотите ли воспользоваться—это ваше дѣло». Типографія—запросъ. Пусть же будетъ всему міру извѣстно, что въ половинѣ XIX столѣтія безумецъ, вѣрившій и любившій Россію, завелъ типографію для русскихъ, предложилъ имъ печатать даже даромъ, потерялъ свои деньги и ничего не напечаталъ, кромѣ своихъ ненужныхъ статей"...

Въ письмѣ отъ 9 іюня Герценъ опять касается все той же больной темы:

„На-дняхъ пріѣдетъ Мих. Сем. (Щепкинъ). Я шесть лѣтъ говорю всѣмъ отправляющимся, что у Хрис. (г-жа Рейхель полагаетъ, что Кетчеръ) есть полный списокъ ненапечатанныхъ стиховъ Пушкина. Теперь знаютъ въ Москвѣ о типографіи; хотите

пари держать, что и Мих. Сем. не привезетъ ихъ? Что лучше, моя ли неосторожная дѣятельность, которая никогда никого не компрометировала, или эта осторожная воздержанность?“

Пріѣзда Щепкина, тѣмъ не менѣе, Герценъ ожидалъ съ большимъ волненіемъ. Наконецъ свиданіе старыхъ друзей состоялось и... чѣмъ же оно кончилось?.. Щепкинъ сталъ убѣждать Герцена прекратить начатое имъ въ Лондонѣ дѣло, уѣхать въ Америку, дать забыть себя, дабы потомъ можно было начать хлопоты о возвращеніи въ Россію.

„Я видѣлъ ясно,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ,—что это было не только (курсивъ Герцена) личное мнѣніе Щепкина. „Если то, что я печатаю, дурно, скажите друзьямъ, чтобы они присылали свои рукописи“.—Никто ничего не пришлетъ,—говорилъ уже раздраженнымъ голосомъ старикъ. Мои слова его сильно огорчали“. Герценъ, разумѣется, совѣту Щепкина не послѣдовалъ.

Въ письмѣ къ г-жѣ Рейхель Герценъ говоритъ о 3-мъ сентября, днѣ свиданіи съ Щепкинымъ, съ тяжелымъ чувствомъ:

„Мих. Сем. проводилъ,—и какъ пошелъ одинъ по Лондону бродить, такъ стало сиротливо, страшно... Много пользы сдѣлалъ мнѣ Мих. Сем. Всѣ правды лучше лжей, чего бы ни стоили. Симпатія можетъ и будетъ въ будущемъ поколѣніи. А сердечная связь въ настоящемъ“...

Отъ 16-го сентября:

„Ваше письмо грустно. Знаете ли причину? Вы настолько вжились въ больную, но возбужденную среду нашу, что облако удушающей русской жизни,

захваченное съ собой Мих. Сем., задавило и въ васъ на мигъ все свѣтлое. Вотъ что было со мной дня четыре еще послѣ его отъѣзда. Самъ Мих. Сем.—лучшее доказательство, что это не на самомъ дѣлѣ такъ,—нѣтъ, эта атмосфера не Россіи, а московскихъ доктринеровъ, нашихъ состарившихся друзей... Нельзя не сознаться—наши друзья представляютъ несчастное, застрадавшееся, затомившееся, благородное поколѣніе—но не свѣжую силу, не надежду, не дѣтскій, звонкій привѣтъ будущему“...

Отъ 17 ноября:

„Я вамъ не писалъ еще ничего о письмѣ Мих. Сем. (Очевидно, Щепкинъ продолжалъ настаивать и въ письмѣ на правотѣ своего взгляда. В. Б.). Я не думаю, чтобы вы дѣлили его взглядъ,—это благородная, теплая, но надломленная рабствомъ натура. Для него еще и рѣчь свободная кажется дерзостью. Положимъ, что человѣкъ и ошибается, но гдѣ же преступленіе? (И тутъ рѣчь, видимо, идетъ, какъ и у Кетчера, о „преступленіи“! В. Б.). Непривычность къ свободной рѣчи увеличиваетъ въ ихъ глазахъ опасность... Это мнѣнія византійскія, du découragement, de l'abattement“.

Наступила крымская война.

Въ пресловутой „Kreuz-Zeitung“ появилась замѣтка о прокламаціяхъ, будто бы написанныхъ Герценомъ къ русскимъ солдатамъ. Въ письмѣ къ М. К. Рейхель по этому поводу Герценъ писалъ:

„Насчетъ „Kreuz-Zeitung“ не бойтесь, скоты эти мнѣ помогаютъ: разумѣется, все, что они пишутъ,—вздоръ. Стану ли я во время войны писать солдатамъ? Я — русскій и становлюсь

вездѣ, какъ русскій. Но шумъ ихъ и толки полезны".

Таковъ отвѣтъ самого Герцена на возводимыя на него низкія клеветы.

Типографія работала; кромѣ нѣсколькихъ брошюръ и отрывковъ изъ „Былого и Думъ" („Тюрьма и ссылка"), русскаго перевода писемъ Герцена къ Линтону (Letters to W. Linton, Esq.—по-русски подъ заглавіемъ—„Старый міръ и Россія"), стали ежегодно выходить книжки „Полярной Звѣзды".

Между тѣмъ 18 февраля 1855 года умеръ императоръ Николай, и въ Россіи началась „весна".

„Смерть Николая удесятерила надежды и силы,—вспоминаетъ Герценъ.—Вся Россія легче вздохнула". Герценъ давно уже говорилъ, что очередной вопросъ въ Россіи—вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; теперь онъ же первый поднялъ по этому поводу голосъ, имѣвшій уже и извѣстное практическое значеніе.

Николай умеръ 18 февраля. Едва былъ онъ похороненъ, какъ уже Герценъ обратился (10 марта) къ Александру Второму съ открытымъ письмомъ, въ которомъ говорилъ о неотложныхъ реформахъ. Письмо это разошлось по всей Россіи въ многочисленныхъ копіяхъ и произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе: Русь не привыкла, чтобы съ ея повелителями говорили въ такомъ тонѣ... Между тѣмъ, будучи полнымъ достоинства, письмо было въ то же время чрезвычайно сдержаннымъ и обличавшимъ въ авторѣ глубочайшее сознаніе важности предмета и момента.

„Разумѣется, моя хоругвь — не ваша,—писалъ Герценъ Александру Второму. Я — неисправимый соціалистъ. Вы — самодержавный императоръ. Но

между вашимъ знаменемъ и моимъ можетъ быть одно общее... любовь къ народу.

„Дайте землю крестьянамъ. Она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія, залѣчите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братій, — эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку.

„Дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляетъ грудь отъ недостатка простора, она стонетъ въ цензурныхъ колодкахъ. Дайте намъ вольную рѣчь... намъ есть что сказать міру и своимъ.

„Я стыжусь, какъ малымъ мы готовы довольствоваться. Мы хотимъ вещей, въ справедливости которыхъ вы такъ же мало сомнѣваетесь, какъ и всѣ.

„На первый случай намъ и этого довольно...

„Быть можетъ, на той высотѣ, на которой вы стоите, окруженный туманомъ лести, вы удивитесь моей дерзости. Можетъ, даже разсмѣетесь надъ этой потерянной песчинкой изъ семидесяти милліоновъ песчинокъ, составляющихъ вамъ гранитный пьедесталъ.

„Государь, если эти строки дойдутъ до васъ, прочтите ихъ беззлобно одни,—и подумайте потомъ. Вамъ не часто придется слышать голосъ свободнаго русскаго“.

1-го января 1856 года Герценъ писалъ г-жѣ Рейхель такія строки:

„Вотъ вамъ для новаго года новость. Вчера пришло ко мнѣ письмо отъ анонима изъ Петербурга, которое меня, да и не меня одного, тронуло до слезъ. Юноши благодарятъ меня за монографію и за „Полярную Звѣзду“. Письмо такъ мило, горячо, что я велю Сашѣ (сыну—впо-

слѣдствіи извѣстному, нынѣ покойному, профессору физіологіи въ лозанскомъ университетѣ. В. Б.) переписать и пришлю для новаго года".

События пошли съ большою быстротою. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ вмѣстѣ съ другими вопросами занялъ вниманіе всего русскаго общества. Герценъ откликался на всѣ эти вопросы съ величайшею энергіею. Его вліяніе росло. Скоро онъ убѣдился въ необходимости поставить первый русскій вольный періодическій ежемѣсячникъ, посвященный „злобамъ дня". То былъ знаменитый „Колоколъ", звонъ котораго гудѣлъ цѣлый рядъ лѣтъ во всѣхъ концахъ Россіи. То была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и послѣдняя, самая славная и въ то же время самая трагическая, эпоха жизни Герцена. Къ ней мы теперь и перейдемъ.

V.

Послѣдній періодъ жизни

(1857—1870 гг.).

Первый ударъ „Колокола" прогудѣлъ съ береговъ Темзы 1 іюля 1857 года.

Колъ-о̀-колъ, какъ острилъ впослѣдствіи Герценъ.

Это означаетъ—клинъ клиномъ выбивай.

Не хотите, чтобы голосъ свободной человѣческой рѣчи раздавался въ самой Россіи, такъ будете же вы его слушать извнѣ, будете скрежетать зубами отъ безсильной злобы на него и... въ концѣ-концовъ сдадитесь... Дѣло бывалое... Не вы первые, не вы и послѣдніе...

Тогда будетъ запѣта и пѣснь, теперь не до пѣсни.

Въ странѣ свободы пѣсни льются,—
Въ странѣ рабовъ тамъ пѣсенъ нѣтъ,
Тамъ только стоны раздаются.
Свобода—жизнь! Свобода—свѣтъ!

Такъ можно выразить направленіе и настроеніе лондонскаго журнала, „звонившаго“ въ полномъ соотвѣтствіи съ основой психической природы самого издателя „Колокола“, которому и теперь, какъ и всю жизнь его, по-прежнему

Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! Свобода!

Печать въ самой Россіи находилась въ то время до такой степени въ замундштученномъ состояніи, что обмолвиться, хотя бы единымъ словомъ, не только въ похвалу, но даже и въ порицаніе „лондонскому звону“, было очень долго совершенно невозможно. И характерная вещь: по недосмотру ли цензуры или съ ея благословенія, но первое упоминаніе о „Колоколѣ“ въ Россіи появилось въ одномъ петербургскомъ уличномъ листкѣ въ формѣ акростиха (Герценъ потомъ его перепечаталъ), который читается такъ:

„Колокольщику петля готова“.

Уже впослѣдствіи на Герцена былъ спущенъ съ цѣпи Катковъ, а потомъ все, что только было въ Россіи мракобѣснаго, стало, по этому поводу, съ милостиваго разрѣшенія квартальныхъ надзирателей, на „истинно-русскій“ ладъ

Звонить во всѣ колокола.

Но раньше, чѣмъ произошло поруганіе „Колокола“ Катковымъ съ братьею, лондонскій журналъ Герцена пережилъ и иное время.

Въ первые годы существованія „Колокола“ его вліяніе было колоссальнымъ, безпримѣрнымъ. Передъ его обличеніями трепетали не имѣвшіе до того времени представленія, что такое контроль печати, вершители судебъ Россіи; его читалъ Александръ Второй, назначая слѣдствія по возбуждаемымъ лондонскимъ журналомъ дѣламъ,—таково было, напр., слѣдствіе по знаменитому въ свое время, скрытому всѣми инстанціями, дѣлу о подстрѣлившемъ своего управляющаго „стрѣлкѣ Кочубеѣ“; въ него лился дождь корреспонденцій; личной бесѣды съ его редакторомъ добивались, какъ величайшей чести. И кто только не перебывалъ тогда у Герцена—отъ либеральныхъ генераловъ и до придворныхъ дамъ; отъ Льва Николаевича Толстого и до Николая Гавриловича Чернышевскаго; отъ братьевъ флигель-адъютантовъ графовъ Ростовцевыхъ, уволенныхъ за это отъ службы, и до—horribile dictu!—Михаила Никифоровича Каткова, льстившаго Герцену, говорившаго ему, что „Колоколъ—власть“, лебезившаго передъ новою силою.

Вспоминая это время, самъ Герценъ потомъ писалъ:

„Безкорыстный Муравьевъ совѣтовалъ подкупить меня; жирафъ въ андреевской лентѣ Панинъ предпочиталъ сманить на службу. Горчаковъ, игравшій между этими „мертвыми душами“ роль Мижуева, усомнился въ моей продажности и спросилъ Панина: „какое-жъ мѣсто предложите ему?“—„Помощника статсъ-секретаря“.—„Ну, въ помощники статсъ-секретаря онъ не пойдетъ“, отвѣчалъ Гор-

чаковъ, и судьба „Колокола“ была предоставлена волѣ Божіей“.

Творились чудеса.

„Горчаковъ съ удивленіемъ показывалъ напечатанный въ „Колоколѣ“ отчетъ о тайномъ засѣданіи государственнаго совѣта по крестьянскому вопросу.

„Кто же,—говорилъ онъ,—могъ сообщить имъ такъ вѣрно подробности, какъ не кто-нибудь изъ присутствовавшихъ?“

Съ тѣмъ самымъ Щепкинымъ, который за нѣсколько лѣтъ до того такъ упрашивалъ Герцена прекратить начатое имъ дѣло печатанія русскихъ книгъ за границею, произошелъ такой, сообщенный Тургеневымъ Герцену, случай: „актеровъ въ Москвѣ вздумали прижать, отнять у нихъ ихъ собственныя деньги. Они рѣшили отправить отъ себя депутатомъ старика Щепкина искать правды у Гедеонова (директора императорскихъ театровъ). Тотъ, разумѣется, и слышать не хочетъ. „Тогда,—говоритъ Щепкинъ,—придется пожаловаться министру“.—„Не смѣете!“ — „Въ такомъ случаѣ, — возразилъ Щепкинъ,—остается пожаловаться «Колоколу»“.—Гедеоновъ вспыхнулъ и кончилъ тѣмъ, что деньги возвратилъ актерамъ. Вотъ, братъ, какія штуки выкидываетъ твой «Колоколъ»“. (Письма Тургенева къ Герцену, стр. 116). Вспомнилъ ли при этомъ Щепкинъ свой разговоръ съ Герценомъ о „вольной русской типографіи“—неизвѣстно...

Вся интеллигентная Россія была отъ „Колокола“ въ восторгѣ. Т. Г. Шевченко заносилъ въ свой дневникъ такія слова: „я впервые увидалъ эту газету и благоговѣйно поцѣловалъ ее“. Онъ же писалъ, что хочетъ перерисовать Герцена для себя,

„почитая имя этого святого человѣка“. Въ письмѣ къ Герцену Кавелинъ писалъ: „Я не могу любить тебя, какъ совершенно равнаго, потому что преклоняюсь передъ тобой и вижу въ тебѣ великаго человѣка... Тебѣ лавровый вѣнецъ, представителю русской мысли, чающей свое величіе и свою неизмѣримую будущность... Я плакалъ надъ твоими статьями, зналъ ихъ наизусть, выбиралъ изъ нихъ эпиграфы для будущихъ историческихъ трудовъ, изслѣдованій политическихъ и философскихъ“... Можно было бы наполнить цѣлыя страницы восторженными отзывами о Герценѣ и его журналѣ людей, составлявшихъ цвѣтъ Россіи того времени.

Но обратимся къ программѣ „Колокола“.

Герценъ стремился всю жизнь къ свободѣ, къ освобожденію человѣческой личности. Поставивши въ 1857 году періодическій органъ для служенія интересамъ Россіи, онъ, оставаясь „неисправимымъ соціалистомъ“, выдвинулъ такую программу минимумъ, безъ воплощенія которой въ русскую жизнь все остальное неизбѣжно висѣло бы въ воздухѣ. Эта программа можетъ быть сведена къ одной формулѣ: освобожденіе Россіи отъ тѣхъ золъ, которыя являлись наиболѣе ядовитыми въ предшествовавшую эпоху. Герценъ развернулъ эту формулу въ первомъ же номерѣ „Колокола“ въ три конкретныя положенія:

1) „Освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ“.

2) „Освобожденіе слова отъ цензуры“.

3) „Освобожденіе податнаго состоянія отъ побоевъ“.

Но, будучи самъ уже свободенъ отъ цензуры, Герценъ тутъ же заявилъ, что сдѣлаетъ эту свободу орудіемъ служенія интересамъ народа.

„Посвященный исключительно русскимъ интересамъ,—писалъ Герценъ,—„Колоколъ“ будетъ звонить (курсивъ подлинника), чѣмъ бы ни былъ затронутъ,—нелѣпымъ указомъ или глупымъ гоненіемъ раскольниковъ, воровствомъ сановниковъ или невѣжествомъ сената. Смѣшное и преступное, злонамѣренное и невѣжественное—все идетъ подъ «Колоколъ»“.

Чтобы понять ходъ дальнѣйшихъ событій, надо вдуматься въ ту атмосферу, которая окружала дѣло эмансипаціи Россіи тогда, когда Александръ Второй начиналъ это дѣло на берегахъ Невы, а Герценъ—на берегахъ Темзы. Эта атмосфера была атмосферою, полною внутреннихъ противорѣчій. Мы убѣждены, что въ 1857 году, при обнаружившемся настроеніи Александра Второго взять на себя иниціативу рѣшенія крестьянскаго вопроса и при полномъ отсутствіи въ Россіи такого общественнаго слоя, который могъ бы явиться инымъ центромъ для соціально-политической реорганизаціи Россіи, выставляя свою программу - минимумъ, Герценъ былъ не только совершенно правъ, но и обнаружилъ необыкновенно глубокій взглядъ на задачи постановки при такихъ условіяхъ заграничнаго органа и на объективныя условія для разрѣшенія такихъ задачъ. Отрекался ли Герценъ, выставляя столь „умѣренную“ программу, отъ своихъ коренныхъ воззрѣній „неисправимаго соціалиста“? Конечно, нѣтъ. Вся разница съ Герценомъ предыдущаго времени состояла въ томъ, что прежній соціалистъ-теоретикъ теперь искалъ путей стать соціалистомъ-практикомъ. Умѣренность программы „Колокола“ нѣкоторыми публицистами ставится Герцену въ укоризну. Справедливо ли это? Почему, въ самомъ дѣлѣ, Герценъ не загово-

рилъ сразу, съ первыхъ же строкъ своего изданія, „о республикѣ, о солидарности народовъ“ и прочемъ? Онъ самъ отвѣчаетъ на это словами, что если бы „Колоколъ“ взялъ подобный тонъ, то ему пришлось бы выслушать такое возраженіе: „Что вы намъ толкуете о всемірной республикѣ, которой нигдѣ нѣтъ, о братствѣ народовъ, которые вездѣ рѣжутся? Мы все это читали у Руссо и Вольтера, въ исторіи первой революціи и газетахъ 1848 года. У насъ теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину, ну, гдѣ же намъ читать ваши декларації. И „Колоколу“ пришлось бы прикусить свой желѣзный языкъ“.

Но какія же ваши надежды, на чемъ основаны ваши упованія, что вы кого-то убѣдите и дѣло придетъ къ желанному концу? — можно было бы спросить Герцена.

Въ предвидѣніи возможности подобныхъ вопросовъ Герценъ писалъ о Пьемонтѣ слѣдующія строки:

„Въ концѣ 1847 года управленіе его было іезуитское и инквизиторское, безъ всякой гласности, но съ тайной полиціей, съ страшной свѣтской и духовной цензурой, убивающей всякую умственную дѣятельность. Прошло десять лѣтъ и Пьемонтъ нельзя узнать: физіономія городовъ, народонаселенія измѣнилась, вездѣ новая, удвоенная жизнь, открытый видъ, дѣятельность, а вѣдь эта революція была безъ малѣйшихъ толчковъ, для этой перемѣны достаточно было одной несчастной войны и ряда уступокъ общественному мнѣнію (курсивъ Герцена) со стороны правительства. Артисты-революціонеры не любятъ этого пути,—мы это знаемъ, но намъ до этого дѣла нѣтъ, мы просто люди глубоко убѣ-

жденные, что нынѣшнія государственныя формы Россіи никуда не годны,—и отъ души предпочитаемъ путь мирнаго человѣческаго развитія—пути развитія кроваваго; но вмѣстѣ съ тѣмъ также искренно предпочитаемъ самое бурное и необузданное развитіе—застою николаевскаго Statu quo".

Вопросъ поставленъ совершенно ясно и опредѣленно: у насъ тоже только-что имѣла мѣсто крымская „несчастная война", значитъ—надо попытаться заставить правительство дать „рядъ уступокъ общественному мнѣнію", и мы, быть можетъ, пойдемъ по пути Пьемонта. Но если не нужно было выставлять программу съ тѣми требованіями, выставить которыя полагалось бы „неисправимому соціалисту", то почему не выдвинулъ онъ, по крайней мѣрѣ, пункта объ ограниченіи самодержавія?

И на такой вопросъ отвѣтъ совершенно ясенъ: въ этотъ моментъ Герценъ,—и не онъ одинъ, а и вся русская интеллигенція съ Чернышевскимъ во главѣ, вѣрили въ возможность реформъ сверху.

Герценъ считалъ выставленіе такого требованія, по условіямъ момента, несвоевременнымъ. Надо было сначала попытаться поговорить другимъ языкомъ

„Самодержавная революція,—писалъ онъ,—могла вести Россію къ великому развитію ея неистощимыхъ силъ, невѣдомыхъ возможностей, не проливши ни одной капли крови, не поставивши ни одной висѣлицы и дѣлая изъ сибирскаго тракта путь богатства и обмѣна вмѣсто пути слезъ и скрежета зубовнаго".

Когда рескриптомъ 20-го ноября 1857 года Александръ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ пе-

рѣшелъ Рубиконъ, то Герценъ привѣтствовалъ этотъ актъ въ знаменитой статьѣ „Черезъ три года“ словами, которыя много разъ воспроизводились и комментировались въ нашей литературѣ.

„Ты побѣдилъ, Галилеянинъ! И намъ легко это сказать, потому что у насъ, въ нашей борьбѣ, не замѣшано ни самолюбія, ни личности. Мы боролись изъ дѣла—кто его сдѣлалъ, тому и честь.

„Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра окончилось, если бы онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ, — все равно освобожденіе крестьянъ сдѣлано имъ (здѣсь и далѣе курсивъ Герцена), грядущія поколѣнія этого не забудутъ.

„Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ остановиться. Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ довершитъ начатое,—пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой—не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе?

„Что касается насъ, — нашъ путь впередъ намѣченъ; мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ, въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни“...

Слышатся иногда и теперь голоса, что такъ увлекался одинъ Герценъ, тогда какъ трезвый умъ другого руководителя русской прогрессивной мысли—Чернышевскаго — на такія увлеченія способенъ не былъ. Еще недавно, по случаю пятидесятилѣтія со дня смерти Добролюбова, одинъ почтенный публицистъ писалъ, что „разночинцы изъ «Современ-

ника»“, въ противоположность Герцену, не дали ни на минуту побѣдить себя „Галилеянину“ и тогда, когда, наконецъ, былъ опубликованъ манифестъ 1861 года“. Это полное заблужденіе. Самъ глава „разночинцевъ изъ «Современника»“, Чернышевскій, привѣтствовалъ акты, положившіе начало эмансипаціи крестьянъ, въ словахъ, хотя, конечно, не отличавшихся блескомъ герценовской формы, но по существу еще болѣе восторженныхъ, чѣмъ даже Герцена.

Взявши эпиграфомъ къ своей статьѣ „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ стихъ изъ псалма: „Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой“, Чернышевскій писалъ въ этой статьѣ объ иниціаторѣ реформы такія строки:

„Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы—счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ“, и т. д. въ томъ же родѣ („Современникъ“ 1858 г., февраль, стр. 393 и др.).

Не противопоставлять надо одно другому настроенія обѣихъ вершинъ русской мысли того времени,—ибо это значитъ или не знать совсѣмъ предмета, или умышленно закрывать глаза на истину,—а понять надо тотъ историческій тупикъ, въ который попала тогда сама русская мысль въ лицѣ ея величайшихъ представителей, и пережить вмѣстѣ съ ними весь глубокій трагизмъ такого положенія. Тогда только мы и выйдемъ на надлежащую дорогу.

Повторяемъ, радужное настроеніе въ средѣ всей русской интеллигенціи, не исключая ея самаго лѣваго фланга, было въ 1857 году всеобщимъ. Мы

видѣли, какъ отозвались на акты, залагавшіе основы освобожденія крестьянъ, Герценъ и Чернышевскій. Тотъ же восторгъ былъ и въ лагерѣ славянофиловъ:

Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

писалъ И. С. Аксаковъ въ стихотвореніи „На новый 1858 годъ".

Предавая „день вчерашній" забвенію, русская интеллигенція, другими словами, давала ему амнистію; но, разумѣется, никакая амнистія не могла распространяться по самому существу своему на „день грядущій". Ему посылался „привѣтъ", но не за то, конечно, что онъ „грядущій", въ смыслѣ хронологическомъ, а за то, что по содержанію своему онъ будетъ кореннымъ образомъ отличаться отъ „дня вчерашняго".

Въ это вѣрили, и было отъ этой вѣры такъ тепло, такъ радостно, что замолкъ на время скепсисъ и у самыхъ скептическихъ натуръ...

А среди молодежи что дѣлалось?

Будущій непреклонный революціонеръ П. А. Кропоткинъ находился въ то время на школьной скамьѣ и „со слезами на глазахъ,—разсказываетъ онъ,—читали мы знаменитую статью Герцена „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ"...

Но... могло ли такое настроеніе продолжаться долго?

Уже скоро, очень скоро послѣ того Герценъ пишетъ, что „Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи"...

Но куда же тогда аппеллировать? Неужели къ начавшему будировать дворянству?

Несомнѣнно, что всякая, самая олигархическая

конституція все лучше того „порядка“, который царилъ при Николаѣ, но, съ другой стороны, столь же несомнѣнно, что дворянство въ массѣ своей проникнуто самымъ крѣпостническимъ духомъ. Другихъ же силъ нѣтъ. Какъ же быть?

Герценъ, конечно, понималъ, къ чему клонитъ дворянство типа Безобразовыхъ, графа Орлова-Давыдова и К°, но когда Кавелинъ издалъ за границей брошюру „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, высказавшись въ ней противъ конституціи и за рядъ соціально-экономическихъ реформъ, проведеніе которыхъ онъ возлагалъ на самодержавную власть, то, прочтя брошюру, Герценъ былъ внѣ себя, требовалъ отъ Кавелина объясненій и заканчивалъ письмо къ своему пламенному поклоннику словами: „буду ждать твоего отвѣта или не буду ждать и тебя!..“

И все-таки, какъ же, однако, было быть? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, поддерживать дворянскую фронду?

Прямого отвѣта на такой вопросъ тщетно стали бы мы искать какъ въ сочиненіяхъ Герцена, такъ равно и въ сочиненіяхъ Чернышевскаго. Ненависть къ крѣпостническому духу массы дворянства, прудонистическая закваска, напоминавшая о предпочтительности „соціальнаго“ „политическому“ и рекомендовавшая „не придавать особаго значенія формамъ“, личный опытъ, — все заставляло Герцена быть въ очень настороженномъ состояніи по отношенію къ дворянскому движенію, но, съ другой стороны, это дворянство выступало в с е ж е противъ самодержавія... Вотъ тутъ и выбирай...

Позже, въ статьѣ, посвященной дворянскому движенію и носящей многоговорящее названіе „1789“, Герценъ писалъ:

„Все (здѣсь и далѣе курсивъ Герцена), что можетъ подмыть, смыть казарму и канцелярію, все, что можетъ увлечь въ общій потокъ и въ немъ распустить бюрократію и сословные монополи, военную администрацію питатскихъ дѣлъ, писарей, обкрадывающихъ казну, казну, обкрадывающую народъ, все это будетъ принято нами съ радостью и восторгомъ,—чьими бы руками ни было сдѣлано".

Но развѣ же это рѣшеніе вопроса? Среди дворянства были, правда, и голоса, высказывавшіеся очень либерально, но развѣ же можно было думать хоть одну минуту, что дворянство въ массѣ своей противъ „сословныхъ монополей"?.. А съ другой стороны—какое иное рѣшеніе вопроса и можно было предложить?.. „Въ топоры"?.. Но это рѣшеніе было столь же антипатично Герцену, сколь и утопично, если бы даже и не было антипатично...

Отсюда и все такъ называемое „шатаніе" Герцена. Шатался не онъ, шаталась сама русская передовая мысль,—да и русская ли только?—не находившая ни рычага, ни точки опоры для приложенія теорій къ практикѣ.

А Чернышевскій? Онъ, конечно, тоже сильно морщился при дворянской адресной кампаніи, подчасъ высказывался по отношенію къ ней въ смыслѣ отрицательномъ весьма рѣшительно, а потомъ... потомъ самъ готовъ былъ называть себя за это „глупцомъ"...

Въ первое время „оттепели" Чернышевскій писалъ о крестьянскомъ вопросѣ, дѣлалъ расчеты на тему „Дорогъ ли выкупъ земли?", настаивалъ на сохраненіи общиннаго землевладѣнія. Герценъ и Огаревъ занимались въ „Колоколѣ" тѣмъ же, славянофилы тѣмъ же.

О славянофилахъ Чернышевскій писалъ, что всѣ „заблужденія“ этихъ людей вознаграждаются „съ избыткомъ“ (курсивъ Чернышевскаго) убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ сёлъ должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ“. На этомъ пунктѣ протягивали славянофиламъ руки и издатели „Колокола“.

Единеніе среди интеллигенціи было единственнымъ въ своемъ родѣ.

Но вотъ приближалось и 19 февраля 1861 года. Его ждали со смѣшаннымъ чувствомъ радости и обманутыхъ надеждъ. Правительство какъ-будто рѣшилось и въ то же время было полно какого-то суевѣрнаго ужаса передъ тѣмъ самымъ дѣломъ, которое оно же и начало. Общество тоже охватило волненіе. Власти перепугались еще болѣе,—въ результатѣ аресты, административныя ссылки.

„Насъ упрекнуть нельзя,—писалъ Герценъ.—Мы держались до послѣдней крайности, до преступнаго назначенія Панина, до самоуправства въ дѣлѣ Унковскаго и Европеуса, до полицейскаго заговора, вслѣдствіе котораго нахватали студентовъ... Прощайте, Александръ Николаевичъ, счастливаго пути! Bon voyage. Намъ сюда“...

И все-таки,—что же, что же дальше? Ну, не по пути,—такъ нашъ-то, нашъ-то какой путь? Гдѣ наше „сюда“...

Опять нѣтъ отвѣта. Все то же отсутствіе точекъ опоры и все та же трагическая невозможность обрѣсти ихъ...

Мысль Герцена напряженно ищетъ выхода. Подумайте только: въ многомилліонномъ крестьянствѣ существуютъ „великіе задатки“, но, вѣдь, это

только задатки, возможности; необходимы и внѣшнія условія для ихъ благопріятнаго развитія, а само крестьянство создать такихъ условій по многимъ причинамъ не въ состояніи. Центральная власть? По какимъ бы то ни было основаніямъ—потому ли, что во главѣ ея опять, какъ въ царствованіе Александра Перваго, оказалась „счастливая случайность", потому ли, что въ интересахъ ея самой жить прежнею жизнью стало опасно („лучше освободить крестьянъ сверху, чѣмъ дождаться, пока они станутъ освобождать себя снизу"), все равно, но власть взяла на себя иниціативу проведенія необходимѣйшей реформы. Это очень хорошо, но развѣ же высшая власть, если даже предположить, что Россія имѣетъ дѣло въ полномъ смыслѣ слова съ „счастливою случайностью",—развѣ же власть эта столь же независима въ дѣйствительности отъ другихъ общественныхъ элементовъ, какъ это пишется на бумагѣ? А природа этихъ элементовъ,—бюрократическихъ и крѣпостническихъ,—оставляетъ ли она много надеждъ на благопріятный исходъ дѣла? Что же еще? „Третьяго сословія", „буржуазіи", какъ сложившейся силы, въ Россіи еще нѣтъ. На нарожденіе такой силы разсчитывалъ Боткинъ, говорилъ о томъ же въ свое время Бѣлинскій. Но Герценъ? Во-первыхъ, разсчитывать на этотъ общественный слой значитъ примириться съ тѣмъ, что Россія не пойдетъ своимъ „особымъ, отличнымъ отъ Европы, путемъ" и, стало быть, будетъ такою же „мѣщанскою", какъ и послѣдняя,—Герценъ же вѣрилъ, что можно „европейскаго" пути миновать; а во-вторыхъ, къ чему сейчасъ толковать о грядущемъ? Фактъ тотъ, что буржуазіи, какъ силы, нѣтъ въ настоящемъ, и, слѣдовательно,

какими бы глазами кто ни смотрѣлъ на ея роль въ будущемъ, вопросъ данной минуты остается все равно висящимъ въ воздухѣ... Горсть едва народждавшейся интеллигенціи? Сила ли это для какихъ бы то ни было дѣйствій? Вотъ игра, которую сдала исторія на зеленомъ столѣ, называемомъ Россіей. Герценъ былъ однимъ изъ игроковъ за этимъ столомъ. Съ какой же карты ему надо было пойти?

Скорбное и жуткое настроеніе выливается изъ-подъ его пера въ строкахъ, написанныхъ имъ передъ 19-мъ февраля:

„Пришла великая суббота, скоро ударитъ колоколъ къ заутренѣ, а на душѣ страшно и тяжело. Зачѣмъ намъ отравляютъ эту праздничную минуту? И мы, какъ наши бѣдные крестьяне, стоимъ въ раздумьи, съ неполной вѣрой, съ глубокимъ желаніемъ любви и съ непреодолимымъ чувствомъ ненависти. Если бы можно было еще разъ сказать „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“—какъ громко, какъ отъ души сказали бы мы это... Столько для Россіи никогда не стояло на картѣ ни въ 1612, ни въ 1812 году“.

19-е февраля пришлось на масленицѣ, и по этой, обнаруживающей въ средѣ правительства величайшую робость и нерѣшительность, причинѣ опубликованіе манифеста было отложено.

„Отложили... Зачѣмъ?—писалъ Герценъ.—Неужели, въ самомъ дѣлѣ, по случаю масленицы? Что за пансіонскія затѣи?.. Эта отсрочка, это ожиданіе—сверхъ силъ человѣческихъ“...

Манифестъ объявили въ Петербургѣ только 5 марта. Протомили еще, значитъ, двѣ недѣли. Но какъ бы то ни было, а все же великое событіе

стало совершившимся фактомъ, и Герценъ привѣтствовалъ его автора именемъ „Освободителя“.

„Изъ дали нашей ссылки,—писалъ Герценъ,—мы привѣтствуемъ Александра именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки, мы привѣтствуемъ его именемъ Освободителя. Но горе, если онъ остановится, если усталая рука его опустится. Звѣрь не убитъ, онъ только ошеломленъ! Теперь, пока стоглавая гидра, каждая голова которой или Муравьевъ, или Гагаринъ, не совсѣмъ опомнилась, надобно покончить ее и освободить вмѣстѣ съ русскимъ крестьянствомъ новую русскую государственную мысль—и отъ нѣмецкихъ колодокъ и отъ русскихъ татаръ, тучныхъ нашей кровью, нашими слезами, нашимъ изнуреніемъ“...

И Герценъ требовалъ „второго шага“. Какого? „Чередъ за гласностью“, писалъ онъ.

Свершилось великое дѣло, но свершилось оно по формѣ до такой степени тускло, вяло, безжизненно и, по существу, съ такимъ огромнымъ пожертвованіемъ экономической стороной его въ пользу плантаторовъ, что не произвело сильнаго впечатлѣнія даже на такихъ, искренно жаждавшихъ прогресса и вовсе не гнавшихся за mise en scène людей, какъ И. С. Аксаковъ.

„Освобожденіе крестьянъ, — писалъ онъ Герцену,—было такъ обставлено, что для радости, т. е. для произведенія чувства радости, нуженъ извѣстный отвлеченный процессъ мысли: нужно напоминать себѣ объ этомъ, идеализировать, глядѣть въ чаемое будущее, а не въ настоящее. Постоянно себѣ говоришь, что совершается одна изъ величайшихъ соціальныхъ революцій, но ее не осязаешь“...

Тѣмъ больнѣе почувствовали, конечно, всѣ дефекты реформы люди, глядѣвшіе на самый принципъ самодержавія не глазами славянофиловъ...

Можно сказать, что 19 февраля 1861 года закончилось и то единеніе въ прогрессивномъ лагерѣ, которое наблюдалось до того времени. „Цѣпь великая“, порвавшись и ударивши „однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“, ударила вмѣстѣ съ тѣмъ и по прогрессивному лагерю, который— микроскопичный самъ по себѣ, распылился теперь чуть не на атомы.

„Въ Россіи, — вспоминаетъ время, послѣдовавшее за 19 февраля, П. Л. Лавровъ,—все яснѣе становился расколъ между либеральными группами тѣхъ, которые продолжали ждать отъ правительственныхъ реформъ блага для Россіи, и тѣхъ, которые видѣли возможность чего-либо лучшаго лишь въ энергичномъ давленіи общества на правительство, или даже въ рѣшительномъ революціонномъ вмѣшательствѣ русской интеллигенціи для измѣненія политическаго строя, неспособнаго ни къ какому добру для народа, хотя способнаго допустить разростаніе зла. Но и между послѣдними тѣ, для которыхъ политическая свобода по типу Тьера, Кавура или Пальмерстона составляла крайнюю мечту политическаго идеала для Россіи, начинали враждовать съ тѣми, которые понимали, что эти внѣшнія свободы могли получить содержаніе для массъ лишь при экономической эмансипаціи послѣднихъ отъ новаго рабства, наложеннаго капиталомъ на пролетаріатъ, и стремились предотвратить для Россіи печальный періодъ капиталистической эксплоатаціи“ (П. Л. Лавровъ—„И. С. Тургеневъ и развитіе русскаго общества“, стр. 97).

Но изъ кого же состояли эти враждовавшія между собою группы въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ? Въ ихъ составъ входитъ нѣсколько литераторовъ, нѣсколько офицеровъ, главную же массу, — если тутъ позволительно говорить о массѣ, — составляла учащаяся малодежь. Эта молодежь въ періодъ сравнительной съ николаевскими временами „оттепели“ успѣла попривыкнуть въ университетахъ къ нѣсколько болѣе человѣческой жизни. Тамъ переплавлялись въ одинъ общій составъ элементы двухъ родовъ: первый—дѣти прежняго привилегированнаго слоя общества, получившія впослѣдствіи характерное названіе „кающихся дворянъ“, и второй — пріобрѣтшія преимущественное вліяніе въ университетской средѣ дѣти другихъ общественныхъ классовъ,—„разночинная“ интеллигенція. Изъ сліянія этихъ двухъ элементовъ и образовалась толща тѣхъ „дѣтей“, которыя противопоставляли себя „отцамъ“. Здѣсь было все „молодо зелено“, но здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и сосредоточился весь тотъ духъ свободы, который наложилъ свою печать на цѣлыя поколѣнія русской молодежи.

Герценъ былъ, понятно, на той сторонѣ, на которой была свобода, и, когда власти, рѣшивши „обуздать“ молодежь, прибѣгли для этого къ свирѣпымъ репрессіямъ, именно изъ-подъ его пера вылетѣло то магическое слово „въ народъ!“, которое стало девизомъ освободительнаго движенія въ теченіе многихъ лѣтъ. Первые „студенческіе безпорядки“ вспыхнули въ Петербургѣ въ 1861 году. Правительство „усмирило“ ихъ своими обычными мѣрами, причемъ „усмиритель“ Бистромъ говорилъ солдатамъ, что это „бунтуютъ подъячіе, недовольные освобожденіемъ крестьянъ“. Университетъ былъ закрытъ.

Вотъ тогда-то и обратился Герценъ къ молодежи съ такими словами: „Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку? Сказать вамъ куда?.. Въ народъ! Къ народу!—вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки. Покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!“ Такимъ образомъ, не только теоретическія основы народничества, но и его практическій лозунгъ былъ формулированъ впервые Герценомъ. Однако, мало сказать—„въ народъ“, надо знать и зачѣмъ, съ какою цѣлью идти туда. Именно около этого вопроса и началось въ средѣ молодежи броженіе, именно тогда въ формѣ отвѣта на такой вопросъ и было выброшено знамя съ взятыми опять-таки у Герцена словами „Земля и Воля“...

Но все же движеніе это было чрезвычайно слабымъ, а обстоятельства чрезвычайно сложными, чтобы изъ ручейковъ образовался тогда же сколько-нибудь значительный потокъ.

Вспоминая потомъ это время, Герценъ писалъ: „Что въ Россіи клались первыя ячейки организацій (здѣсь и далѣе курсивъ Герцена), въ этомъ не было сомнѣнія; первыя волокна нити были замѣтны простому глазу; изъ этихъ нитей, узловъ могла образоваться при тишинѣ и времени обширная ткань. Все это такъ, но ея не было, и каждый сильный ударъ грозилъ сгубить работу на цѣлое поколѣніе и разорвать начальныя кружева паутины“.

Между тѣмъ, горячія головы требовали немедленныхъ и притомъ самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, а когда Герценъ привелъ противъ нихъ самыя вѣскія возраженія, они не подѣйствовали, и самъ

онъ былъ объявленъ „отсталымъ“. Такихъ „горячихъ головъ“ въ кружкѣ П. Г. Зайчневскаго, — это теперь фактъ, не подлежащій сомнѣнію,—было менѣе, чѣмъ пальцевъ у человѣка, но онъ все-таки рѣшилъ дѣйствовать и издалъ прокламацію „Молодая Россія“, полную самыхъ красно-трескучихъ словъ. Слова эти такъ бы остались, конечно, одними словами, но прокламація произвела страшный переполохъ,—ее связали самымъ нелѣпымъ образомъ съ происшедшими въ Петербургѣ пожарами, и „отцы“ подняли дикій гамъ противъ „дѣтей“, которыхъ, по имени тургеневскаго Базарова, окрестили всѣхъ именемъ „нигилистовъ“...

И чего они тогда такъ испугались? Вѣдь, прокламація была осуждена рѣшительно всѣми, вплоть до появившагося снова на свѣтъ Бакунина, отозвавшагося о ней, какъ о дѣлѣ, доказывающемъ у авторовъ прокламаціи „безумное истинно-доктринерское пренебреженіе къ народу“.—И это далеко не самое рѣзкое выраженіе, которое употребилъ Бакунинъ по адресу составителей прокламаціи. Отнесся къ прокламаціи вполнѣ отрицательно, разумѣется, и Герценъ, но онъ написалъ по этому поводу въ „Колоколѣ“ статью, которую только за недостаткомъ мѣста мы, къ величайшему сожалѣнію, должны привести лишь въ выдержкахъ. Эта статья—одна изъ жемчужинъ мысли и чувства ея автора.

„...Наконецъ-то этотъ листъ, ужаснувшій правительство и литературу, прогрессистовъ и реаковъ, цивилизованныхъ парламентаристовъ и цивилизующихъ бюрократовъ, дошелъ до насъ. Мы прочли его разъ, два, три... со многимъ очень несогласны, но, по совѣсти признаемся, не понимаемъ ни бѣлую горячку правительства, ни хныканье до-

бросовѣстныхъ журналовъ, ни душесмятеніе платоническихъ любовниковъ прогресса... Маловѣрные, слабые люди! Какъ мало надобно вашимъ женскимъ нервамъ, чтобы испугаться, бѣжать назадъ, схватиться за фалду квартальнаго... Нѣтъ, господа, не попадете вы ни въ рай, ни въ адъ,—Харонъ васъ оттолкнетъ весломъ на прѣсный берегъ... Добро бы они еще вѣрили, что русскій народъ такъ и схватится за топоръ по первому крику „да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская“ [1]). Нѣтъ, они всѣ хоромъ говорятъ, что это невозможно, что народъ этихъ словъ не понимаетъ, а напротивъ, озлобленный пожарами, готовъ растерзать тѣхъ, которые ихъ произносятъ. И все-таки каждый считаетъ своею обязанностью ругнуть молодыхъ людей, осыпать ихъ упреками и проклятіями... Если молодые люди,—а для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что листъ этотъ написанъ очень молодыми людьми,— въ своей заносчивости наговорили пустяковъ, остановите ихъ, вступите съ ними въ споръ, отвѣчайте имъ, но не кричите о помощи, не подталкивайте ихъ въ казематы... Жаль, что молодые люди издали эту прокламацію, но винить ихъ мы не станемъ. Ну, что упрекать молодости ея молодость, сама пройдетъ, какъ поживутъ... Горячая кровь, il troppo juvenil bollore [2]), тоска ожиданія, растущая не по днямъ, а по часамъ... и страшныя слова крови, страшныя фразы срываются съ языка... Стыдно вамъ! Вы всю жизнь молчали отъ страха передъ дикой властью, помолчите же сколько-нибудь отъ страха будущихъ угрызеній совѣсти“...

---

[1]) Этими словами оканчивалась прокламація.
[2]) Слишкомъ юношескій пылъ.

Обращаясь къ авторамъ прокламаціи, Герценъ продолжаетъ такъ [1]): „Вы насъ считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали отъ васъ во мнѣніяхъ, то не отстали сердцемъ... Не сердитесь же и вы, если мы скажемъ вамъ, что вашъ костюмъ Карла Мора и Гракха Бабёфа на русской площади не только старъ, но и сбиваетъ на маскарадное платье... Наши жертвы искреннія, какъ Михайловъ, какъ Обручевъ, должны нести двойное мученичество. Народъ не знаетъ ихъ, нѣтъ, хуже, онъ знаетъ ихъ за дворянъ и враговъ. Онъ не хочетъ ихъ жертвы. Вотъ куда привелъ разрывъ... Народъ готовъ побить каменьями тѣхъ, которые за него отдаютъ жизнь... Но вы, бѣдные страдальцы, не предавайтесь отчаянію. Довершите вашъ подвигъ преданности, исполните великую жертву любви и съ высоты вашей Голгоѳы, и изъ подземелій вашихъ рудниковъ, отпустите народу невольную обиду его и скажите, что онъ имѣетъ право на это заблужденіе, что вы благословляете его“...

Несмотря на такія замѣчательныя строки, слова „Герценъ отсталъ“, „Герценъ не хочетъ революціи“ понемногу дѣлали свое дѣло и пробивали

---

[1]) О Герценѣ въ прокламаціи, между прочимъ, говорилось: „его совершенное незнаніе современнаго положенія Россіи, его надежда на мирный переворотъ, его отвращеніе отъ кровавыхъ дѣйствій, отъ крайнихъ мѣръ, которыми однѣми можно только что-нибудь сдѣлать,—окончательно уронили журналъ въ глазахъ республиканской партіи“... Хотя эта „республиканская партія“ и состояла изъ Зайчневскаго, Агриропуло и еще всего двухъ-трехъ студентовъ, но это не мѣшало „партіи“ говорить въ прокламаціи такимъ задорнымъ языкомъ: „мы будемъ послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 года, но и великихъ террористовъ 92 года; мы не испугаемся, если увидимъ, что для ниспроверженія современнаго порядка придется пролить втрое больше крови, чѣмъ пролито якобинцами 90-хъ годовъ“, и т. д. въ томъ же родѣ.

первыя бреши въ отношеніяхъ между нимъ и „молодымъ поколѣніемъ“.

Между тѣмъ подготовлялось и произошло событіе, которое въ числѣ другихъ своихъ послѣдствій унесло остатки популярности Герцена и среди „отцовъ“.

То было польское возстаніе. Чтобы понять отношеніе къ этому событію Герцена, нужно помнить, что, по своимъ убѣжденіямъ, онъ былъ федералистъ, ненавидѣлъ централизацію, признавалъ право каждаго народа на самоопредѣленіе и считалъ свободный федеральный союзъ всѣхъ славянскихъ странъ лучшей формой политическаго устройства ихъ будущаго. Но политикомъ-практикомъ Герценъ, въ сущности, никогда не былъ. Въ началѣ польскаго возстанія русское прогрессивное общество несомнѣнно сочувствовало полякамъ, но послѣдніе сдѣлали двѣ непоправимыя ошибки, благодаря которымъ все движеніе въ Польшѣ того времени было обречено на неминуемую гибель. Первой ошибкой была претензія поляковъ на Польшу „историческую“, т. е. на включеніе въ составъ будущаго польскаго государства Литвы и Украины; второй ошибкой поляковъ было стремленіе оказать давленіе на Россію путемъ вмѣшательства иностранныхъ державъ. То и другое вызвало такой отпоръ со стороны русскаго общества, который никогда не могъ бы имѣть мѣста, если бы не было этого вмѣшательства и если бы дѣло шло лишь о Польшѣ этнографической. Между тѣмъ, благодаря ли, какъ думаетъ М. П. Драгомановъ, недостаточнымъ познаніямъ Герцена въ исторіи и этнографіи Польши, Литвы и Украины, благодаря ли вліянію на Герцена Огарева и Бакунина, но вышло такъ, что онъ какъ бы далъ свое

согласіе на возстаніе, на знамени котораго было написано: „историческая Польша“... Этого ни великороссы, ни украинцы простить ему не могли... Изъ общаго количества читателей „Колокола“ отъ него отшатнулось сразу четыре пятыхъ, а о томъ, какъ истребляли польскихъ повстанцевъ въ Украинѣ сами крестьяне, можно прочесть не въ оффиціальныхъ источникахъ, а, напр., въ „Воспоминаніяхъ“ В. К. Дебагорія-Мокріевича...

Герценъ самъ очень скоро понялъ сдѣланную имъ ошибку, но въ Польшѣ стали разыгрываться свирѣпѣйшія сцены ея „усмиренія“, и теперь необходимо было говорить уже не во имя польскихъ притязаній, а подымать голосъ во имя гуманности, протестовать противъ безчеловѣчія. И Герценъ доблестно исполнилъ свою обязанность до конца.

Это-то и поставило его между всѣхъ огней...

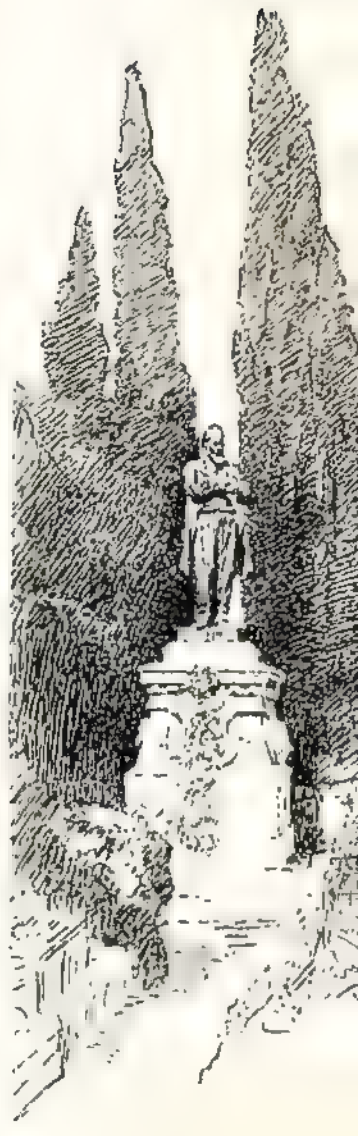
„Польская гроза приближалась больше и больше,— вспоминаетъ это время самъ Герценъ...—Бакунинъ помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади, баррикады, онъ любилъ также и приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспираций, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ. Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиціи къ домашнему спектаклю и приготовленіе елки составляютъ одну изъ лучшихъ изящныхъ частей? Но какъ онъ ни увлекался приготовленіями елки, у меня на сердцѣ скребли кошки, я постоянно спорилъ съ нимъ и не хотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ“...

Впослѣдствіи Герценъ говорилъ, что у него

ПАМЯТНИКЪ

НА МОГИЛѢ ГЕРЦЕНА ВЪ НИЦЦѢ.

РАБОТЫ П. П. ЗАБѢЛЛО.



нѣтъ предъ собою оправданія даже въ невольности совершенной имъ той или другой ошибки, т. е. въ заблужденіи сознанія въ моментъ ея совершенія, въ убѣжденіи, что это не ошибка, а истина; нѣтъ, онъ совершалъ, по его собственнымъ словамъ, ошибки, видя ихъ, совершалъ à contre coeur, уступая другимъ и раскаиваясь потомъ въ своей уступчивости... Происходило же это оттого, что à fond Герценъ не былъ никогда практическимъ политическимъ дѣятелемъ; для прописыванія политическихъ рецептовъ онъ не годился, благодаря именно необыкновенной широтѣ своего ума и заложенному въ глубинахъ его духа вѣчно грызущему его червю скептицизма. Это былъ проповѣдникъ, сѣятель идей, а не составитель формулъ. Люди формулъ и догмъ были чужды его натурѣ; если же къ этому присоединялась у нихъ еще наклонность къ риторикѣ, то и прямо враждебны.

„Мозговая религіозность и отсутствіе скептическаго сосанія подъ ложечкой,—писалъ Герценъ о Луи Бланѣ, — обводили его китайской стѣной, за которую нельзя было забросить ни одной новой мысли, ни одного сомнѣнія“. Вотъ типъ противоположный Герцену, въ душѣ котораго жило вѣчно именно „скептическое сосаніе подъ ложечкой“; въ этомъ была Герцена и сила, и слабость. Такое чувство великолѣпно для сѣятеля идей, но годится менѣе всего, особенно въ боевое время, для политика-практика, который всегда тѣмъ сильнѣе гипнотизируетъ массы, тѣмъ безоглядне заставляетъ ихъ идти за собою, чѣмъ болѣе самъ знаетъ

Одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

Герценъ понималъ это, умѣлъ высоко цѣнить и людей иного съ нимъ душевнаго склада, но цѣнилъ онъ ихъ такъ лишь при условіи, чтобы „одна“ мысль и „одна“ страсть проникали дѣйствительно всего ихъ носителя, владѣли имъ безраздѣльно,— иначе все кончено... Всякая фальшь, всякая риторическая фраза, всякая неискренность въ такихъ случаяхъ убійственны и легко превращаютъ пламеннаго пророка въ кривляющагося передъ толпой клоуна...

Относясь весьма отрицательно ко многимъ фразерамъ, Герценъ, при всемъ своемъ скептицизмѣ, относился съ чувствомъ близкимъ къ благоговѣнію къ герою итальянскаго освободительнаго движенія— Гарибальди. Когда этотъ, цѣликомъ „выхваченный изъ Корнелія Непота“, кумиръ Италіи познакомился съ Герценомъ, онъ такъ же горячо полюбилъ Александра Ивановича, какъ любили его и Маццини, и Саффи, и Медичи, и другіе знаменитые дѣятели итальянскаго „risorgimento“, точно чувствовали они, что, не взирая на глубокое различіе ихъ психикъ съ психикою Герцена, главное у нихъ съ нимъ было общее: то была общая святая святыхъ—стремленіе къ человѣческой свободѣ, не загрязненное никакими посторонними примѣсями.

Когда читаешь восторженныя строки Герцена о Гарибальди, иногда кажется, что онъ ему завидуетъ. Но это невѣрно. Тутъ процессъ болѣе глубокій: Герценъ видитъ въ Гарибальди не только черты, одному лишь итальянскому герою индивидуально принадлежащія, но и такія, которыя лишь выпукло въ немъ сконцентрировались, принадлежа всему итальянскому народу. Онъ видитъ, что именно это сочетаніе особенностей личныхъ и чертъ глубоко-на-

ціональныхъ дѣлаетъ изъ Гарибальди носителя дѣйствительно народныхъ идеаловъ его страны. Душевная жизнь Гарибальди сливается съ жизнью его отечества въ одинъ общій потокъ,—у нихъ общее біеніе сердца,—но сліяніе это не является, однако, поглощеніемъ личности избранника исторіи его народомъ. Остается и еще что-то, ему одному принадлежащее. Передъ Герценомъ стояла какъ-будто живая иллюстрація къ возможности рѣшенія той проблемы о личности и обществѣ, которая его занимала всю жизнь. Онъ любовался, онъ восхищался этой иллюстраціей, онъ преклонялся предъ нею. Обращаясь къ самому себѣ, онъ чувствовалъ, что милліоны и милліоны его собственныхъ соотечественниковъ его совсѣмъ не знаютъ и еще многіе годы не узнаютъ,—а если бы и знали, — было ли бы у нихъ съ нимъ такое же общее біеніе пульса, какъ у Гарибальди съ его прекрасной Италіей?... Нѣтъ, не было... Народъ, масса всегда чужды вѣчному „скептическому сосанію подъ ложечкой“, т. е. чертѣ, которая была такъ жива въ психикѣ Герцена... И онъ понималъ это, можетъ быть, тамъ, гдѣ-то въ тайникахъ души, сравнивая свое положеніе съ положеніемъ Гарибальди, даже вздохнулъ, но это было не завистью, а признаніемъ факта, оцѣнка его и преклоненіе передъ тою его стороною, передъ которой „преклониться не стыдно“... Онъ воздавалъ Гарибальди должное, но самъ едва ли бы съ нимъ помѣнялся ролями, если бы это даже и было возможно... Слишкомъ дорогъ ему былъ и его собственный, ему одному принадлежавшій, психическій міръ...

Когда знаменитый итальянецъ былъ въ Лондонѣ, когда въѣздъ его въ столицу Англіи превратился

въ тріумфальное шествіе некоронованнаго короля, когда самая чопорная англійская аристократія добивалась, какъ величайшей чести, увидѣть въ своихъ дворцахъ и салонахъ „красную рубашку“, — тогда Гарибальди явился къ Герцену, въ домѣ котораго произошло его извѣстное примиреніе съ Маццини. То была славная страница въ жизни Герцена.

Но вернемся къ тѣмъ событіямъ, о которыхъ мы упомянули выше и которыя дали Каткову случай, обдавая Герцена ругательствами, называя его „измѣнникомъ“, „поджигателемъ“ и т. п. именами, упрочить надолго свое собственное положеніе въ качествѣ „спасителя отечества“...

Окончилось возстаніе въ Польшѣ, окончилась „миссія“ Муравьева-Виленскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступили въ Россіи тѣ времена, о которыхъ Герценъ писалъ такія строки:

„Ревъ, вой, шипѣніе казеннаго, свирѣпаго пятріотизма заглушаетъ всякое человѣческое слово. Образованная Россія оказалась гораздо болѣе варварской, чѣмъ Россія народная. На этомъ варварствѣ ея стали возможны ужасныя дѣла и ужасныя слова, — казни въ Польшѣ, каторги въ Россіи, раненый Сѣраковскій, вздернутый на висѣлицу, Чернышевскій, бѣлымъ днемъ выставленный у позорнаго столба, и всѣ прочія неистовства правительства и общества“.

Герценъ, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ продолжать борьбу.

„Продолжать для того, чтобы не умолкъ послѣдній протестъ, чтобы не заглохло угрызеніе совѣсти, чтобы не было вдвое стыдно потомъ, чтобы иной разъ выжечь опять клеймо позора на узкомъ лбѣ палачествующаго правительства, обнищавшаго дворянства и шпіонствующей журналистики“.

Прошло еще два года, и вотъ раздался выстрѣлъ Каракозова. Герценъ такого рода актамъ рѣшительно не сочувствовалъ, но, порицая ихъ, онъ, разумѣется, громко протестовалъ и противъ тѣхъ, кто схватился за выстрѣлъ, дабы толкать власть на путь еще болѣе беззастѣнчивой реакціи.

„Намъ рѣшительно нѣтъ шанса, хоть косвенно, сказать слово въ пользу предержащихъ властей,— писалъ онъ. — Выстрѣлъ 4-го апрѣля былъ намъ не по душѣ. Мы ждали отъ него бѣдствій, насъ возмущала отвѣтственность, которую бралъ на себя какой-то фанатикъ. Мы вообще терпѣть не можемъ сюрпризовъ ни на именинахъ, ни на площадяхъ... Только у дикихъ и дряхлыхъ народовъ исторія пробивается убійствами“...

Но въ Петербургѣ было сдѣлано рѣшительно все, чтобы даже у Герцена, сильнаго, мужественнаго, стойкаго Герцена, почти опустились отъ отчаянія руки. Въ это время онъ пишетъ слѣдующія слова:

„Новости изъ Россіи безконечно печальны. Выстрѣлъ 4-го апрѣля ростетъ не по днямъ, а по часамъ въ какую-то о б щ у ю б ѣ д у (курсивъ здѣсь и далѣе Герцена) и грозитъ вырости въ еще страшнѣйшія и въ еще болѣе незаслуженныя Россіей бѣдствія.

„Полицейское бѣшенство достигло чудовищныхъ размѣровъ. Какъ кость, брошенная разсвирѣпѣлымъ сворамъ, выстрѣлъ вновь раззадорилъ злобу грызшихся и сдулъ слабый пепелъ, которымъ начало было заносить тлѣвшій огонь; темныя силы еще выше подняли голову, а испуганный кормчій ведетъ на всѣхъ парусахъ Россію въ такую черную гавань, что при одной мысли о ней цѣпенѣетъ и кружится голова.

„Выстрѣлъ безуменъ, но каково нравственное состояніе государства, когда его судьбы могутъ измѣняться отъ случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни отстранить невозможно именно потому, что онѣ безумны. Мы рѣшительно не вѣримъ ни въ серьезный, ни въ огромный заговоръ. Заговоръ создается, выдумывается теперь такъ, какъ Фуше выдумывалъ якобинское участіе въ „адской машинѣ“ улицы Никезъ.

„Жизнь народная превосходно поняла выстрѣлъ. Она его превратила въ торжество. Какая овація, какая коронація, какой елей или sainte chrême могло больше утвердить тронъ, больше укрѣпить личную силу государя, какъ этотъ выстрѣлъ, съ рукой спасающаго крестьянина, со всей обстановкой? Тутъ-то бы государю и стать во весь ростъ, во всей полнотѣ великодушнаго забвенія, а стрѣлявшаго предоставить обыкновенному суду, но суду гласному. Онъ этого не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать,— онъ окруженъ другимъ заговоромъ, онъ окруженъ русскимъ тайнымъ жондомъ.

„Темная интрига сдѣлала себѣ изъ выстрѣла знамя гибели, то знамя, которое на старинныхъ нѣмецкихъ картинкахъ мы видимъ въ рукахъ смерти съ косой. Да, жондъ будетъ косить направо и налѣво, косить прежде всего своихъ враговъ, косить освобождающееся слово, косить независимую мысль, косить головы, гордо смотрящія впередъ, косить народъ, которому теперь льстятъ,—и все это подъ осѣненіемъ знамени, возвѣщающаго, что они мстятъ за него. Горе Россіи, если царь окончательно повѣритъ, что тайный жондъ его спасаетъ. Мы пройдемъ страшнѣйшей бироновски-аракчеевской эпохой, мы пройдемъ застѣночнымъ ханжествомъ новыхъ

Магницкихъ, мы пройдемъ всѣми ужасами свѣтскаго инквизиторства, да еще со всѣми усовершенствованіями, вводимыми поддѣльной гласностью и полицейской сквернословящей литературой".

И Герценъ въ своемъ предвидѣніи не ошибся.

Онъ не ошибся въ предвидѣніи событій, но были послѣдствія занятой имъ послѣ 4 апрѣля 1866 года позиціи и для него самого. „Отцовъ" онъ не образумилъ, а „дѣтей" тѣмъ тономъ своихъ статей, который взялъ онъ по отношенію къ выстрѣлу Каракозова, — а не могъ же онъ взять другого, не измѣняя самому себѣ, — тоже совершенно отъ себя отшатнулъ, и „Колоколъ", славный „Колоколъ", лишившись общественнаго сочувствія, сталъ болѣе и болѣе идти ко дну...

Наступили послѣдніе глубоко-трагическіе годы жизни Герцена. Въ то время за границею появилась уже новая русская эмиграція изъ „молодого поколѣнія". Эмиграція эта сконцентрировалась почти исключительно въ Женевѣ, куда перенесъ изъ Лондона свой журналъ и Герценъ. Съ своими новыми товарищами по эмиграціи Герценъ совершенно не сошелся. Почему? „Мнѣ съ ними ужасно скучно", — писалъ онъ однажды Огареву, и эти пять словъ объясняютъ дѣло лучше цѣлыхъ страницъ.

Острый взглядъ Герцена умѣлъ всегда не только констатировать факты, но и доходить до ихъ причинъ. Встрѣтившись съ молодежью и замѣтивши въ ней много несимпатичныхъ ему чертъ, онъ сумѣлъ дать замѣчательное имъ объясненіе. Эти „дѣти" какъ бы говорили, обращаясь къ „отцамъ", всѣмъ своимъ поведеніемъ такія слова:

„Вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ

злодѣями; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая,—мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы въ честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и points d'honneur'овъ".

Тутъ, словомъ, былъ уголъ отраженія, равный углу паденія. Все это Герценъ отлично понималъ, а понимая, могъ бы со всѣмъ этимъ, хотя и скрѣпя сердце, мириться, но что же было дѣлать, если ему, разносторонне развитому, обладавшему широкимъ взглядомъ на міръ и многогранной натурой, приходилось встрѣчаться съ людьми, обладавшими,— не по своей, конечно, винѣ, но отъ этого не легче,— качествами, какъ разъ обратными? Что долженъ былъ испытывать онъ, когда ему начинали „говорить свысока и съ презрѣніемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ"? Да, просто, скуку, прежде всего, страшную скуку...

И онъ надѣялся, живой или мертвый, протянуть руку поколѣніямъ другимъ. Эта надежда его сбылась. Нѣтъ теперь мыслящаго человѣка въ Россіи, который не ставилъ бы Герцена высоко-высоко... Но послѣдніе годы жизни изгнанника были страшно тяжелы...

„Отцы" отъ него отшатнулись, „дѣти"—тоже. Онъ, кедръ ливанскій среди тѣхъ и другихъ, остался совершенно одинокъ.

И произошла еще одна иронія судьбы: молодежь, отъ него отшатнувшаяся, не замѣчала даже того, что одушевлявшія ее идеи народническія, тѣ идеи, съ которыми, чистая и благородная, двинулась она черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того „въ народъ",

она заимствовала преимущественно у Герцена; не замѣчала она, что это онъ былъ истиннымъ родоначальникомъ всего того идейнаго движенія, которое извѣстно подъ именемъ „народничества“. Только восприняла она эти идеи не непосредственно отъ Герцена, котораго она забыла,—въ перечнѣ заграничныхъ изданій, находимыхъ у революціонной молодежи 70-хъ годовъ при обыскахъ (см. сборники Базилевскаго „Государственныя преступленія въ Россіи“), произведенія Герцена почти никогда не попадаются,—а черезъ книжки, въ которыхъ не трудно видѣть идеи Герцена, но въ формѣ рецептарной, до крайности упрощенной, а потому и совершенно лишенной глубокой Герценовской души. Мы уже и не говоримъ о заграничныхъ журналахъ 70-хъ годовъ съ ихъ проповѣдью особаго пути соціально-экономическаго развитія Россіи, общинѣ, артели и пр. и пр.,—все это отъ Герцена, но опять-таки съ тою разницею, что преподносилось оно въ чуждой Герцену формѣ догматовъ. Герценъ никогда не доходилъ, напр., до отрицанія „политики“,—тогда какъ журналы, о которыхъ идетъ рѣчь, въ прямолинейности своей ее отрицали, и лишь народовольцы снова подняли нить, оборвавшуюся въ русской исторіи со временъ декабристовъ, т. е. тѣхъ „политиковъ“, которыхъ такъ высоко цѣнилъ, не переставая быть „неисправимымъ соціалистомъ“, Герценъ. Основатель народничества былъ гораздо сложнѣе своего дѣтища.

Признаніе заслугъ Герцена пришло черезъ много лѣтъ, но „молодое поколѣніе“ эмигрантовъ, въ соприкосновеніи съ которымъ прошли послѣдніе годы жизни Александра Ивановича, его совершенно не поняло и относилось къ нему весьма враждебно...

Дѣло дошло до того, что даже наиболѣе даровитый среди нихъ Александръ Серно-Соловьевичъ издалъ противъ Герцена брошюру „Наши домашнія дѣла“, въ которой если и есть глубина, то исключительно глубина непониманія авторомъ трактуемаго имъ предмета.

Въ довершеніе несчастья съ представителями нарождавшейся въ Россіи новой молодежи, въ средѣ которой вскорѣ возникли такія кристально чистыя явленія, какъ, напр., кружокъ чайковцевъ, Герцену встрѣтиться не пришлось. Наоборотъ, судьбѣ угодно было, чтобы незадолго до своей смерти онъ столкнулся съ прибывшимъ изъ Россіи Сергѣемъ Нечаевымъ, произведшимъ на Герцена, разумѣется, самое гнетущее впечатлѣніе. Онъ не могъ даже говорить о Нечаевѣ безъ величайшаго негодованія. Нѣкоторыми сторонами своего характера Нечаевъ снискалъ себѣ расположеніе Бакунина и Огарева, но уже послѣ смерти Герцена Бакунинъ писалъ о Нечаевѣ Огареву такія строки: „нечего и говорить, какую роль глупцовъ сыграли мы. Если бы былъ живъ Герценъ, какъ бы онъ надъ нами зло посмѣялся и какъ онъ былъ бы правъ! Теперь намъ остается только проглотить горькую пилюлю и быть осторожнѣе на будущее время“... Надо же было такъ случиться, чтобы въ качествѣ образца послѣдней формаціи „молодого поколѣнія“ Герцену попался именно Нечаевъ, этотъ не только не типичный представитель молодежи, а наоборотъ, явленіе по моральному безобразію своему совершенно исключительное! Но случилось именно такъ...

Послѣ 1866 года „Колоколъ“ представлялъ собою уже явленіе, окончательно отъ русской жизни оторванное. Герценъ не разъ хотѣлъ прекратить

журналъ, но Огаревъ настаивалъ на продолженіи, и онъ уступалъ. Но дѣла шли все хуже и хуже, и 1 іюля 1867 года,—послѣ десятилѣтняго непрерывнаго существованія журнала,—появилось объявленіе о пріостановкѣ „Колокола“ на полгода; но на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ листовъ, „Колоколъ“ болѣе не возобновлялся. Попробовалъ Герценъ издавать „Колоколъ“ на французскомъ языкѣ, чтобы говорить не Россіи, а о Россіи, но этотъ опытъ оказался неудачнымъ, и французскій „Kolokol“ пришлось также прекратить.

Скорбныя ноты звучатъ въ письмахъ Герцена къ Огареву послѣ смерти „Колокола“.

«Въ „Figaro“ было нѣсколько строкъ о прекращеніи „Колокола“,—писалъ Герценъ—... замѣть, ни одного русскаго голоса—ни даже частнаго. „Колоколъ“ умеръ, какъ Клейнмихель, „никѣмъ не оплаканъ“, а мы лѣзли изъ шкуры для этой милой св...» (Пассекъ. „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. III, стр. 154).

Огаревъ, видимо, ссылался на внѣшнія условія печати въ Россіи, которыя не позволяли говорить о такомъ фактѣ, какъ прекращеніе „Колокола“. На это въ письмѣ изъ Ниццы отъ 3 января 1869 года Герценъ отвѣчалъ Огареву такъ:

„Ты все воображаешь, что мы въ 1859 году и что о насъ боятся говорить. Родіоновъ дѣлаетъ выписки изъ „Колокола“ въ „Голосѣ“; „С.-Петербургскія Вѣдомости“ говорятъ обо мнѣ, какъ говорятъ о Мѣрославскомъ и проч. Стало сомнѣнія нѣтъ, что могли говорить о прекращеніи и просто пропустили“... (Ibid., стр. 202).

Такъ окончилось предпринятое Герценомъ славное дѣло, но оно кончилось такъ лишь съ его внѣш-

ней стороны. По своему внутреннему смыслу и значенію оно не только не умерло, не могло умереть, но трагизмъ положенія, въ которомъ очутился великій изгнанникъ при, такъ сказать, физической смерти его любимаго дѣтища,—созданія его геніальнаго духа,—возноситъ въ памяти всей мыслящей Россіи имя Александра Ивановича Герцена на еще большую высоту; этотъ трагизмъ вплелъ въ вѣнецъ великаго гражданина земли русской лишь новый лавръ безсмертія.

Бакунинъ занятъ былъ въ то время организаціей своего анархическаго „Союза Соціальной Демократіи“ и предлагалъ Герцену сдѣлаться членомъ этого „Союза“. Въ отвѣтъ на такое предложеніе Герценъ написалъ нѣсколько „писемъ къ старому товарищу“, въ которыхъ находится много мыслей, резюмирующихъ все, Герценомъ передуманное, перечувствованное и испытанное. Мы касались уже выше этихъ писемъ, когда говорили объ отношеніи Герцена и Бакунина къ Марксу; мы тогда же отмѣтили тотъ живой интересъ, съ которымъ относился Герценъ къ Международному Обществу Рабочихъ, и потому мы здѣсь ограничимся приведеніемъ лишь нѣсколькихъ цитатъ изъ замѣчательнѣйшихъ писемъ Герцена „къ старому товарищу“.

„Ни ты, ни я,—писалъ ему Герценъ,—не измѣнили нашихъ убѣжденій, но разно стали къ вопросу (соціализма). Ты рвешься впередъ по-прежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть, ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе пути и стараюсь понять шагъ людской (курсивъ Герцена) въ былomъ и настоящемъ, иду съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль,

въ которую люди не пойдутъ за мною, не могутъ идти. И еще слово. Высказать это въ томъ кругу, въ которомъ мы живемъ, требуетъ, если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, чѣмъ брать въ вопросахъ самую крайнюю крайность“.

„Сомнѣнія нѣтъ, что акушеръ можетъ ускорять, облегчать, устранять препятствія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ, а ихъ трудно установить и страшно перепутать“.

„Мы видѣли грозный примѣръ кроваваго возстанія, въ минуту отчаянія и гнѣва сошедшаго на площадь и спохватившагося на баррикадахъ, что у него нѣтъ знамени. (Герценъ говоритъ здѣсь объ „іюньскихъ дняхъ“ въ Парижѣ). Сплоченный въ одну дружину, міръ консервативный побилъ его. Вслѣдствіе этого было то ретроградное движеніе, котораго слѣдовало ожидать“.

Герценъ, конечно, былъ всею душою на сторонѣ побѣжденнаго въ іюньскіе дни пролетаріата. Онъ самъ говоритъ, вспоминая то время, что, „стоя возлѣ труповъ, возлѣ ядрами разрушенныхъ домовъ, слушая въ лихорадкѣ, какъ разстрѣливали плѣнныхъ, я всѣми помыслами звалъ дикія силы на месть, на разрушеніе старой, преступной веси“. Онъ знаетъ все, что можно и должно говорить противъ каннибаловъ существующаго строя, знаетъ и, тѣмъ не менѣе, съ отвагою, дѣлающею величайшую честь неустрашимости его мысли, ставитъ и вопросъ:

„Но что было бы, если бы побѣда стала на сторону баррикадъ? Въ двадцать лѣтъ (т. е. въ теченіе прошедшихъ съ іюньскихъ дней двадцати лѣтъ) грозные борцы (не) высказали ли все, что у нихъ было за душой? Ни одной построяющей, органической мысли

мы не находимъ въ ихъ завѣтѣ, а экономическіе промахи не косвенно, какъ политическіе, а прямо и глубже ведутъ къ разоренію, къ застою, къ голодной смерти".

Тогда была лишь общая идея новаго порядка, но ея недостаточно. „Общее постановленіе задачи не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насильемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ міръ буржуазный, когда уляжется дымъ и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями какой-нибудь буржуазный міръ. Потому что онъ внутри не конченъ и потому еще, что ни міръ строяющій, ни новая организація не настолько готовы, чтобы пополняться, осуществляться...

„Пусть каждый добросовѣстный человѣкъ самъ себя спроситъ,—готовъ ли онъ? Такъ ли ясна для него новая организація, къ которой мы идемъ,—(такіе) какъ общіе идеалы коллективной собственности, солидарности,—и знаетъ ли онъ процессъ, кромѣ простого ломанья,—которымъ должно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? И пусть, если онъ лично доволенъ собой, пусть скажетъ, готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ бой?

„Прежде дѣло хотѣли взять грудью, усердіемъ, отвагой и шли на-авось... Знанія и пониманія не возьмешь никакими coup d'état и никакими coup de tête... Всякія попытки обойти, перескочить сразу отъ нетерпѣнія, увлечь авантюризмомъ или страстью, приведутъ къ страшнѣйшимъ столкновеніямъ и, что хуже, къ неизбѣжнымъ пораженіямъ.

„Экономическій переворотъ имѣетъ необъятное преимущество передъ всѣми религіозными и

политическими революціями въ трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его, таково и обращеніе съ данными. По мѣрѣ того, какъ онъ выростаетъ изъ состоянія неопредѣленнаго страданія и недовольства, онъ невольно становится на реальную почву".

Въ такихъ словахъ резюмировалъ Герценъ итоги своихъ многолѣтнихъ наблюденій и размышленій надъ рядомъ грандіозныхъ событій, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ онъ былъ лично, отсюда и его многообобщающіе синтезы. И нельзя не видѣть, что Герценъ упредилъ здѣсь на многомного лѣтъ идеи современнаго реалистическаго русла въ европейскомъ рабочемъ движеніи. Этимъ Герценъ, однако, отнюдь не отрекался отъ своего взгляда на „мѣщанство", какъ на главную болѣзнь Европы, и вовсе не усматривалъ въ указываемыхъ имъ идеяхъ средство, могущее исцѣлить и это зло; нѣтъ, онъ говоритъ здѣсь исключительно объ „экономической" сторонѣ проблемы и о возможныхъ способахъ ея рѣшенія. Что же касается другихъ ея сторонъ, то Герценъ ставитъ на нихъ попрежнему огромный вопросительный знакъ, и глубокая морщина не сходитъ съ его чела... Онъ подходитъ близко къ утвержденію, что рѣшеніе экономической стороны проблемы соціализма и не можетъ быть инымъ, кромѣ „мѣщанскаго"—проблема же эта непремѣнно должна быть рѣшена,—а что дѣлать для того, чтобы черезъ такое рѣшеніе не стала „мѣщанскою" и вся духовная жизнь людей,—это и составляетъ кардинальнѣйшій вопросъ современности... Упреждая многія идеи Запада, Герценъ остается въ то же время человѣкомъ безусловно самобытнымъ, съ непрерывною работою собствен-

ной проникновенной мысли, съ ни на одну минуту не ослабѣвающей интенсивностью душевной жизни. Согласится ли, нѣтъ ли читатель съ идеями Герцена, но ужъ, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ будетъ признать, что въ нихъ заключенъ огромный возбудитель для самостоятельной работы мысли надъ проблемами громаднаго теоретическаго и практическаго значенія. Прежде чѣмъ сойти въ могилу, Герценъ еще разъ предсталъ во весь ростъ въ качествѣ сѣятеля идей...

Какъ глубоко смотрѣлъ Герценъ на все вокругъ него происходившее, видно еще и изъ такого замѣчательнаго примѣра: живя въ концѣ 1867 года въ Генуѣ, Герценъ написалъ статью о наполеоновской Франціи, изумившую вскорѣ многихъ своимъ пророческимъ содержаніемъ.

„Святой отецъ, теперь ваше дѣло“,—таковы слова изъ Шиллера, взятыя Герценомъ эпиграфомъ къ статьѣ, которую онъ началъ со слѣдующихъ вѣщихъ строкъ:

„Эти слова мнѣ такъ и хочется повторить Бисмарку. Груша зрѣла, и безъ его сіятельства не обойдется. Не церемоньтесь, графъ.

„Мнѣ жаль, что я правъ; я словно прикосновенный къ дѣлу тѣмъ, что въ общихъ чертахъ его предвидѣлъ. Я досадую на себя, какъ досадуетъ дитя на барометръ, предсказывавшій бурю и испортившій прогулку...

Графъ Бисмаркъ, теперь ваше дѣло!...“

То были слова провидца.

Черезъ годъ послѣ написанія этихъ строкъ (онѣ появились въ послѣдней книжкѣ „Полярной Звѣзды“) Герценъ пріѣхалъ въ Парижъ. Всѣ видѣвшіе его въ то время свидѣтельствуютъ единогласно, что,

не взирая на все пережитое и испытанное, это былъ все тотъ же живой, обаятельный, искрившійся остроумiемъ Герценъ. Но смерть уже подстерегала его. Онъ простудился, слегъ въ постель и тамъ же, въ Парижѣ, 9/21 января 1870 года умолкла непрестанно работавшая мысль, перестало биться многострунное сердце геніальнаго человѣка...

Александра Ивановича Герцена похоронили сначала на кладбищѣ Père Lachaise въ Парижѣ, а потомъ прахъ его былъ перевезенъ въ Ниццу, гдѣ онъ и покоится до настоящаго дня.

„Начавши съ крика радости, при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращенiемъ на родину“. Эти слова написалъ Герценъ, когда ему было сорокъ лѣтъ отъ роду. Нынѣ со дня его рожденія истекло столѣтіе. И что же,— возвращенъ ли онъ своей родинѣ хоть теперь, возвращенъ ли странѣ, къ которой былъ онъ прикованъ при жизни всѣми помыслами своего мощнаго духа, всѣми фибрами своего любящаго сердца?

Увы, нѣтъ, и кто скажетъ, когда, наконецъ, произойдетъ такое возвращеніе?..

А произойти оно должно, кромѣ учрежденія Герценовскаго Музея, къ чему можно и должно приступить немедленно, еще въ трехъ формахъ:

Въ формѣ изданія безъ единой выпущенной строчки всѣхъ твореній великаго писателя.

Въ формѣ полной и достойной имени Герцена его біографіи.

Въ формѣ перенесенія праха его изъ Ниццы въ Москву.

Мы хорошо знаемъ, что всѣ три формы этого возвращенія Герцена русскому народу въ настоящее время утопіи, но вѣримъ мы глубоко, что всѣ онѣ

получатъ въ будущемъ свое воплощеніе въ жизни.

Изданіе всѣхъ сочиненій Герцена придетъ, когда придетъ въ нашу страну истинная свобода.

Полная біографія Герцена, разсказанная на фонѣ всѣхъ событій русской и европейской исторіи 1812—1870 года, придетъ, когда придетъ на русскую землю тотъ талантъ, которому будетъ подъ силу такая высокая задача.

Перенесеніе праха Герцена изъ Ниццы въ Москву... Конечно, не теперь... Великій рыцарь свободы человѣческой личности долженъ и покоиться лишь въ землѣ свободнаго народа. Но когда пробьетъ часъ наступленія для Россіи свободнаго бытія, тогда возвращеніе ей не только духа, но и праха ея славнаго сына должно стать всероссійскимъ національнымъ дѣломъ. Всѣ возраженія, какія раздавались противъ перенесенія праха Герцена даже и въ свободную Россію, совершенно несостоятельны. Мы горячо вѣримъ, что день такого перенесенія придетъ и будетъ онъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней земли русской.

Оглавленіе.

		стр.
I.	Дѣтство и юность (1812—1834 гг.).	3
II.	Годы подневольной жизни (1835—1842 гг.). . . .	42
III.	Опять Москва (1842—1847 гг.).	67
IV.	Первое десятилѣтіе пребыванія въ Европѣ (1847—1857 гг.).	94
V.	Послѣдній періодъ жизни (1857—1870 гг.)	136

Московск. Обл. Библиотеки

14 АПР

1

Цѣна 80 коп.